

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ ГАЗЕТЪ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЗА ФЕВРАЛЬ 1915 ГОДА

Муша

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 13976

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 7-го (20-го) ФЕВРАЛЯ 1915 ГОДА.

№ 13976

САРЫНАМЫШЪ.—Бой и преслѣдованіе Турокъ подѣ Караурганомъ.

Ориг. рис. А. Пржецлавскаго.

Подполк. А. А. АВРИНСКІЙ,
награжденный орденомъ св. Георгія
4-й степени.

охотничьи принадлежности и т. п. Изъ нихъ онъ ухитрился иногда помогать бѣднымъ, но и то краснѣя и проси «не говорить барышъ».

— Мы не миліонщики,—было любимымъ выраженіемъ Калеріи Михайловны, обращеннымъ къ просящимъ.

Въ банкѣ лежалъ у нихъ очень крупный капиталъ, были кромѣ того дачи, доходный домъ гдѣ-то въ провинціи.

Люба когда-то кутежи, скачки, охоту, Дмитрій Сергѣевичъ съ годами—ему было 47 лѣтъ—во всемъ покорился женѣ и сидѣлъ сиднемъ на дачѣ, не рѣшаясь, отчасти изъ лѣни, выѣзжать въ городъ, испытывая адскую скуку.

Лѣтомъ еще было сносно.

Наѣзжали дачники, преимущественно мелкіе чиновники, конторщики. Вечерами, хороше, представлялъ собой, наоборотъ, сидя у дачи на скамьѣ, слушали музыку, такъ называемую—душу на-распашку,—долежавшую съ дачнаго круга. Сидѣли по только денегъ у него не было: Калеріей такъ, при звѣздахъ и мѣсяцѣ, вплоть до Михайловной выдавалось ему на порохъ, ужина—съ осетриной и варениками.

Молитва.

Спаси, Господи, люди Твои Своей силою,
Благодать Твоя въ жизнь пусть возлетитъ
унылую.

Дай конецъ сопротивныхъ безумію дикому,
Дай прагони побѣдить Государю великому!
Пусть же кончатся варваровъ злыя мучи-
тельства,
И Твое сохранится Крестомъ Твоимъ жи-
тельство.

И. Давидовъ.

Пробужденіе.

Разсказъ.

I.

Домъ былъ необыкновенно удобный, красивый, теплый зимой, прохладный лѣтомъ, со стеклянной терасой, выходящей въ густой липовый садъ, украшавшійся пестрыми цвѣтниками.

Среди бѣднаго, заброшеннаго, съ окончаніемъ дачнаго сезона, поселка, онъ казался перенесеннымъ изъ какой-то богатой усадьбы.

Кругомъ шли сараи, прочныя, вѣковые, и птичникъ для дорогихъ породистыхъ куръ и утокъ, до которыхъ была охотница жена ховяина Дмитрія Сергѣевича Майкова, Калерія Михайловна.

Майковъ поселился въ мѣстечкѣ лѣтъ около десяти назадъ. Раньше они проживали гдѣ-то въ глухой провинціи и, выйдя за него замужъ, забыла театр, разомъ окунувшись съ головой въ хозяйственныя мелочи.

По воскресеньямъ обоимъ супругамъ выдали на Трубѣ, покупающихъ кохинкину, селезня. Одѣтая въ бобры, съ бриллиантами въ ушахъ, полная и когда-то красивая Калерія Михайловна озабоченно, съ видомъ знатока оглядывала птицу, произносила приговоръ.

Мелкая опереточная пѣвчиха, Калерія Михайловна плѣнила Майкова советскимъ юнымъ гдѣ-то въ глухой провинціи и, выйдя за него замужъ, забыла театр, разомъ окунувшись съ головой въ хозяйственныя мелочи.

Скупая отъ природы, Майкова съ годами еще болѣе очерствѣла.

Дмитрій Сергѣевичъ Майковъ, когда-то лихой красавецъ и любитель цыганскихъ

Полковн. Григорій Вас. ПОКРОВСКІЙ.
Подъ его начальствомъ полкъ въ ноябрѣ взялъ въ плѣнъ цѣлый австрійскій полкъ со знаменемъ, командиромъ полка, восемью офицерами и пулеметами. Въ концѣ декабря полкъ Покровскій взялъ съ бою 4 австрійскія пушки съ полной запряжкой. Награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ и представленъ къ орд. св. Георгія.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА ВОЙНЫ.

СПАСЕНІЕ ЗНАМЕНИ.—Группа М. Л. Диллона.
Съ фот. Ксен. Глыбовской.

Выпивали, но не много и осторожно, чтобы не повредить здоровью.

Больше всего здесь разнообразили жизнь плетни, которых, как известно, на дачах не оберешься. Виртуозом по этой части являлась кухарка Аксинья, дама господам — особенно барынь — истинно приятная минуты. Бабы в околице звали ее язычницей. И действительно: язык ее не умолкал ни на минуту.

Аксинья знала рѣшительно все: отчего аптекаря не живетъ съ мужемъ, сколько остались должны лавочнику сосѣди и т. д.

Видь бѣдныхъ, прижатыхъ нуждой людей доставлялъ Калеріи Михайловнѣ какое-то особенное тѣлое удовольствіе. Она гордилась своей дачей, серебрянымъ самоваромъ, цѣбтинками.

Среди, какъ она выражалась, мелюзги Майкова чувствовала себя аристократкой. Зимой одѣвалась адекая скука.

Газета выписывалась. Записались отъ тоски въ библіотеку и два раза въ мѣсяцъ Калерія Михайловна ѣздила за книгами и хозяйственными припасами.

Она возвращалась съ кулками и корзинками съѣстного, привоза бульварные романы, которыми иногда зачитывалась до пѣтуховъ, въ то время, какъ Дмитрій Сергѣевичъ мирно храпѣлъ на своемъ пружинномъ диванѣ.

Отъ нравственной спячки обоихъ разбудили событія 1905 года. Это выразилось страхомъ: прибавили сторожей, не спали ночи, заказали особенныя рѣшетки на окна.

Но окончилась забастовка, и все пошло въ колею.

Зимнимъ вечеромъ Калерія Михайловна садилась иногда за пианино и начинала напѣвать что-нибудь изъ презаннаго репертуара, главнымъ образомъ изъ «Прекрасной Елены».

Дмитрій Сергѣевичъ слушалъ и курилъ, сидя въ качалкѣ.

Изъ темнаго сада глядѣла сквозь балконную дверь зимняя ночь. Сосѣдскія и свои собаки отвѣчали пѣнію дружелюбныхъ заллистымъ лаемъ.

Когда наскучало пѣніе, звали Аксинью играть въ карты. И въ столовой, отдѣланной дубомъ, съ буфетомъ, покрытымъ цѣннымъ хрусталемъ, начиналось хлопотное картѣ. Когда Дмитрій Сергѣевичъ отбывался дуракомъ десять разъ подрядъ, поднимался неудержимый хохотъ.

Нередко заходили на огонекъ урядникъ съ женой, замѣнявшей Аксинью, и тогда составлялась партія въ козла.

И это были самые веселые вечера, о которыхъ вспоминали на утро.

II.

19 июля 1914 года, въ 8 час. утра, объявляющаго знойный день, Дмитрій Сергѣевичъ, сидя за чаемъ, развернулъ газету и по привычкѣ пробѣжалъ ее.

Объявленіе о войнѣ поразило его неожиданностью. Онъ вообще не слѣдилъ за политикой.

— Калерія Михайловна! — крикнулъ Дмитрій Сергѣевичъ женѣ, еще возившейся въ спальнѣ.

— Чего тебѣ? — отозвалась та и вышла на терасу, застѣгивая кофту.

Она только что вернулась со двора, гдѣ кормила куръ.

— Въ газетахъ пишутъ — война! — объявилъ Дмитрій Сергѣевичъ, протягивая ей газету.

Калерія Михайловна равнодушно отвѣла рукой газетный листъ и сѣла къ самовару.

— Врутъ все! — спокойно сказала она и сладко зѣвнула.

— Врутъ!.. — Дмитрій Сергѣевичъ тоже съ мѣста вскопился. — Тутъ манифестъ, а ты — «врутъ!» — крикнулъ онъ.

— Манифестъ?

Калерія Михайловна потянулась за газетой.

— Что же теперь будетъ? — спросила

она, глядя на мужа глупыми, вопросительными глазами.

— Что будетъ?.. Известно что... Побьютъ Пѣмцевъ, Богъ дастъ.

— А какъ они насъ?.. А какъ они въ Москву придутъ? — допрашивала Калерія Михайловна и вдругъ залилась слезами и, всхлиывая, пошла въ кухню.

Дмитрій Сергѣевичъ остался одинъ на терасѣ.

Онъ сидѣлъ передъ простывшимъ стаканомъ чая, разсѣянно глядя на знакомый, разстланный передъ нимъ ландшафтъ, видѣвшійся сквозь деревья.

«Война въ Россіи... А они сидятъ тутъ среди самоваровъ и пуховиковъ и ничего не знаютъ. Крутомъ ихъ по деревнямъ давно наборъ... Становой еще когда войну предрекалъ, да все какъ-то не върилось», — думалъ Дмитрій Сергѣевичъ.

Онъ опять взялся за газету и началъ читать, увлекаясь, и не замѣтилъ времени до обѣда.

Пришла Аксинья со скатертью накрыть столъ. Калерія Михайловна, успокоенная, стала дѣлать ботвинью.

Пообѣдали молча.

— Я къ матушкѣ пойду, узнаю что-нибудь! — объявила послѣ обѣда Калерія Михайловна.

— Что же, иди! — откликнулся Дмитрій Сергѣевичъ.

Проводилъ жену, Майковъ прошелъ въ гостиную, сѣлъ на кресло въ углу и просидѣлъ такъ до вечера. Въ душѣ его копилось что-то новое, свѣжее, неиспытанное...

III.

Въ 11 часовъ вечера вернулась Калерія Михайловна непривычно взволнованная.

— Матушка говоритъ: Отрашная война! Всѣ державы, говорятъ, будутъ воевать вмѣстѣ съ нами. Ну, Богъ дастъ, усмирять Вильгельма-то этого... Господи! До чего дожили: война! — распѣвала жалобно Майкова.

Послѣ ужина съ севрюжиной она, впрочемъ, уснула.

Дмитрій Сергѣевичъ не спалъ.

«Только бы ей встать», — думалъ онъ, глядя на спящую жену: «Только деньги за умъ!»

Онъ заснулъ, когда на дворѣ побѣгло.

Дмитрій Сергѣевичъ проснулся не рано. Кровать Калеріи Михайловны была убрана и покрыта голубымъ шелковымъ одеяломъ съ кружевными накидками. Изъ окна слышался ея голосъ, зовущій куръ.

«Все одно: куры да ѣда!» — опять подумалъ Дмитрій Сергѣевичъ и, быстро одѣвшись, напился чаю и, взявъ удочки, вышелъ на дворъ.

— Рыбу ловить! — отвѣтилъ онъ на вопросъ жены: — Къ обѣду не жди... Можешь къ Красному плесу пойду, — предупредилъ онъ и вышелъ за ворота.

Калерія Михайловна проводила его не много удивленными глазами. Въ послѣднее время Дмитрій Сергѣевичъ даже на рыбную ловлю ходилъ рѣдко.

Дмитрій Сергѣевичъ и сегодня не пошелъ ловить рыбу. Дойдя до урядника, онъ зашелъ на терасу и оставилъ удочку толстой урядничихѣ — самого не было дома, — наказавъ не говорить объ этомъ женѣ.

— А вы куда же? — не удержалась урядничиха.

— Не далеко тутъ... — уклончиво отвѣтилъ Майковъ и, выйдя отъ урядника, зашагалъ къ желѣзной дорогѣ.

До полустанка было что-то около 5 верстъ. Сѣвъ на побѣздъ, онъ черезъ полчаса былъ въ Москвѣ.

Дмитрій Сергѣевичъ давно не былъ въ городѣ. Онъ даже ошеломилъ его въ первую минуту; ошеломилъ звонъ трамвая, толпа. Онъ вышелъ съ вокзала и пошелъ, не взявъ извозчика, за другими.

День наступалъ не жаркій. Ночью выпалъ сильный дождь, и на улицахъ было свѣжо, дышалось легко...

Незамѣтно дойдя до Красной площади, онъ вдругъ очутился среди опрочной толпы. Впереди несли портретъ Государя, тыщачи голосовъ пѣли гимнъ. Огромный,

Отецъ на войнѣ.
Съ фот. Нат. Семпликевича.

маленький, онъ шелъ въ толпѣ, забывъ все на свѣтъ: жегу, дачу, свое дорогое спокойствіе. Здѣсь, на этой площади, среди древнихъ святынь, Майковъ съ неиспытанной силой почувствовалъ, что все это ему особенно близко и дорого, и что онъ пойдетъ на смерть вмѣстѣ съ другими за все это дорогое и родное.

IV.

Домой Дмитрій Сергѣевичъ вернулся около 10 ч. вечера.

— А гдѣ же рыба-то? — осѣдомилась Калерія Михайловна.

— Не ловилась, — холодно отвѣтилъ онъ и легъ спать.

Въ 7 часовъ его разбудила Калерія Михайловна.

— Вставай!.. Горе-то какое.

Онъ открылъ глаза.

— Чего тамъ?

— Ивана кучера въ солдаты берутъ.

Онъ даже плюнулъ.

— Какъ же теперь будемъ? — съ отчаяньемъ спрашивала Калерія Михайловна.

— Тамъ и будемъ, — отвѣтилъ Дмитрій Сергѣевичъ и началъ одѣваться.

Калерія Михайловна надулась и вышла изъ комнаты.

Послѣ обѣда Майковъ взялъ газету и пошелъ изъ дома.

— Ты куда? — окликнула всевидящая жена.

— Въ лѣсъ, — отвѣтилъ Майковъ.

— Въ лѣсъ! Глупости какія! Въ такую жарницу.

Онъ вышелъ за каминку.

Вечеромъ Калерія Михайловна вернулась въ духѣ.

Становиха общала рекомендовать кучера.

За ужиномъ Майковъ выпилъ лишнюю рюмку водки.

Съ заплетенными на ночь жидкими косицами когда-то плывшихъ мужа своей роскошною волостью, Калерія Михайловна садилась передъ туалетомъ краснаго дерева, кулешнаго на распродажѣ мужемъ.

Пухлое лицо ея еще выражало обиду на огула за кучера.

— Калерія Михайловна!

Она отвѣтила нехотя:

— Чего еще?

Онъ заговорилъ быстро, словно боясь отогнать полъ ея холоднымъ, злобнымъ взглядомъ:

— Всѣ жертвуютъ... Рѣшительно всѣ... Онъ назвалъ фамилію.

— Только мы ничего... Какой отъѣдъ! Хотя бы пять тысячъ отдать на святое дѣло.

Она слушала блѣдная, ошеохлающая, страдающая, чувствуя по его тону, что не отвернется на этотъ разъ, но еще пробовала бороться.

— Денегъ... Пять тысячъ?.. Ты съ ума сошелъ... Я не дамъ денегъ...

Весь блѣдный, онъ подступилъ къ ней съ налитыми кровью глазами.

— Сейчасъ подай!.. Слышишь? Это моя денги!..

Онъ поднялъ руку, и, хотя сейчасъ же опустилъ ее, Калерія Михайловна побѣлѣла.

Окинувъ Дмитрія Сергѣевича злобнымъ взглядомъ, она хлопнула крышкой бюро и вышвырнула билетъ на вкладъ.

— Я только пять тысячъ, не больше, — уже робко и тихо говорилъ Майковъ и, взявъ билетъ, пошелъ на терасу.

— Хоть все бери! — съ каменит-то ожесточеніемъ крикнула она и, зарыдавъ, повалилась на кровать.

Она страдала искренно.

VI.

На утро Дмитрій Сергѣевичъ поѣхалъ въ Москву, взявъ денги и отвезъ въ конитетъ. Радость, что онъ это сдѣлалъ, бы-

Д. с. с. Константин Федорович ВАСИЛЬЕВЪ, назначенный товарищем главноуправляющего Канцелярию Его Императорского Величества по принятию прошений, на Высочайшее Имя приносимыхъ.

воя от радости, как радуется собака при видѣ хозяина и ружья.

Поласкавъ ей голову съ умными печальными глазами, Майковъ отослал собаку домой.

Она пошла покорно, печально опустила голову.

Проводить ее взглядомъ, Дмитрий Сергѣевичъ пошелъ дальше.

Въ этотъ день Калерія Михайловна не дождалась мужа; не дождалась его и въ остальные дни.

На третій день, сидя за вареньемъ на терасѣ,—она не тревожилась,—зная, что мужъ оставался на охотѣ по нѣскольку дней,—получила неожиданно слѣдующее письмо, заключающее нѣсколько строчекъ. Прочитавъ ихъ, Майкова закричала, зарыдала отчаянно.

Дмитрій Сергѣевичъ ухалъ добровольцемъ въ дѣйствующую армию.

Женѣ писалъ коротко.

«Прости, дорогая, что причинилъ тебѣ горе, но иначе поступить не могъ. Я знаю, что простишь, потому что ты въѣдъ русская женщина. По приѣздѣ на мѣсто, напиши, куда мнѣ писать, а пока до свиданья.

Твой мужъ

Дмитрій Майковъ.

Но Калерія Михайловна не свидѣлась съ мужемъ.

Прошелъ мѣсяць, а извѣстій отъ него не было, да и не могло быть.

Гдѣ-то около австрийской границы напи казакъ, пробѣгая гѣсомъ, наткнулся на умирившаго въ канавѣ раненаго солдата, который сейчасъ же на ихъ глазахъ и скончался, не приходя въ сознание.

Солдатъ этотъ былъ Дмитрий Майковъ.

Волчь.

Передъ боемъ.

Не спится. Холодно. Великій близокъ бой. Таинственная ночь, мерцающая синимъ кровомъ.

Придвинулась ко мнѣ... и въ откровеннѣйшемъ новомъ

Я отъ земли далеко прозрѣвшае душой.

Такъ въ дѣтствѣ нянюшка, бывало, надо мной

Склонялась ласково и, очарованъ словомъ,

И вѣрилъ вымысламъ, то нѣжнымъ, то суровымъ.

И ждалъ Царевича съ Жаръ-птицей золотой.

О, ночь предсмертная! Твоею чарой звездной

Мнѣ грезъ пережитыхъ красъ возвращена... Я жду, я слушаю, не призывая сна.

Къ чему забвеніе, когда стоишь надъ бездной,

Когда земная жизнь, быть можетъ, сочтена,

И Промысломъ святымъ ликуеть тишина!

В. Жуковский.

Докт. мед. И. К. РУКОВИЧЪ, назначенный главнымъ врачомъ Николаевского военного госпиталя въ Петроградѣ.

Нѣмцы въ ихъ собственномъ изображеніи.

Германскія звѣрства, вызвавшія такое негодование всего культурнаго міра, нашли уже теперь, до окончанія войны, официальное подтвержденіе. И,—какая иронія судьбы!—свидѣтелями противъ Германіи явились сами Германцы, въ лицѣ солдатъ, а официальные документы эти—походные журналы.

Параграфъ 45-й «германской походной инструкции для арміи» рекомендуетъ всѣмъ солдатамъ вести подобнаго рода дневники, отмѣчая въ нихъ наиболее характерныя эпизоды кампаніи. Отличная мѣра, дающая возможность воспроизвести полную картину кампаніи, во всей ея прелесть!

Она явилась фатальной для германской арміи, ибо эти полчища мажордовъ, насильниковъ и убійцъ, ярко обрисованы на правдивыхъ страницахъ этого замѣчательнаго матеріала будущей исторіи войны.

И если послѣ войны Германія вздумаетъ оправдываться, доказывая, что лишь невинность враговъ придавала такую окраску ея «вполнѣ законнымъ» поступкамъ, то показанія ея же сыновей лягутъ для нея тѣгчайшей и неопровержимой уликой.

Во Франціи изъ этихъ дневниковъ, взятыхъ у плѣнныхъ и найденныхъ у раненыхъ и убитыхъ, составился уже весьма почтенный по размѣрамъ архивъ для будущаго обвинительнаго акта противъ Германіи предъ лицомъ исторіи.

Выдержки изъ нихъ были напечатаны въ «Revue de Paris», съ указаніемъ имени солдатъ и офицеровъ, дѣлавшихъ эти захвѣтки.

Приводимъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ выдержекъ.

Гвардейскій солдатъ Пауль Шильманъ (1 Kompanie Ersatz-Bataillon) описываетъ ночью разгромъ селенія близъ Бламона 1 сентября:

«Это было ужасно. Стѣны всѣхъ домовъ забрызганы кровью. На лица мертвыхъ страшно было смотрѣть. Всѣхъ ихъ—болѣе

60 человекъ—немедленно же похоронили. Среди нихъ было много стариковъ, дѣтей и женщинъ,—одна беременная. Ужаснѣе всѣхъ была группа трехъ малютокъ, прижавшихся другъ къ другу и застывшихъ такъ въ объятіяхъ смерти.

Деревянную церковь мы разрушили, ибо отсюда жители дали знать врагу о нашемъ приходѣ. А сегодня утромъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ выгнали изъ села. Я видѣлъ четырехъ мальчугановъ, несшихъ колыбельку, гдѣ лежалъ грудной младенецъ. Видѣлъ также мать съ двумя дѣтьми, у одного была ранена голова и выколотъ глазъ. Ужасное зрѣлище! Но что дѣлать! Око за око! Ударъ за ударъ!»

Въ дневникѣ солдата Хессемейеръ (VII корпуса) подъ 3 сентября 1914 годъ записано: «Въ Сомпи (Марна)—ужасная ружья. Деревня сожжена до тла населеніе вталкивалось нами въ горящіе дома и погибало въ пламени».

Лейтенантъ Кидманъ (49-го пѣхотнаго полка, 1-й батальонъ, 2-я рота) подъ 18 августа отмѣчаетъ:

«Недалеко отъ Диста находится селеніе Шафенъ. Около 50 жителей его укрылись на церковной колокольнѣ и стрѣляли оттуда по нашему отряду изъ пулемета. Всѣ были разстрѣляны».

Для поясненія этого текста необходимо привести выдержку изъ бельгійскаго рапорта объ убитыхъ въ Шафенѣ 18 июля.

«Среди убитыхъ были: жена Франсуа Лика съ 12-лѣтней дочерью и 9-лѣтняя дочь Жана Ойекъ. Псаломщика Виллеса привязали къ дереву и сожгли живо».

Слѣдующая выдержка, взятая изъ дневника неизвѣстнаго офицера саксонскаго корпуса (178 пѣхотнаго полка):

«26 августа. Чудный городъ Ге д'Оссио въ Арденнахъ сожженъ. По моему мнѣнію—несправедливая жестокость. Мнѣ говорили, что одинъ велосипедистъ, падая, разрядилъ печально свое ружье. Его застрѣлили, а городъ сожгли и бросали жителей безъ разбора въ пламя. Слѣдуетъ желать, чтобы подобныя звѣрства не повторялись».

Въ дневникѣ солдата Филиппа (178 полкъ, 1-я рота 1-го батальона, саксонскаго корпуса) находимъ не менѣе ужасное сообщеніе:

«Вечеромъ около 10 часовъ нашъ батальонъ пришелъ въ пылающую деревню къ сѣверу отъ Динава. Печальное и потрясающее зрѣлище, вызвавшее во всѣхъ насъ дрожь! При входѣ въ деревню валялись трупы 50 жителей, разстрѣлянныхъ нашими въ наказаніе за то, что они стрѣляли въ нашъ отрядъ. Ночью были еще разстрѣляны. Мы подсчитали, число жертвъ 200. Женщины и дѣти, съ лампа-

Академикъ архитектуры Ал. Конст. БРУНИ. Скончался на 93 году отъ рожденія.

Захватъ сансонскаго разъезда кавказскими драгунами.

Ориг. рис. А. Пржецлавскаго.

Подполк. Е. М. ЕВСЬЕВЪ, награжденъ Георгиевскимъ оружіемъ.

Вышеупомянутый лейтенантъ 178 полка, возмущившись было въ первые дни кампании «вандализмомъ», отбѣчаетъ дальше, что онъ взялъ въ Ретелъ въ Hôtel Moderne собою непромокаемое пальто, фотографическій аппаратъ «для маленькаго Ганса и швейную машину для жены».

Переходимъ къ слѣдующему тяжелому обвиненію противъ Германцевъ—они приканчиваютъ раненыхъ и пленныхъ.

Лучше всего осветить этотъ вопросъ приказъ генерала Штенгера, командира 58-й бригады, отъ 26 августа 1914 года:

«Съ сегодняшняго дня не брать пленныхъ. Убивать всѣхъ. Раненые,—съ оружіемъ ли будутъ они, или безоружные,—тоже должны быть убиты».

«Полезно разстрѣливать и группы пленныхъ, приготовленныхъ къ отправкѣ въ

ми въ рукахъ, принуждены были присутствовать при этомъ зрѣлищѣ. Затѣмъ мы щипъ! Но что дѣлать! У насъ нѣтъ выпоужинали среди труповъ, ибо ничего не бѣра... Одинъ Марбургскій стрѣлокъ поставилъ трехъ женщинъ одну за другой и убилъ ихъ всѣхъ трехъ однимъ выстрѣломъ, авторъ котораго неизвѣстенъ, чинимъ».

«Ланжевилле, 22 августа. Вошли въ село, разрушенное 11 полкомъ саперовъ. При входѣ въ деревню три женщины, повѣшенныя на деревьяхъ. Это первые трупы, которые мы видѣли». Что сдѣлали эти три женщины? Неизвѣстно! Но характерно, что первые трупы, найденные солдатами Вильгельма въ этомъ отрядѣ, были трупы женщинъ.

Въ дневникѣ резервиста Шлаутера (3-я батарея 4-й арт. гвардейской бригады) новые ужасы: «25 августа, въ Бельгій. Мы разстрѣляли 300 жителей. Тѣ, кто не погибъ отъ залпа, выполняли обязанности могильщи-

Въ другихъ дневникахъ находимъ описаніе того, какъ Нѣмцы обращаютъ мирныхъ жителей въ живые щиты противъ выстрѣловъ врага. Лейтенантъ одного изъ баварскихъ полковъ Эберлейнъ восхищается своей находчивостью, описывая занятіе его отрядомъ города Сентъ-Дье. Ворвавшись туда съ одной колонной, онъ пригужденъ былъ забарикадироваться въ первомъ домѣ, гдѣ и поджидать прибытія подкрѣпленія:

«Мы задержали трехъ жителей, и мнѣ пришла блестящая идея. Мы дали имъ по стулу въ руки и объяснили, что они должны отправиться на середину улицы, обстрѣливаемой врагомъ вдоль, и сѣсть тамъ. Мольбы съ одной стороны, нѣсколько ударовъ прикладомъ съ другой! Конечно, мы поставили на своемъ. Очень забавны были ихъ фигуры съ молитвенно сжатыми руками. Въ сущности, мнѣ было немного жалъ ихъ, но свое спасеніе выше жалости! Средство оказалось великолѣпнымъ. Огонь сразу стихъ, и мы могли подъ прикрытіемъ нашихъ заложниковъ занять домъ по ту сторону улицы и стать хозяевами положенія».

Повсюду въ дневникахъ рассказы о грабежахъ.

«8-го августа 1914 г. Гуви, въ Бельгій. Бельгійцы стрѣляли въ насъ, и въ отместку мы разграбили товарную станцію. Взяли всѣ съѣстные припасы, затѣмъ бѣлье, а также и все прочее. Воскрыли нестерпимый вѣтеръ и раздѣлили между собой все, что нашли. Бумагами цѣнности были нами порваны и выброшены».

Это происходило уже на 4-й день послѣ объявленія войны и вполне объясняетъ любопытное явленіе, отмѣченное въ статьѣ «Денги на войнѣ», появившейся въ «Berliner Tageblatt» 26 ноября 1914 года. Въ этой статьѣ отмѣчается тотъ странный феноменъ, что отправки денегъ съ войны въглубь страны значительно превосходятъ денежныя отправки на войну!

Полк. В. А. АНДРЕЕВСКІЙ, награжденный за боевыя отличія Георгиевскимъ оружіемъ и орденомъ св. Владиміра 4 степ. Въ настоящее время командуетъ полкомъ, заслужившимъ въ этой войнѣ неудваемую славу.

НА СѢВЕРѢ ФРАНЦІИ.

Французскіе солдаты готовятъ себѣ обѣдъ.

Полковн. Г. Г. фонъ-ТИЛЬРОТЪ, награжденный Георгиевскимъ оружіемъ и орденомъ св. Владиміра 3 степ.

Ген.-майоръ Ник. Герас. ВОЛОДЧЕНКО, награжденный орденомъ св. Георгія 4 ст.

БЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА 1915 г.

СЛУШАЮТЪ.—Нарт. Е. М. Чепцова, удостоенная третьей преміи имени Кундига.
Съ фот. Ксен. Глыбовской.

Корнетъ Иванъ Алексѣевъ, СИНЕЛЬНИКОВЪ,
25 лѣтъ, † 19 января 1915 г.
Окончивъ Императорскій Александровскій лицей въ маѣ 1910 г., онъ былъ причисленъ къ Государственной Канцеляріи; осенью поступилъ вольноопредѣляющимся (охотникомъ) въ д-в. Конный полкъ. Въ 1913 г. онъ былъ земскимъ начальникомъ Екатеринославской губерніи и въ томъ же году былъ избранъ помощникомъ предводителя дворянства Екатеринославскаго уѣзда. Поступивъ въ действующую армію, погибъ геройской смертью въ одномъ изъ боевъ съ непрітелемъ.

Германію. Пусть позади насъ не остается ни одного живого непрітеля».

Показанія плѣнныхъ солдатъ этой бригады подтверждаютъ, что приказъ былъ выполненъ въ точности. Въ дневникахъ также можно найти сотни указаній на исполненіе такихъ приказовъ. Все они похожи другъ на друга въ отношеніяхъ избиенія безоружныхъ плѣнныхъ. Но въ дневникѣ рядового Пауля Гледе (9-го сапернаго батальона) мы находимъ новую ужасную подробность:

«При нашихъ репрессіяхъ мы ведемъ себя часто, какъ джари. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ изданъ приказъ объ изувѣченіи плѣнныхъ и раненыхъ».

Среди дневниковъ есть нѣкоторые, являющіеся отряднымъ исключеніемъ.

«Revue de Paris» не даетъ именъ ихъ авторовъ, изъ боязни навлечь на нихъ гнѣвъ начальства за «негерманскія» чувства. Одинъ лейтенантъ 77 пѣхотнаго полка пишетъ:

«Мои люди—не солдаты, а какая-то

шайка грабителей; въ нихъ нѣтъ ни чувства чести, ни дисциплины».

Другой возмущается ослѣпленіемъ церкви въ Динабургъ и съ негодованіемъ говоритъ, что солдаты умышленно осквернили нечистотами алтарь.

Но подобныя культурныя люди тонуть въ дикой ордѣ современнаго Аттилы и принуждены, конечно, слѣдовать за общимъ теченіемъ, ограничиваясь скрытымъ негодованіемъ.

Франція дѣятельно собираетъ все эти документы для прядущаго суда Европы надъ Гуннами XX вѣка.

Изъ Рабиндраната Тагора.

Кто любить здѣсь меня, въ земной моей дорогѣ,—
Заботой ихъ любви я вся окружена.
Мудрый Твоя любовь—въ страданьяхъ и тревогѣ
Идти я послана одна.

Кто любить здѣсь меня, тоской любви томимый,
Онъ хочетъ быть со мной, онъ тѣсно льнетъ ко мнѣ.
Мудрый Твоя любовь—безмолвный и незримый,
Ты ждешь меня въ надвѣздной вышинѣ.

Вѣра Рудичъ.

Литературныя замѣтки.

Куропаткинъ о русской арміи *.

Главное содержаніе книжки составляетъ конфиденціальная въ свое время записка ген.-адъют. Куропаткина, написанная имъ еще въ 1900 году, т.-е. еще въ бытность военнымъ министромъ. Записка задавалась, на рубежѣ XX столѣтія, вопросомъ о возможныхъ боевыхъ задачахъ, ожидающихъ русскую армію въ новомъ вѣкѣ, и въ связи съ этимъ—о политическихъ горизонтахъ Россіи. Какъ основаніе для разсужденій, записка заключала также ретроспективный взглядъ на боевую работу нашей арміи за два прошедшихъ столѣтія—XVIII и XIX вѣка, и на общій ходъ политическихъ событій за этотъ періодъ. Авторъ очертилъ историческія задачи, которыя ставила себѣ и къ разрѣшенію которыхъ стремилась, начиная съ Петра Великаго, обновленная Россія.

Эта часть книги, отчасти статистическая, отчасти исторически-резюмирующая, и представляетъ собственно самую цѣнную ея часть. Интересно узнать, что наше отечество два вѣка назадъ составляло по количеству населенія всего 1/6 Европы; въ началѣ XIX вѣка равнялось уже 1/4 Европы, а къ 1900 г. дошло до 1/2 всей Европы; пять же, конечно, уже переваливаетъ за половину. Очень утѣшительны также цифры чисто военной статистики: при Петрѣ каждому русскому солдату, въ случаѣ борьбы со всею совокупностью европейскихъ державъ, пришлось бы бороться одному противъ семерыхъ; при Елизаветѣ одному противъ пяти, а къ моменту севастопольской войны уже только одному противъ двухъ! Правда, съ той поры, по вычисленію автора, пропорція ухудшилась, но все же лишь до степени противоположенія трехъ—одному Русскому.

Такъ какъ случай борьбы Россіи со всемъ Западомъ относится лишь къ области академическихъ предположеній, то мы

* А. Морской. «Военная жизнь Россіи». Предсказанія ген.-адъют. А. Н. Куропаткина и ихъ критика гр. С. Ю. Витте. Петроградъ. 1915 г. Стр. 159. Ц. 1 р. 25 к.

Полк. И. А. АМБРАЗАНЦЕВЪ-НЕЧАЕВЪ.
Убитъ.

Прапор. С. Н. ЕЕЛЛОНИНЪ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Убитъ.

численной арміей Великая Сѣверная война,—съ той пассивной системой борьбы, которая была примѣнена нами въ 1904—1905 годахъ и привела къ столь печальнымъ результатамъ...

Вообще статистическія данныя, которыми авторъ записки, видимо, склоненъ былъ придавать рѣшающее значеніе въ своихъ выводахъ, вносятъ сами «поправку на духъ»: государь страны, съ населеніемъ въ 15 разъ меньше нынѣшней Россіи, едва ли рѣшился бы вызвать на бой первую военную державу своего времени (какой была въ началѣ XVIII вѣка Швеція), если бы этотъ государь не назывался Петромъ

Пор. Ал-дръ Влад. ДЕЖОНСНІЙ. Скопался отъ ранъ.

БЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА.

ТРЕВОЖНЫЙ МОМЕНТЪ.—Нарт. М. Г. Дроздова, удостоенная первой преміи имени Кундига и первой преміи на конкурсѣ въ Императорскомъ обществѣ поощренія художествъ по бытовой живописи.
Съ фот. Ксен. Глыбовской.

Великим. Сь другой стороны, въ заключеніе точнаго подсчета всѣхъ ресурсовъ современной Россіи, можно, оказывается, прийти какъ сдѣлалъ авторъ записки, къ странному выводу, будто «въ началу XX вѣка Россія можетъ быть признана вошедшей въ свои нормальныя границы» (?). Авторъ готовъ сдѣлать исключеніе лишь для одного Босфора, но событія 1914 года наглядно раскрыли всю внутреннюю непрочность даже западнаго нашего рубежа. И неужели и въ 1900 г. нельзя было оцѣнить, особенно въ положеніи автора, всю несогласованность этого рубежа съ историческими, обще-славянскими и даже чисто-русскими (Червоная Русь) идеалами и возможностями русской державы?

Вообще «предсказанія» ген.-ад. Куропаткина ни въ чемъ существенно не раскрыли действительныхъ дальнѣйшихъ горизонтовъ исторіи. Впрочемъ они остались по преимуществу на обложкѣ книги, сводясь къ текстѣ къ чисто-дѣловымъ предположеніямъ военно-административнаго характера. Изъ послѣднихъ сохранило особый интересъ для нашего времени указаніе на необходимость сокращенія дѣйствующихъ у насъ семейныхъ льготъ по воинской повинности. Оказывается, что у насъ освобождается «по семейному положенію» до 48% призываемыхъ (!), тогда какъ въ Германіи и Австріи всего лишь 2—3%, а во Франціи никто!

«Критика гр. Витте» украшаетъ болѣе ту же заманчивую обложку, заключающаяся лишь въ немногихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, снабженныхъ болѣе или менѣе язвительными обрывками словесной «колочей проволочки»... Теперь это завуалированное пикированіе двухъ бывшихъ «вершителей судебъ» производитъ нѣсколько эзегическое впечатлѣніе. *Tempi passati.*

Послѣдняя глава книги прибавлена послѣ начала войны и содержитъ нѣкоторые «теоретическія гаданія» насчетъ ея хода, также довольно мало оправданныя дѣйствительностью. Вообще книга ничего не потеряла бы отъ ихъ отсутствія. Трудно быть пророкомъ не только для своего отечества, но и для чужихъ.

п. п.—вв.

На «старую тему» *

Въ предисловіи авторъ извиняется за смѣлость предложить читателю книгу на такую «старую тему», какъ Италия. Тутъ кроется явное недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что какъ разъ для нашего времени (и не въ Россіи только) Италия совсѣмъ не старая тема, а одна изъ самыхъ свѣжихъ. Нельзя же забывать, что именно вторая половина XIX вѣка принесла съ собой такое глубокое измѣненіе взглядовъ на итальянское искусство и культуру, что произошло какъ бы новое «открытіе Италии». Художественная критика, во главѣ которой стояли англійскіе авторы, совершенно измѣнила основныя точки зрѣнія прежней эстетики и психологіи, и начавшійся съ той поры процессъ «переоцѣнки цѣнностей» не закончился еще и до сихъ поръ. До насъ, Русскихъ, онъ дошелъ еще позднеѣе, — можно сказать, лишь въ послѣдніе годы, такъ что эта новизна для насъ еще свѣжѣе. Поэтому извиняться за тему не слѣдуетъ. Напротивъ, можно только порадоваться, что недавняя наша литературная пустыня вокругъ этой тѣмы начинаетъ довольно быстро заполняться.

Другое дѣло — качества «варіант» г. Бухгейма. Въ этомъ отношеніи его книга очень ровная. Первая ея глава называется «Обманутыя ожиданія», и по первому впечатлѣнію хочется примѣнить этотъ терминъ ко всей книгѣ. Ея неприятную сторону составляетъ какой-то поучительный тонъ, мѣстами переходящій въ педантизмъ или даже явное морализированіе — точно авторъ не-

* Борнелъ Бухгеймъ. «По Итали». Впечатлѣнія, настроенія, размышленія. М. 1914. Стр. 304. Ц. 2 р. 25 коп.

XXXIV ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ АКВАРЕЛИСТОВЪ.

БЛѢЦА ДРЕВНЯГО БЛАГОЧЕСТІЯ.—Карт. В. А. Плотникова.

дагого или слишкомъ начитался нѣмецкихъ историковъ. Вообще онъ мало чувствуетъ собственно эстетическую сторону искусства и въ сужденіяхъ его больше «размышленія», нежели «настроенія». Какъ на грѣхъ, онъ выпустилъ свою книгу непосредственно вождѣ за такимъ шедевромъ лирической литературы объ Итали, какъ неподражаемые «Образы» Муратова. Невольно напрашивается сравненіе, въ сущности, несправедливое.

Но, взятая сама по себѣ и какъ она есть, книга г. Бухгейма подъ конецъ примиряется съ собой. На ея узко-сухихъ страницахъ много отдѣльныхъ вѣрныхъ замѣчаній. Напримѣръ, характеристика архитектуры возрожденія, какъ «программы», и указаніе на общую линейность чисто флорентійскаго искусства (къ чему авторъ возвращается не разъ). Мѣтко также указаніе на «точность» Микель-Анжело и религиозное начало въ его чистомъ, абсолютномъ видѣ.

ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА 1915 ГОДА.

ВЪ ЧЕТЫРЕ РУКИ.—Картина проф. В. Е. Маковского.

Съ фот. Ксен. Глыбовской.

трактомъ видѣ. Отсюда его сочувствіе фра-Анжелико и увлеченіе Францискомъ Ассизскимъ. Но, исторію, это обычная для нашихъ временъ черта.

По той же основной причинѣ, вѣроятно, авторъ хочетъ восхищаться храмомъ св. Петра въ Римѣ, какъ якобы религиознымъ зданіемъ (!). Но это неприемлемо уже и съ эстетической точки зрѣнія. Увы, будучи въ этомъ трюномъ залѣ римскаго владыки «все стремленіе къ разгадкѣ недомогаемой тайны небесъ», значитъ выдавать откровенно разсудочный корень своихъ впечатлѣній. «Метафизическая идея божества» также не присутствуетъ въ этомъ храмѣ, какъ нѣтъ въ немъ никакой готической «борьбы свѣта и тѣни».

Такой придуманностью пахнетъ многое въ книгѣ, — напримѣръ, сложное-мелочное разборъ античнаго «трона Велеры» и особенно натянутая «психологія» по поводу «Дѣвушки изъ Анціо». Нельзя также сравнивать Рафаэля съ Вагто, — трудно придумать болѣе неподходящее сопоставленіе; развѣ сравнить М.-Анжело съ Бакстомъ! Странно говорить о преимущественной «живописности» германскаго искусства, когда какъ разъ Дюреръ есть характерный мастеръ гравюры.

Есть и кое-какія фактическія опшибки: дворецъ Фарнезе въ Римѣ, начатый А. Санъ-Галло и конченный Дж. Делла-Портой, нельзя рассматривать, какъ образецъ творчества М.-Анжело; кафедра въ Сіенѣ — созданіе Николая Пизанскаго, лишь замоченная Джованни, и друг.

Что безукоризненно въ книгѣ — это ея чудесныя фототипіи.

И. Перловъ.

Монашеская повѣсть.

Пить изъ «своего стакана», хотя бы и маленькаго, — эту мудрость далеко не всегда умѣютъ усвоить себѣ писатели со среднимъ размахомъ дарованія. Г. Савватій, выступившій года полтора назадъ съ повѣстью «Тетрадь въ сафьянѣ», въ которой критика, наряду съ неопытностью автора, отбѣсила и литературныя достоинства, въ своемъ новомъ произведеніи «Силы жизни» * беретъ за тему, совпадающую съ которыми было бы податать Толстому или Достоевскому. О Толстомъ приходится вспоминать, знакомясь уже съ вѣншимъ остовомъ новой повѣсти г. Савватія: здѣсь такъ много точекъ соприкосновенія съ «Отцомъ Сергіемъ»... Отецъ Іоакимъ въ «Силахъ жизни», такъ же, какъ и отецъ Сергій, красавецъ, точно такъ же привело его въ монастырь не призваніе, а жизненная трагедія, въ которой ему пришлось сдѣлаться дѣйствующимъ лицомъ, такъ же томить его въ монастырѣ скука, отъ которой онъ ищетъ спасенія въ подвигахъ и т. д. Но, разумеется, при сходствѣ отдѣльных положеній, повѣсть г. Савватія представляется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и отличной отъ «Отца Сергія», — и прежде всего разница ихъ въ томъ, что «Силы жизни» написаны приподнятымъ, искусственнымъ языкомъ, который, очевидно, авторъ считаетъ неотъемлемою принадлежностью такого рода «высокихъ сюжетовъ». Три дня тому обуюлъ дьяволъ. Отецъ Іоакимъ пожелалъ женщину, ту женщину, что давно лишилъ жениха. Смертію убилъ...» Затѣмъ, какъ мы уже указали, авторъ иногда вспоминаетъ вдругъ о Достоевскомъ, — и въ результатѣ такихъ воспоминаній является, наприкладъ, между несовсѣмъ увѣренными въ бытіи Божіемъ монахомъ и юношей, сумѣвшимъ разгадать его невѣріе и сбывающимъ его съ занятой имъ проповѣднической позиціи. Впрочемъ и юноша оказывается не простой, — какъ не просто все въ повѣсти г. Савватія: родная мать

* Савватій. «Силы жизни». Петроградъ. 1915 г., стр. 88. Ц. 1 р.

согласно
траншиком
го обычная

вроятно,
рамомъ св.
мнгоизнмъ
ю уже и сь
бвять, буд-
мского вл-
дсь певъ-
ь выдавать
шь своихъ
идея болж-
ь въ этомъ
никакой го-

етъ много
о-мелочны
ы» и осо-
по поводу
изъ такж
го,—трудн
е сопоста-
ело съ Ба-
преимуще-
германска
юреръ ест.

и. Оппоби-
начатый
Дж. Делла-
как обра-
каедра в
скаго, лиш
с.

ъ—это е

Перловъ.

Во время войны въ деревнѣ крестьянскія дѣвушки шьютъ въ домѣ помѣщика бѣлье для воиновъ.

Съ фот. Нат. Семплжесвичъ.

бзглянувъ на него однажды, «увидала дѣйствовать на читателя такъ же, какъ дѣйствуютъ эротическія произведенія современности. Весьма возможно, что во время ея появленія въ свѣтъ дѣйствіе ея и было таковымъ. Но на протяжении почти двухъ тысячъ лѣтъ произошла такая эволюція соблазнительнаго, что теперь мы можемъ совершенно спокойно наслаждаться красотами произведеній того писателя, стихи котораго, по выраженію Пушкина, щепь остроуміе и живая фантазія, и на то, что когда-то закипало, быть можетъ, сладострастіе, глядѣть лишь какъ на картину нравовъ отдаленной и ставшей уже намъ чуждой эпохи.

Какъ справедливо замѣчаетъ переводчикъ поэмы В. Алексѣевъ во вступительной статьѣ, изложеніе поэмы «отличается живостью, а форма необыкновенно проста».

«Онъ же загромычалъ смѣхомъ безумія, дикимъ, ликующимъ хохотомъ оупевающей силы».

Такъ «пугать» читателя изъ свѣтъ современныхъ писателей умѣетъ развѣ только одинъ Леонидъ Андреевъ, да и тотъ, чего доброго, такому эффектному филалу повѣсти позавидуетъ.

Б-тъ

Поэма о любви.

О лучшей изъ поэмы Овидія «Наука любить» существуетъ представленіе, главнымъ образомъ, какъ о книгѣ «сознательной», которая должна будто бы

* П. Овидій Назонъ. Наука любить. (Ars amatoria). Съ латинскаго перевелъ В. Алексѣевъ. Изданіе 2, исправленное и дополненное. Изд. т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Петроградъ. 1914 г. Стр. 220. Ц. 2 р.

ною прелестью и интересомъ, при безукоризненной правильности стиха, который мѣръ, оказался для «Одиссея» Жуковский, какъ непрерывающійся потокъ то разумѣется, такого рода переводъ былъ бы литературнымъ событіемъ». Но безукоризненный въ литературномъ термизу, затѣмъ, тѣ сены поэмы, въ которыхъ видятъ обычно лишь картины отношеній сладострастія, переводчикъ замѣчаетъ, что даже и эти картины «облечены въ изящнейшемъ и характерномъ подлинника, чѣмъ стихи котораго, по выраженію Пушкина, щепь остроуміе и живая фантазія, и на то, что когда-то закипало, быть можетъ, сладострастіе, глядѣть лишь какъ на картину нравовъ отдаленной и ставшей уже намъ чуждой эпохи.

Является вопросъ засимъ, можетъ ли прозаическій переводъ передать всѣ поэтическія красоты такого произведенія какъ «Ars amatoria», и не появилась ли она въ разясненіи читателю смысла того, что менники поэмы, но что теперь безъ поясненій могло бы оказаться непонятнымъ.

В. Ю. В.

ПОРТРЕТЪ ЧУДОВИЩА

— Надо ей придать видъ мученицы... Это полезно для нейтральныхъ державъ.

Мелочи.

Пруссакъ и память въ.

Разрушеніе Реймскаго собора, разгромъ бібліотеки Лувена, уничтоженіе взятыхъ городовъ,—всѣ эти подвиги арміи «кроваваго императора», какъ зовутъ Французы Вильгельма II, перейдутъ, несомнѣнно, въ исторію. Но если мы заглянемъ въ предыдущія страницы этой исторіи, то увидимъ, что эти разрушительныя инстинкты Пруссаконъ существовали всегда,—только не всегда являлась возможность выразить ихъ реально.

Въ одномъ изъ 12 томовъ «Переписки герцога Веллингтона» мы находимъ любопытные документы, подтверждающие это положеніе.

Дѣло происходило ровно 100 лѣтъ назадъ въ Парижѣ, занятомъ союзными войсками. Князь Блюхеръ — представитель Пруссіи, трепетавшей въ теченіе почти двухъ десятковъ лѣтъ передъ гоніемъ Наполеона, то бѣжавшей позорно отъ французской арміи вглубь Помераніи, то униженно вымаливавшей милость побѣдителя, — очутился, наконецъ, въ 1815 году въ Парижѣ. Прусская зачливость, конечно, немедленно поторолась изгнать изъ памяти неприятое со-

знание, что обязана она этим исключительно императору Александру I.

Явилась мысль достойно ознаменовать свое появление в стенах Парижа. Нетый Пруссак в душе, Блюхер не долго думал над тем, что делать. Он отдал приказ разрушить Иенский мост через Сену, как памятник, живо напоминавший о недавнем разгроме Пруссии, и решил потребовать от французского правительства 100 миллионов франков контрибуции.

Представитель Англии, лорд Веллингтон, пришел в ужас, когда ему донесли о намерениях Блюхера. Последовал обмен письмами, причем Веллингтон решительно воспротивился осуществлению прусских аппетитов Блюхера.

Приводим эти письма, как исторический документ:

Маршалу князю Блюхеру.

Париж, 8 июля 1815 г.
Дорогой князь!

Я получил сегодня ночью несколько рапортов, один из которых исходил от правительства, относительно вашего решения уничтожить один из мостов через Сену. В виду того, что эта мера вызовет, несомненно, большие беспорядки в городе, и что союзные государства во время своего пребывания в Париже не выражали намерения подвергать что-либо в столице Франции уничтожению, — я прошу вас отложить ваши проекты до личного свидания со мною.

Веллингтон.

На следующий день послѣ свидания съ Блюхером, Веллингтон адресуетъ ему второе письмо, еще болѣе решительное.

Маршалу князю Блюхеру.

Париж, 9 июля 1815 г.

Вопрос, о котором мы сегодня утром сообщались с вами в присутствии лорда Кастльрега и генерала Гнейзенау, — а именно о разрушении Иенского моста и требовании 100-миллионной контрибуции съ французского правительства, кажется мне чрезвычайно важнымъ для всех союзников по возможнымъ последствиямъ.

Уничтожение Иенского моста будетъ безусловно неприятно и унижительно какъ для короля, такъ и для всего народа, и можетъ вызвать серьезная волнения въ городе.

Предлагаемое вами не носить характера военной необходимости и будетъ принято всеми, какъ мера карательная, репрессивная за прошлое. Вы настаиваете на этомъ лишь потому, что мостъ носитъ название неудачной для вашей страны битвы. Но французское правительство предлагаетъ вамъ переименовать это название. Я полагаю, что это проще и удобнее, нежели разрушение всего моста. Если мы будемъ разсматривать этотъ мостъ, какъ памятникъ французской победы, то я имѣю честь напомнить вашей святости, что уничтожение его будетъ противоречить формальнымъ обѣщаниямъ, даннымъ союзными государями, что памятники, музеи и т. д. будутъ пользоваться охраной союзныхъ войскъ.

Я прошу васъ только отложить исполнение этого проекта до возвращения союзныхъ государей въ Парижъ. Если они, по взаимному соглашению, признаютъ пощадной эту меру, я не буду болѣе возражать.

Веллингтон.

Государи воспротивились, конечно, уничтожению моста, называя это «безсмысленной и бесполезной мерой, способной только озлобить благожелательное население столицы и вызвать тайное раздражение нового короля Франции».

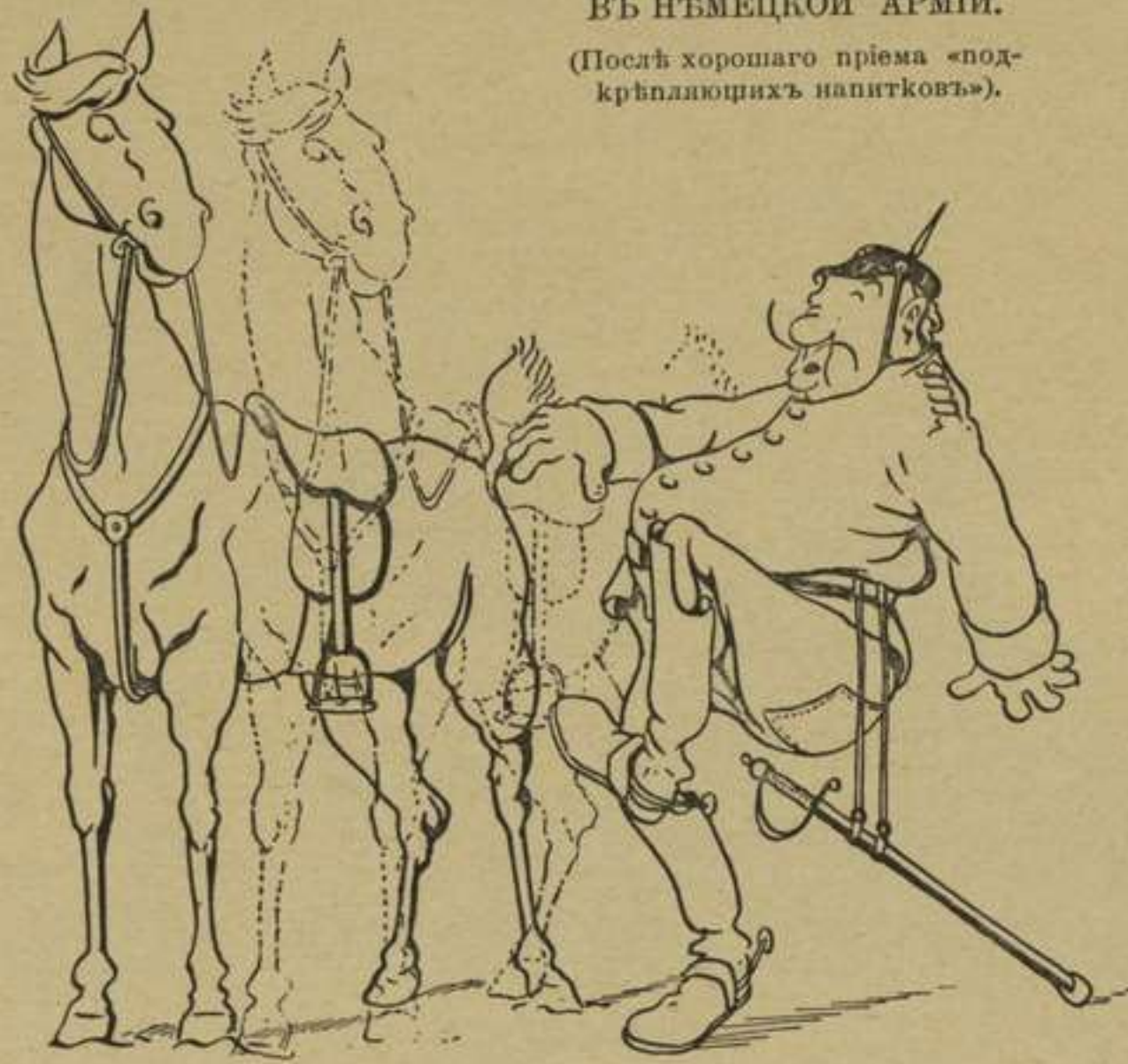
Блюхеру пришлось затануть обиду, но въ одномъ изъ писемъ къ прусскому посланнику въ Парижѣ, графу фонъ-деръ-Гольцу, онъ злобно замѣчаетъ:

«Моя мечта разрушить Иенский мостъ рухнула. Но не скрою отъ вашего превосходительства, что я испытываю большую радость, если бы это могло исполниться!.. Особенно, если бы въ моментъ взрыва на немъ находился Талейранъ. Можете передать ему это мое желание!»

Такимъ образомъ, современная Пруссия имѣетъ достойныхъ учителей въ прошломъ!

Счастливы военнопленные.

Англия, какъ извѣстно, задержала множество германскихъ торговыхъ судовъ. Въ числѣ арестованнаго груза или въ числѣ пассажировъ, — трудно сказать, что

— Одна тутъ лошадь, или двѣ?

— И всѣхъ ихъ взяли въ плѣнъ одинъ я!!!

Съ трофеями.

ВЪ НѢМЕЦКОЙ АРМИИ.

(Послѣ хорошаго приѣма «подкѣпляющихъ напитокомъ»).

вѣришь, — въ руки Англичанъ попалъ и великолѣпный экземпляръ шимпанзе. Зовутъ его «Перси», ему четыре года, и онъ успѣлъ пройти основательную школу: умѣетъ курить, ходить на заднихъ ногахъ, бѣть, пользуясь ножомъ, вилкой и салфеткой, какъ «джентельменъ». Какой-то Нѣмецъ-дресировщикъ отправлялъ его въ Гамбургъ, гдѣ «Перси» долженъ былъ выступать на открытой сценѣ, но по военному времени онъ попалъ въ плѣнъ и очутился въ Зоологическомъ саду Лондона.

Английскій журналъ «Wild Life», между прочимъ, журналъ этотъ узко специальный и сократилъ свои размѣры по случаю войны, но тѣмъ не менѣе не потерялъ ни одного подписчика къ Новому году, — посвящаетъ «Перси» сочувственные строки. По его словамъ, шимпанзе чувствуетъ себя прекрасно въ концетрационномъ лагерѣ среди обезьянъ, и не горюетъ, что избавился отъ германской культуры. Это навѣрное самый счастливый изъ всѣхъ военнопленныхъ въ настоящую войну.

Скачки подъ неприятельскимъ огнемъ.

Англичанинъ Робертъ Лонгъ дѣлится въ «The Fortnightly Review» своими впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ пребыванія въ русской арміи. Онъ говоритъ о необыкновенной стойкости русскихъ солдатъ, о томъ, что въ бой они идутъ «съ радостью», и описываетъ характерные эпизоды изъ лихой жизни казаковъ, беззаветно храбрыхъ въ сраженіяхъ, и веселыхъ, и беззаботныхъ, какъ дѣти, въ промежутки между битвами.

Онъ рассказываетъ, между прочимъ, объ устроенныхъ казаками изумительныхъ скачкахъ, «навѣрное не имѣвшихъ прецедента».

Армія должна была переправиться черезъ рѣку Т. Передовой отрядъ казаковъ первый перешелъ на другой берегъ, занятый Австриями, и въ ожиданіи, пока къ нему присоединятся остальные войска, устроилъ джигитовку подъ самымъ носомъ у неприятеля. За джигитовкой послѣдовали скачки, и тутъ, когда казакамъ оставалось проскакать лишь нѣсколько шаговъ до столба, изображавшаго финишъ, Австрийцы, скрытые въ окопахъ, открыли по казакамъ сильный ружейный огонь. Лошадь, ведшая скачку, была убита наповалъ; пуля попала ей въ шею. Однако, съдѣлокъ не растерялся и, быстро подтащивъ мертваго коня къ столбу, былъ объявленъ побѣдителемъ.

Книги, поступившія въ редакцію.

ФЕДОРЪ ПЛАТОВЪ. «Блаженные лица души». Москва, 1915 г. Стр. 14. Ц. 50 коп. Книгоиздательство «Центрабуга».

В. МОЛОДОЙ. Вѣкъ отъѣзда. (Поэма лирической души). Петроградъ, 1915 г. Стр. 179. Ц. 1 р. 20 коп.

А. И. ЯРОЦКІЙ. Пятиуголь религии съ биологической точки зрѣнія. (Лекція, прочитанная въ обществѣ студенто-медиковъ при Юрьевскомъ университетѣ). Юрьевъ, 1915 г. Стр. V+73. Ц. 60 коп.

Проф. В. В. ЕСИНОВЪ. Славяне, Нѣмцы и Турция. «Культурная Германия, Галиція и Польша. Исторія повторенія. Очерки войны». Петроградъ, 1915 г. Стр. 56. Ц. 80 коп.

П. Х. Воюющая Германия. Петроградъ, 1915 г. Стр. 113. Ц. 80 коп.

КНИГА ЛЖИ. Германская «Бѣлая книга о возмездіи германско-русско-французской войны. По предположеннымъ рейдату материаламъ. Полный переводъ. Петроградъ, 1915 г. Стр. 63. Ц. 50 коп.

В. ИШКАНИНЪ. Нѣмецкій профессоръ о германскомъ шовинизмѣ. (Факты и разоблаченія). Петроградъ, 1915 г. Стр. 27. Ц. 15 коп.

ГАЛЧИНА, БУКОВИНА, УГОРСКАЯ РУСЬ. Особливо сотрудничали журналу «Украинская Жизнь». Москва, 1915 г. Стр. 230. Ц. 1 р. 40 к.

М. Г. ДИКАНСКІЙ. Постройка городовъ, ихъ планъ и шашота. Петроградъ, 1915 г. Стр. 306. Ц. 2 р. 50 коп.

В. М. ДОСТОЕВСКІЙ. — Ва. С. СОЛОВЬЕВЪ. Опыты философіи войны. Изд. «Религиозно-философской бібліотеки». Москва, 1915 г. Стр. 15. Ц. 15 коп.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

Уничтоженіе эскадронъ С-ныхъ драгунъ германской велосипедной команды.

Рисун. А. Пржевальскаго (участника войны).

Въ дни бури.

Въ дни бури, Господи Владыко,
Уньныя духа намъ не дай
И всѣхъ, отъ мала до велика,
Въ борьбѣ съ врагомъ Ты укрѣпай.

Теряя духъ пошли народу
И гдѣ въ немъ праведный проди
Въ великой битвѣ за свободу,
За честь и мощь родной земли.

Не дай сомнѣнія, Создатель,
И въ мысли каждаго вдохни:
Кто духъ колеблетъ, тотъ предатель,
Тотъ врагъ отчины въ эти дни.
И. Вильде.

Шт.-нап. БОЙКО-РОДЗЕВИЧЪ, начальникъ авіаціоннаго отряда, награжденный Георгіевскимъ оружіемъ.

Ген.-м. Мих. Иппол. ЗАНКЕВИЧЪ, бывш. нашъ военный агентъ въ Вѣнѣ. Въ настоящую войну командовалъ полкомъ, за блестящія дѣянія котораго награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ и произведенъ въ генералъ-майоры.

пѣ. Ни о комъ столько не говорилось и не писалось, какъ о «кайзерѣ». Каждый его жестъ, каждый поступокъ, каждое слово дышало ненасытной жаждой популярности.

Въ то время, какъ все остальные вѣнценосцы Европы упорно избѣгали всего, что могло вынести ихъ личную жизнь, ихъ возрѣнія на судъ толпы, Вильгельмъ II упорно стремился къ тому, чтобы весь міръ не переставалъ говорить о немъ. По поводу этой странности его натуры британская печать въ періодъ особенно сильнаго охлажденія британско-германскихъ отношеній, послѣ бурской войны, сдѣлала такую характеристику германскаго императора:

«Вильгельмъ II въ своей погонѣ за дешевыми эффектами и популярностью похожъ на выскочку, случайно попавшаго въ ряды потомственныхъ вѣнценосцевъ!»

Среди всей огромной литературы «кайзеризма», роившейся за послѣдніе мѣсяцы, попадаются очень документальные и серьезные труды. Къ числу ихъ слѣдуетъ

„Кровавый императоръ“.

Психически больной или нормальный?

Съ перваго дня войны на книжный рынокъ всего міра устремились потоки книгъ, посвященныхъ вдохновителю кровавой эпопеи, разштыривающейся съ поля Ибіана отъ береговъ океана до равнинъ Иѣмава и суровыхъ горъ Закавказья.

Вильгельмъ II нашелъ еще при жизни своихъ историковъ,—суровыхъ и безпощадныхъ.

Несомнѣнно, что за послѣднюю четверть вѣка реклама сдѣлала Вильгельма II самымъ виднымъ лицомъ въ Евро-

Поруч. А. Н. КАЛАШНИКОВЪ, военный летчикъ, награжденный Георгіевскимъ оружіемъ.

Сестра бельгійскаго короля, принцесса ГЕНРИЕТА, герцогиня Вандомская, ухаживаетъ за ранеными въ своемъ замкѣ, превращенномъ въ госпиталь.

отнести и недавно появившуюся книгу Арнольда Уайта: «Is the kaiser insane?» — «Безумец ли кайзер?»

Автор — известный английский журналист — имеет возможность лично беседовать с Вильгельмом II и много путешествовал по Германии, сталкиваясь при этом с видными представителями германских правящих сфер. В Англии он известен как ярый противник пангерманизма и открытый недоуможелатель Вильгельма II, о котором он неоднократно высказывал самые резкие мнения.

В своем последнем труде он решительно склонен видеть в Вильгельме II психически больного человека, опираясь не только на свои личные впечатления, но и на свидетельства весьма известного в Англии психиатра, имя которого он скрывает под инициалами «М. Д.»

Диагноз врача-психиатра является достаточно обоснованным, но и впечатления старого, опытного журналиста-психолога и чуткого наблюдателя являются тоже не менее ценными.

Журналист о Вильгельме II.

А. Уайт воспроизводит во всех подробностях свои впечатления от свидания с кайзером в июне 1902 года.

Морской министр фон-Тирпиц выступил ходатаем пред Вильгельмом II, и 3 июня Уайт очутился со своим чичероне в Потсдаме. Аудиенция дана была на террасе дворца, причем кайзер все время нервно шагал взад и вперед, увлекая за собой своих спутников.

Разговор начался с недавних недоразумений между Англией и Германией. Вильгельм быстро произнес видимо заранее подготовленную речь о роли Германии в этом столкновении. Уайт задал вопрос — является ли он другом или врагом Англии?

Император мгновенно и круто остановился и вскрикнул:

— Друг Англии? — и помчался нервная речь на тему, что Англия управляется самими неспособными министрами в мире, соглашения с которыми весьма затруднительны.

— После ваших декабрьских поражений в 1899 году, я съез и написал моей бабушке, королеве Виктории, желательный план военных действий в Трансваале. Этот план был принят через 4 месяца спустя лордом Робертсом с большим успехом! Только мы вынуждены тем, что удерживали Южную Африку.

Затем он рассказал, как на похоронах королевы Виктории он предупредил лорда Сальбюри относительно некоторых морских предприятий.

— Вообще, — добавил Вильгельм, — если бы мои берлинцы знали о всем том участии, которое я проявлял к Англии, они сильно вознегодовали бы.

— И свергли бы ваше величество с трона, пожалуй? — спросил Уайт.

— Ну, это пусть попробуют... Как бы не разбиты головы! — ответил император, смываясь резким, металлическим смехом и обнажая зубы в неприятной grimace.

Разговор перешел на английскую прессу, и Вильгельм, негодуя, сказал, что она дает Англии ложное представление о культурной Германии.

— Кстати, — заметил он, — обратите внимание на то, как ваши туристы изучают нашу страну. Они прибегают на Рейн и пьют пиво; в Дрездене — пьют пиво; в Мюнхене — тоже! И ни один из них не заглядывает в Берлин. И никогда ни один из ваших офицеров не заинтересуется нашими маневрами. А как многому они могли бы научиться у нас!

Было бы долго приводить дальнейший разговор журналиста с кайзером. Достаточно указать на то, что вместо значительных 10 минут аудиенция затянулась почти на целый час, и только вмешательство фон-Тирпица положило ей конец.

Уайт был поражен способностью кайзера переходить без видимой причины с предмета на предмет. Получалось впечатление, будто мысли его блуждали по поверхности, не останавливаясь подолгу ни на чем. От своей любви к «бабушке Виктории» он переходил гнѣвно и жадно к осуждению Сальбюри, от недовольства английской прессой к тому, что он сделал бы, если бы укасаживал английскую трон...

Но лейтмотивом всех его рѣчей являлось неизменное «я». О чем бы он ни говорил, — выступало немедленно: «я сделал бы так!» или «тогда вмешался я и поправил дело», или горькое: «к несчастью, меня не спросили!...»

Иногда он неожиданно обрывал начатую фразу для того, чтобы спросить «любят ли его Англичане?» или «осведомлены ли они были об его роли в таком-то вопросе», а закончил он свою аудиенцию безпокойным вопросом: «убѣдил ли он Уайта, и будет ли журналист с удовольствием вспоминать об этой встрече?»

Уайт говорил, что разговор с Вильгельмом II дал ему тягостное впечатление беседы с гемеристиком и, по видимому, даже с маниаком. Он вынес убеждение, что за беспорядочными рѣчами Вильгельма II таится или крайняя нервозность, или мания величия.

Если журналист составил себе личное представление о характере Вильгельма II, то психиатр, опираясь на научные данные, может дать болѣе точную и ясную картину интеллекта германского императора.

В данных недостатка нет! Вильгельм II сам постарался, разумеется, непроизвольно, — осветить свою личность своими поступками и рѣчами. Вот что говорит психиатр о германском императоре.

Уже одним наружным видом Вильгельм II является некоторые признаки вырождения: парализованная с детства лѣвая рука, безпокойный и подозрительный взгляд изподлобья на самых близких людей, нервная поступь, болѣзнь уха, как следствие хронического воспаления, не могущаго не отразиться на отправлениях умственных и волевых центров, — все это характерные признаки для опытного глаза психиатра.

По характеру своему германский император также может быть отнесен к разряду дегенератов. Безпокойный, чрезвычайно нервный, подозрительный, минутами бѣшенный в гнѣвъ, минутами шаловливый и шумный как юноша, — он является тягостным собеседником для окружающих.

Есть указания на то, что Вильгельм II страдает припадками падучей. Один припадок произошел в июне 1892 года во время посещения императором графа Дона в Прекельвице. Припадок этот был вызван сильным испугом и нервным потрясением, когда лошади понесли экипаж, в котором ѣхал с вокзала император.

Другой припадок был в 1891 году в Новом Дворце. Тогда прислуга нашла его на полу кабинета и поджала страшный переполох. Упоминают еще о других припадках в Потсдаме, но только эти два имѣли большое число свидетелей: все остальные остаются скрытыми от публики.

В школе Вильгельм II никогда не отличался выдающимися способностями.

Лица, сталкивавшаяся с ним в школьный период его жизни, говорят, что он никогда не любил чтения и не мог вести серьезной беседы.

Основной чертой характера Вильгельма II является чрезвычайный эгоизм, вокруг которого и группируются все остальные ненормальности его натуры: жестокость, самолюбивое тщеславие и болѣзненная уверенность в своей гениальности.

Лица, близко знающа Вильгельма II, утверждают, что он не может поддерживать разговора ни о каком событии, если только он не является центральной фигурой его.

Являясь очень жестоким по отношению к другим, Вильгельм II в то же время совершенно не может переносить какой-либо физической боли: даже у дантиста он проявляет такую нервозность, что может поспорить в этом отношении с любой истеричкой дамой.

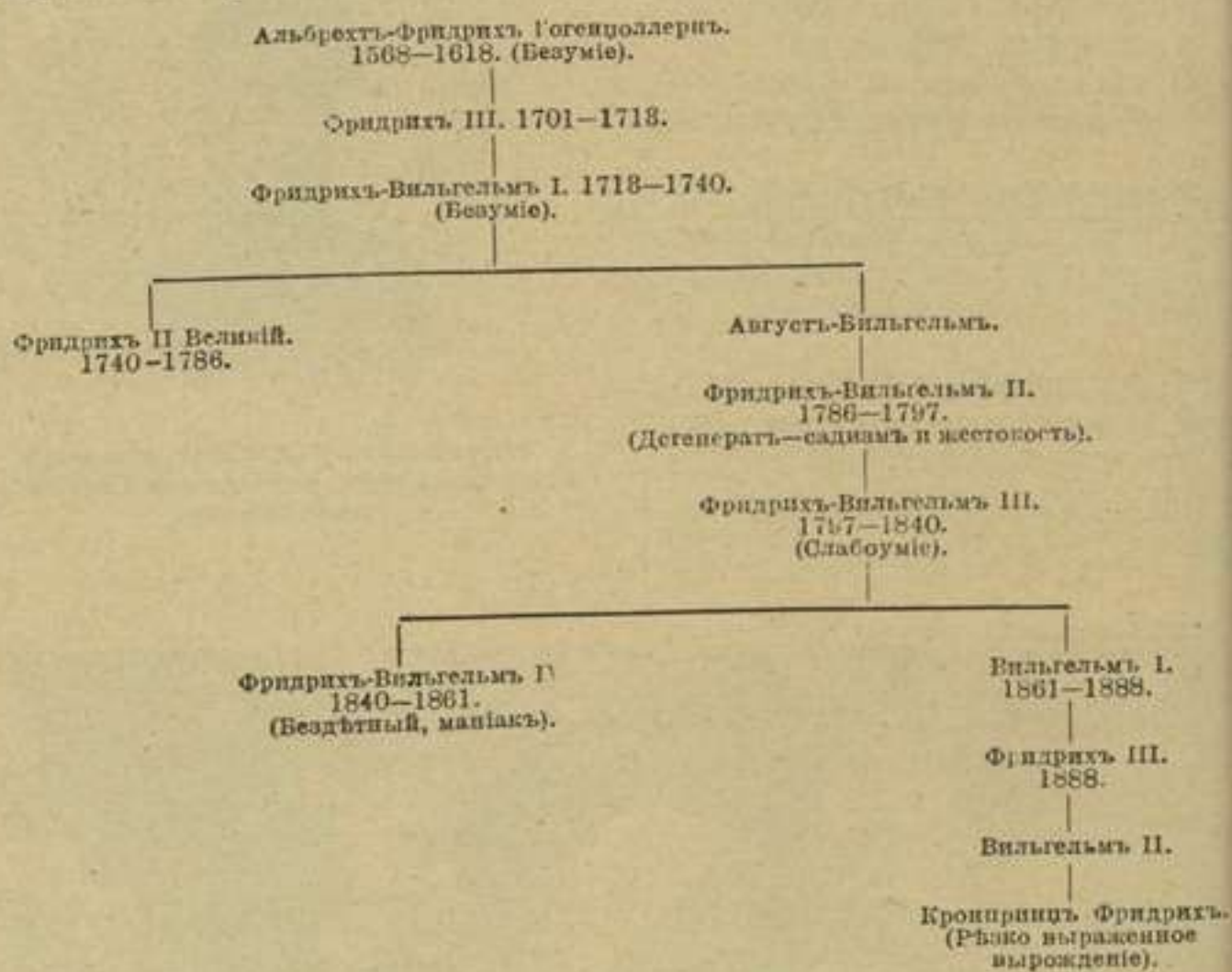
По мнению психиатра, Вильгельм II страдает резко выраженной маніей величия — мегаломаніей, не останавливающейся ни перед какими жертвами, если только эти жертвы затрагивают его личные интересы.

Вильгельм II сам о себѣ.

Все эти отзывы психиатра находят яркое и неизбежное подтверждение в афоризмах и изречениях Вильгельма II. Пока эти афоризмы оставались только словесными, — их считали за риторические образы, шутили, смѣялись добродушно над высокопарным краснорѣчием кайзера. Теперь же приходится серьезно задуматься в них: слово стало дѣлом; риторические образы окрасились потоками крови и стали угрозой всему культурному миру.

При отблескѣ пожаров мирных годов, под несмолкаемый гулъ канонады, все эти безобидныя, — как казалось прежде, — слова высокопарнаго оратора приобрѣли совершенно новое значеніе.

Приведем наиболее характерные из афоризмов кайзера безъ всяких комментариев.

Религія и суевѣрія Вильгельма II.

Какова религія Вильгельма II и есть ли у него вообще какая-либо религія, кроме родовнаго поклоненія своему «я»?

Вотъ вопросъ, который задаетъ себе тысяча людей, вспоминая съ негодованіемъ оскверненіе свѣтлыа, разрушеніе Реймскаго собора и избіенія въ Лувенѣ!

Вильгельм II, — протестантъ въ силу германской конституціи; но это не мѣшаетъ ему быть яркимъ католикомъ при посещеніи Польши и фанатичнымъ мусульманиномъ въ Дамаскѣ, когда онъ всенародно объявлялъ, что жаждетъ раздѣлить съ

татарями: они сами достаточно краснорѣчиво говорятъ за себя, указывая каждой строкой на ненормальность лица, произносящаго ихъ.

«Я — орудіе Всевышняго. Я — Его мечъ, Его представитель на землѣ! Горе и смерть тѣмъ, кто возстанетъ противъ меня! Горе и смерть тѣмъ, кто не поверитъ въ мое призваніе! Да погибнутъ все враги Германцев! Богъ, говорившій моими устами, ихъ погубитъ!»

Вотъ нѣсколько афоризмовъ Вильгельма II о мирѣ.

«Я хочу, чтобы европейскій миръ былъ въ моихъ рукахъ. Тогда онъ не будетъ никогда нарушенъ.»

«Пока я у власти — Европѣ нечего бояться нарушенія мира, онъ покоится на прочномъ основаніи.»

О своей роли въ странѣ:

«Есть одинъ законъ — мой законъ. У солдата не должно быть своей воли, моя воля — законъ. Если я прикажу вамъ застрѣлить вашихъ отца, мать, братьевъ и сестеръ, вы должны повинно вѣстися мнѣ.»

Только теперь миръ понялъ, что за витѣватскими словами царственнаго оратора скрывалось безуміе, и только теперь психиатры всего мира заговорили о томъ, что подобныя рѣчи можно услышать изъ устъ ихъ пансионеровъ, одержимыхъ маніей величія, томачихся въ четырехъ стѣнахъ убійствъ для умалишенныхъ, въ то время какъ вѣчнослѣпый безумецъ, пользуясь свободой, залилъ всю Европу потоками крови.

Наслѣдственность въ семьѣ Гогенцоллерновъ.

Наука говоритъ намъ о томъ, что безуміе является самымъ жестокимъ бичомъ наследственности, передаваясь иногда черезъ нѣсколько поколѣній и не оставляя уже семьи, въ которую оно заглянуло хотя бы однажды, а исторія даетъ намъ правдивыя свѣдѣнія о безуміи, какъ наследственной болѣзни въ семьѣ Гогенцоллерновъ.

Взгляните на генеологическую таблицу Гогенцоллерновъ.

султаномъ его духовную власть надъ исламомъ.

Въ 1903 году Вильгельм II выступилъ съ своею «Исповѣдію» въ письмѣ къ адмиралу Гольману. Эта «Исповѣдь» его «Вѣру» — была тогда напечатана въ «Grenzboten», — одномъ саксонскомъ ежемѣсячникѣ.

Въ ней Вильгельмъ заявлялъ, что у него нетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Богъ призвалъ его и избралъ его для того, чтобы вѣщать на землѣ Свою волю! Это-ли не mania grandiosa во всемъ ея величіи!

Но, наряду со столь высокимъ мнѣніемъ

Лавшие смертью храбрых.

Подпор. Н. П. ПОКРОВСКИЙ,
скончался отъ ранъ.

Пор. А. И. ЛИДЕРСЪ.

Кап. И. И. АЛЕКСАНДРОВЪ.

Подпор. З. А. ФЕДОРОВЪ,
скончался отъ ранъ.

Подпор. А. Н. КАЧИОНИ,
скончался отъ раны.

Кап. И. А. ГРИГОР'ЕВЪ,
наград. орден. Св. Георгия 4 ст.; убитъ.

Подпор. Г. А. МАРТОСЪ.

Подпор. В. С. ЛАРНЕРЪ

Прап. Н. Г. ФОМИНЪ,
скончался отъ ранъ.

Ст. оф. 6-й батареи
А. А. ГРИНЕВЕЦКИЙ.

Подпор. В. В. ШИНКАРЕНКО.

Поруч. Д. В. НУРБУТЪ.

Поруч. В. М. ГАЛЛЕРЪ.

Прап. А. И. ЧИРОВЪ.

Подпор. М. В. ТРОИЦКИЙ.

Прап. Г. И. ЛЯСЕЦКИЙ.

Пор. Г. А. ВИШНЯКОВЪ,
скончался отъ ранъ.

Прап. Ю. П. ПОТОЦКИЙ.

Подпор. Л. Н. КОНДРАТЬЕВЪ.

Кап. Н. В. ШВИНДТЪ.

Применение ручного труда выздоравливающих раненых военных в лазарет Главного Управления Землеустройства и Земледелия. — Плетение корзин и тонкая работа.

Полк. В. В. АНДРЕЕВСКИЙ, награжденный Георгиевским оружием.

о себе и о своем признании Вильгельм II будучи о разных предсказаниях. Неожиданно суверенитет как дитя. В воспоминаниях дано на пороге появился Вильгельм, мисс Анна Тофанг, воспитательница и В будучи сразу воцарилось гробовое гувернантки единственной дочери импера-

Применение ручного труда выздоравливающих военных в городском лазарете при училищном доме Императора Александра II в Петрограде. — Раненые за плетением корзин.
Съ фот. Я. Штейнберга.

тора Викториа, мы находим очень много указаний на суевѣрия Вильгельма II.

Онъ избегаетъ начинать что-либо 13 числа, недовольно хмурится, если кто-либо за столомъ кладетъ разсыпано накрестъ вояк и вилок, продолжительно убеждаетъ видные имъ сны и ни за что не пройдетъ ночью одинъ по пустыннымъ заламъ полого берлинскаго дворца изъ боязни увидѣть здѣсь тѣнь «Бѣлой дамы».

О всѣхъ предсказаніяхъ, касающихся судьбы Гогенцоллерновъ, Вильгельмъ II не любитъ говорить и не переноситъ даже, когда окружающіе говорятъ объ этомъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что этой странной тревоги онъ не испытывалъ въ началѣ своего царствованія.

Графиня L...sch, одна изъ статсъ-дамъ императрицы, рассказываетъ слѣдующій фактъ, случившійся въ июль 1890 г.

Графиня и императрица бесѣдовали въ о себѣ и о своемъ признаніи Вильгельм II будучи о разныхъ предсказаніяхъ. Неожиданно суверенитетъ какъ дитя. Въ воспоминаніяхъ дано на пороге появился Вильгельмъ, мисс Анна Тофанг, воспитательница и Въ будучи сразу воцарилось гробовое гувернантки единственной дочери импера-

Поруч. П. А. ПОПОВЪ, награжденный орденомъ св. Георгія 4 ст.

— О чемъ вы говорили?—спросилъ императоръ со своей обычной рѣзкостью. Императрица побѣдилась, но Вильгельмъ продолжалъ:

— Если вы говорили о модахъ, то не замолчали бы, вида меня, а если дѣло шло о серьезныхъ вопросахъ, то я хочу знать, въ чемъ дѣло.

Императрица промолвила смущенно:

— Ни о томъ, ни о другомъ. Графиня и я—мы болтаемъ о разныхъ старинныхъ предсказаніяхъ.

— А,—прогнулъ недовольно императоръ.—о концѣ имперіи? Ну, такъ это еще не такъ скоро случится! Нечего говорить о такихъ глупостяхъ!

Лица, близко знающія Вильгельма II, говорятъ, что въ немъ религія и суевѣріе такъ близко соприкасаются, что трудно опредѣлить, гдѣ начинается одно и кончается другое.

Вильгельмъ II въ интимной жизни.

Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что среди всѣхъ книгъ о Вильгельмъ II, написанныхъ даже еще до войны, нельзя найти ни одной, въ которой заключалось бы восхищеніе или преклоненіе предъ императоромъ, какъ человекомъ. Одни откровенно бранятъ и критикуютъ

Поруч. К. И. ДЕМЕНТЬЕВЪ, награжденный орденомъ св. Георгія 4 ст. Въ бою, видя, что непріятель увозитъ оставленные подъ сильнымъ натискомъ на позиціи наши два пулемета,—поруч. Дементьевъ, подавая личный примѣръ беззаветнаго мужества и храбрости, во главѣ взвода бросился въ штыки и отбѣлъ у непріятеля оба пул.мета.

Подпор. Левъ Викт. НЕЧАЕВЪ, награжденный Георгиевскимъ оружиемъ.

его, другіе дали сдержанную оцѣнку его личности, но нѣтъ-нѣтъ, да проскользнетъ кака-либо черточка или анекдотъ, рѣзко подчеркивающіе отрицательное отношеніе автора къ Вильгельму II.

Всѣ писавшіе и говорившіе о немъ сходятся въ одномъ, что характеръ его рѣзко измѣнился къ худшему въ возрастѣ 24—25 лѣтъ. Правда, и въ юности онъ отличался нѣкоторой необузданностью, большимъ самолюбіемъ, рѣзкостью и властолюбіемъ, но всѣ эти черты смѣнились юношеской живостью, впечатлительностью и общительностью характера. Старые товарищи императора по университету говорятъ, что еще въ первые годы царствованія Вильгельмъ II былъ милъ и любезенъ

Ген.-м. Кароль Л. Ф. фонъ-дентъ-БРИКЕНЪ, контуженъ, остался въ строю. Награжденъ Георгиевскимъ оружиемъ.

Ген. А. Н. НАРДАШЕНКО. Награжден Георгиевским оружием и представлен к чину подполковника.

Рис. П. Шилова.

Братья Ю., Н. и В. фонь-РУММЕЛЬ, офицеры гвардейской артиллерии, кавалерии и пехоты. Были ранены и теперь снова возвратились в действующую армию.

интимной обстановке товарищеской беседы. Он держал себя просто, отбросив все правила этикета, курил, развалился на низком кресле, и громко хохотал над шутками собеседников.

Но эти моменты становились все реже, и уже к 30 годам император стал тем, что он есть в настоящее время: монархом с тяжелым и неуловимым характером, присутствие которого терроризирует, а шумные и безтактные выходки действуют на нервы.

В этом крутом повороте характера Вильгельма II сыграли значительную роль Бисмарк и королева Августа. Супруга императора не пользуется никакой популярностью в Германии: это характерная буржуазка, ханжа, скучная и ограниченная женщина.

Несмотря на резко определенные взгляды на женщин Вильгельм II, отводящий им узкую область трех К: «Kinder, Küche und Kirche»,—она сумела найти слабые струны своего супруга и великолепно умела играть на них, вооружая его против всего, что кажется ей неприятным и неудобным.

Став супругой Вильгельма, она начала передвигать его на свой лад, возставая против старых событыльников принца, утверждая, что они развращают

его. Умными разговорами она вызвала в муже вражду к родителям, главным образом к отцу, внушив ему, что грехами молодости этого последнего объясняется и рахитизм Вильгельма.

Ловкий и хитрый Бисмарк использовал эту ненависть, ибо сам издавна ненавидел супругу Фридриха за ее «английские идеи», и сумел окончательно возбудить Вильгельма против императора и императрицы.

В мемуарах, описывающих ту эпоху, мы находим ясные указания на то, как лихорадочно и напряженно следил Вильгельм за ходом болезни своего отца, императора разыгралась кошмарная и трагическая в своем безобразии сцена.

Вильгельм с криками, бранью и угрозами требовал от матери дать ему дневник Фридриха, поведение наследного принца

стало совершенно некорректным. Он сердился в этом, он решил подвергнуть дядю своего отца безконечными спорами, мать аресту. Подобный поступок, совершившийся в день смерти отца, является лучшим доказательством нежизнелюбности Вильгельма II.

Этот пресловутый дневник стал за последние недели агонии императора главным кошмаром для Вильгельма. Он опасался, что там окажутся какие-либо опасные для него посмертные распоряжения.

Однако дневник ускользнул из рук шпионов: императрица передала его еще до смерти мужа на хранение родным в Англию. И вот у постели скончавшегося императора разыгралась кошмарная и трагическая в своем безобразии сцена.

Вильгельм с криками, бранью и угрозами требовал от матери дать ему дневник Фридриха, поведение наследного принца

ему в этом, он решил подвергнуть мать аресту. Подобный поступок, совершившийся в день смерти отца, является лучшим доказательством нежизнелюбности Вильгельма II.

Бисмарк уцелел всю опасность этой выходки и уговорил нового императора забыть арест лишением гражданского права.

— Это сдвигает меньше шума,—цинично заявил он,—и окажется гораздо более действительным!

Вдовствующая императрица выдержала характер в течение полугода, а затем смирилась и вручила дневник сыну.

В мемуарах мисс Тофань есть любопытные сведения о том, насколько тяжело человеку является Вильгельм II в семейной жизни.

Он деспотичен и упрям, резок и

ВЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ВЪ ЗАЛАХЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ.

ПОСЛѢ ДОНДЯ.—Картина художн. В. В. Сычова.

Съ фот. Кооп. Глыбовской.

Кардиналъ МЕРСЬЕ, архіепископъ-примасъ церкви Бельгіи, арестованный Нѣмцами въ гор. Малинѣ.

грубь, и только такая супруга, как королева Августа, может мириться с гнетом подобной семейной обстановки.

«При семейных сценах, — отлучает мисс Тофань, — императрица молчит сначала, а затем, выйдя из террасы, начинает допекать своего супруга лживыми намеками на его историю с родителями, и уходит, хлопнув дверью.

Подобные сцены при посторонних свидетелях указывают на большую несдержанность, недопустимую обыкновенно в том кругу, к которому принадлежит Вильгельм II, и гдѣ самообладание прививается с детства.

Придя въ бытность, император совершенно не владеет собой и его крики раздаются далеко по притихшему двору.

В своих отношениях к детям Вильгельм проявляет ту же неровность характера: он то вѣжливъ съ ними, то деспотично грубъ, и всегда очень скупъ для близких.

Еще любопытная подробность характера Вильгельма: онъ чувствует къ цѣлѣтамъ какое-то непонятное и непреодолимое отвращение. Каждую весну императрица приходится выдерживать борьбу, защищая свои клумбы въ Потсдамскомъ паркѣ. Въ одной интимной бесѣдѣ императоръ заявилъ, что считаетъ цвѣты неестественными, и что они оскорбляютъ его вкусъ!

Лица, близкія къ императору, говорятъ, что за послѣднее десятилетіе у него появились тревожные наружные симптомы увеличивающейся нервности. На его лицѣ показывается временами что-то въ родѣ нервного тика, — не то гримаса, не то болезненное подергиваніе. Разговаривая, онъ дѣлаетъ правой рукой какое-то судорожное движеніе и при этомъ какъ-то особенно прищелкиваетъ пальцами. Это движеніе у него, видимо, совершенно произвольно. Даже смѣхъ его сталъ другимъ. Прежде онъ смѣялся откровенно и громко, а теперь въ смѣхъ звучатъ неискреннія, глухая, немного истерическія нотки, и это очень стѣсняетъ собесѣдниковъ Вильгельма.

Вильгельм II и женщины.

Въ отношеніяхъ Вильгельма II къ женщинамъ нѣтъ и тѣни того рыцарства, которое проявляло германское дворянство въ старыя времена. Знаменитыя «Три К» императора ясно говорятъ о томъ, что онъ признаетъ женщину только, какъ хорошую хозяйку, заботящуюся объ удобствахъ мужа, какъ мать, производительницу новаго поколѣнія солдатъ. Для развлечения женщины предоставляется право посѣщать церкви, гдѣ она могла бы почерпнуть истины для поддержанія ея на пути, указанномъ кайзеромъ.

Но тамъ, гдѣ нѣтъ уваженія къ женщинамъ, мы замѣчаемъ обыкновенно быстрый упадокъ нравовъ.

И вотъ, при дворѣ и во всѣхъ германскихъ кругахъ царитъ тяжелая мертвенно-холодная скука, а въ то же время нигдѣ подпольный развратъ и крайняя распущенность нравовъ не свили себѣ такого прочнаго гнѣзда, какъ въ Германіи.

Присматриваясь ближе къ поступкамъ и рѣчамъ Вильгельма, опираясь на его генеалогію, можно придти къ убѣжденію, что если императоръ Германіи не безумецъ, то весьма неуравновѣшенный морально и умственно человекъ. А наука говоритъ намъ, что подобная неуравновѣшенность часто грозитъ перейти въ настоящее безуміе при первомъ же толчокѣ сильнымъ потрясеніемъ или ударѣ.

Антоніевскій народный хоръ въ Петроградѣ. По срединѣ хора — его организаторъ, полк. А. Ф. Путвинскій.

Къ 25-лѣтію со дня основанія хора.

На Востокъ.

Суровый, скалистый откосъ...
Въ лошинѣ струится прохлада...
Спускается медленно стадо
Испуганно жмурихся козь...
И дрогнетъ въ саду абрикосъ,
И мерзнетъ лоза винограда...

Пора предвечерней намазъ
Свершать по завѣту корына...
Далекая цѣпь каравана
Въ туманѣ скрывается съ глазъ:
Ушелъ онъ на русской Кавказъ
Отъ тихаго озера Вана...

На снѣжномъ покровѣ скалы
Алѣютъ послѣднія пятна...
Прохлада тиха и пріятна...
Безшумные рѣютъ орлы...
Вдругъ старческий голосъ муллы
Разнесся протяжно и внятно...

Ускорился шагъ пастуха, —
Тотъ голосъ — онъ въ выкрикахъ мѣрныхъ
Къ молитвѣ зоветъ правобѣрныхъ...
Темнѣетъ... лошина тиха...
Спаси насъ, Аллахъ, отъ грѣха
Отъ мыслей тревожныхъ и скверныхъ!..

В. Опочининъ.

XXXIV АНВАРЕЛЬНАЯ ВЫСТАВКА КАРТИНЪ.

НА ЧЕРМЕНЕЦКОМЪ ОЗЕРѢ. — Картина художн. Н. А. Вещилова.

Съ фот. Ксав. Глыбовской.

Литературныя замѣтки.

Пѣсни о войнѣ.

Если война многихъ совершенно переродила, заставивъ ихъ думать и чувствовать такъ, какъ имъ еще недавно и не представлялось, что они на это способны, то ничего нѣтъ удивительнаго, что и поэты перестроили свои лиры на совершенно новый ладъ. Не мало любопытныхъ образчиковъ такого обращенія къ новымъ мотивамъ, потребовавшимъ отъ поэтовъ и новыхъ словъ для ихъ выраженія, можно найти въ изданномъ подъ редакціей Б. Б. Глинскаго сборникѣ «Война въ современной поэзіи». Среди многочисленныхъ «пѣсней въ станѣ русскихъ воиновъ» встрѣчаемъ мы и Ф. Сологуба. Въ его сборникѣ «Война» * не всѣ произведенія одинаковаго достоинства, — встрѣчается здѣсь кой-что, на чемъ лежитъ печать газетной передовицы. Это особенно чувствуется на обличительныхъ стихотвореніяхъ, гдѣ хотѣлось бы встрѣтить «железный стихъ, облитый горелью и злостью». Но стихамъ Сологуба недостаетъ въ данномъ случаѣ силы и выразительности.

* Федоръ Сологубъ. *Война*. Стихи. Изд. журнала «Отечество». Петрогр. 1915 г. Стр. 43. Ц. 40 к.

То, что было блескъ ума,
Облеклося тусклою рутиной,
И Германія сама
Стала колоссальной машиной.

Это блѣдно и вяло. Нѣтъ надлежащаго подъема и въ стихахъ, въ которыхъ дѣлается попытка дать изображеніе одной изъ самыхъ трагическихъ фигуръ современности — Бельгийца:

Я — мирный гражданинъ страны родной,
Торкую въ Коши и слововой костью,
Но дерзостно нарушенъ мой покой,
Тевтонскою роиственною злостью.

«Бельгіецъ» Ф. Сологуба, всетрошающей: «Но въ чемъ же виновать я? — сдѣлать что?» и заявляющей: «Воевать съ презрительмъ границъ (!) я твердо буду», — это блѣдная тѣнь того героическаго Бельгийца, обликъ котораго каждый легко возсоздаетъ себѣ даже при чтеніи неприкрашенныхъ газетныхъ сообщеній о томъ, что происходитъ въ Бельгіи. Холодна и нѣкоторыя стихотворенія, отражающія настроенія, вызванныя войной въ Россіи, но есть между нами и нѣсколько прекрасныхъ, ради которыхъ можно простить сухость и риторичность другихъ произведеній. Проникнута тѣмъ настроеніемъ, съ которымъ дѣйствительно идутъ въ боишникѣхъ случаяхъ на войну русскіе люди, принадлежащіе къ самымъ разнообразнымъ слоямъ населенія, сцена, изображающая прощаніе воина съ любимой дѣвушкой:

И какъ ни плачь, — свой взоръ въ часы
Разлуки,

Къ землѣ клоня, —
Но не удержишь ласковыя руки
Твои мои.

А если я паду за синею далью,
Въ чужомъ краю,
Ты говори, горда своей печалью:
Сраженъ въ бою.

Точно также напелъ г. Сологубъ, прощаясь, но трогающій слова для изображенія того «бабыго» горд, которое неизбежно при прощаніи съ призваннымъ на войну мужемъ, но въ которое врываются также свои героическія нотки:

Знаю, будетъ много горя,
Бабыныхъ слезъ прольется море,
Но о насъ ты не жалѣй.
Бабы русскія не слабы, —
Безъ мужей подымутъ бабы
Кое-какъ своихъ дѣтей...

Политить это проникнутое мужественнымъ чувствомъ стихотвореніе только одно неумѣстное выраженіе: жена говоритъ, что ей не нуженъ такой мужъ, который пойдетъ на бой не какъ смѣлый воинъ, а станетъ только «изъ-подъ пушекъ» «гонять лагушекъ». Не берусь судить, мѣсто ли лагушкамъ подъ пушками во время войны, но что изъ стихотворенія, о которомъ идетъ рѣчь, ихъ слѣдовало бы изгнать, это мнѣ кажется неподходящимъ сомнѣнію.

в. ю. в.

Звуки войны.

Маленькая книжечка съ георгіевскою лентой на бѣлой обложкѣ пришла какъ разъ по душѣ въ эту «прозу военной непогоды».

Г. Сергій Копыткинъ выпустилъ второе изданіе своей книжечки «Пѣсни о войнѣ», первое изданіе которой въ 3,000 экземпляровъ разошлось въ полтора мѣсяца.

Читатели «Новаго Времени», любящіе стихи, знаютъ эти всегда задумчивыя и содержательныя строки молодого поэта, душа котораго ярко чувствуетъ

Ногодованье, сожалѣнье,
Ко благу чистую любовь.

Что болѣе современныхъ событій вызываетъ книжніе этихъ чувствъ!.. И вотъ текутъ стихи — стихи влюбленія въ родъ

Пѣсни о войнѣ. Стихотворенія. Сергій Копыткинъ. Изданіе 2-е. Цѣна 20 к.

ную землю и свой народ, презрѣнія и святой ненависти къ судостату.

Вотъ онъ порывъ души къ этой страдающей и подвинувшейся во весь свой ростъ родинѣ:

Тебѣ — всѣ лучшіе порывы,
Тобой живу, любя, скорбя,
Мой мигъ печальный, мигъ счастливый,
И мысль, и страсть, — все отъ тебя!

Камнямъ кованымъ стихомъ и яркимъ обрывомъ обрисована «Душа народная»:

Душа — не адъсь! адъсь — только грани,
Воспринимающія лучъ,
Душа — давно на полѣ брани
У солнца, молнии и тучъ.

Многіе моменты войны, отдѣльные ея эпизоды, чувства, порожденные тѣми или другими мѣтроніями — составляютъ содержание эпикъ 35 стихотвореній. Тутъ и «На смерть Неестерова» и отголоски побѣды и «хвала русской женщинѣ», «русской матерн», «раненые», «знаменщики», «Бельгія», «Пиратамъ Ислама».

Узирающій офицеръ диктуетъ послѣднія строки жентъ, отцу, сыну:

Напишите, что мальчика Вову
Я люблю, какъ только могу,
И австрийскую каску изъ Львова
Я въ подарокъ ему берегу.

Какия сильные выраженія въ «Валѣннхъ Вильгельма»:

А черезъ кровь и лязгъ желѣза,
Сквозь трескъ германскаго костра
Звучитъ все ближе Марсельеза,
Грохочетъ русское ура.

Слѣдствія отъ чистаго сердца, «Пѣснь о войнѣ» сердцемъ же воспринимаются.

Прожегаемъ второму изданію бѣлой книжечки съ георгиевской лентой того же быстрого и прочнаго устѣха, какой имѣло первое.

Е. Поселянинъ.

Романъ въ письмахъ.

Болѣе семи десятковъ писемъ отъ «не-го» къ «ней», — писемъ, въ которыхъ изливается любовь, не встрѣтившая сочувственнаго отклика, — таково содержаніе «писемъ книжной души» г. В. Молодого «Апофеозъ безпочвенности», то о Визити «Безъ отвѣта». Форма повѣсти въ письмахъ вообще требуетъ большого мастерства со стороны писателя, — иначе повѣсть татъ изъ старыхъ поэтовъ Тютчева и Фета становится монотонной и утомительной. Не та рѣчь заводятся о модныхъ Арцыбашевѣ удивительно, что произведение г. Молодого, и Вербицкой. Среди этихъ экскурсій въ стору въ которомъ притомъ же мы имѣемъ дѣло рону попадаются подчасъ любопытныя за-письками, написанными не разными мѣчания, но при оцѣнкѣ книги съ этой стол-лацами, а все однимъ и тѣмъ же, и гово-рившими все объ одномъ и томъ же, не ни автора отходить уже на второй планъ. чуждо указанныхъ недостатковъ. Нельзя Оцѣнивалъ же книгу, какъ «романъ», при-сказать, чтобы письма были не красно-ходится опять-таки пригнѣвить къ ней сло-рѣчивы, — напротивъ, мы встречаемся въ ва самого героя этого неудавшагося любов-ныхъ съ избыткомъ краснорѣчія:

О, ясные милые глаза, увижу ли я въ васъ отблески иныхъ рѣчей, и отвѣтитъ ли холодная, вѣчная рука теплымъ пожатіемъ?..

И я молюсь о чудѣ — о, услышь эту беззвучную стонъ, эту молитву! Если ты откроешь окно, ты думаешь, ты помнишь обо мнѣ...

Таковъ стиль, которымъ герой повѣсти все время изливаетъ свои чувства, — но адъсь не языкъ страсти, а лишь любовная риторика. И какъ не хочется противорѣчить герою, когда онъ выражаетъ желаніе «ударить себя чѣмъ-нибудь твердымъ по головѣ, чтобы почувствовать себя искреннимъ и правдивымъ». Если бы мы имѣли дѣло только съ исторіей нераздѣленной любви, рассказанной приподнятымъ стилемъ, слышимъ въ старину подъ названіемъ «высокаго», то едва ли у многихъ хватало бы терпѣнія одолѣть книгу г. Молодого. Но авторъ, давая своему произведе-нію подзаглавіе «поэма книжной души», жаль, очевидно, въ виду не только созна-ваемой самимъ героемъ избытокъ литера-турности въ выраженіи своихъ любовныхъ ощущеній. Герой повѣсти — человекъ, въ высшей степени начитанный, и въ резуль-

* В. Молодой. Безъ отвѣта. (Поэма книжной души). Петрогр. 1915 г. Стр. 179. Ц. 1 р. 20 к.

КОНТОРА ПО ПЕРЕВОЗКѢ МЕБЕЛИ.

Будущее ремесло кронпринца послѣ войны. Къ этому ремеслу онъ теперь усердно готовится.

«Le Kiro».

вахъ, отмѣтившихъ въ печати книгу, въ которой аббатъ Флорантъ-Дюма истолковалъ извѣстныя всѣмъ въ Германіи предсказанія нѣкоего Германа о паденіи Гогенцоллерновъ.

Во всѣ эпохи склонность къ чудесному и страсть къ таинственному и неизвѣстному властвовали надъ человѣчествомъ. По теперь, въ эпоху переживаемаго нами ужаснаго кризиса, желаніе предугадать то, что готовитъ намъ будущее, становится все болѣе настоятельнымъ и сильнымъ.

Германъ былъ ученымъ монахомъ, проживавшимъ въ XIII столѣтіи въ монастырѣ Lehnin, въ Бранденбургѣ. Тамъ онъ и написалъ Vaticinium Lehninense, въ которомъ предсказалъ судьбу Гогенцоллерновъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ царствованія.

Предсказанія монаха написаны въ стихахъ или, вѣрнѣе, римованною прозою, какъ и пророчество Сивиллы. Позоръ и униженія, слѣдовавшія за Іеною, блестящее возвышеніе Вильгельма I отмѣчены въ этихъ предсказаніяхъ всѣми буквами и точными числами, что весьма по-лудно для автора, писавшаго ихъ въ XIII столѣтіи.

- 90. Natus florebit, quod non sperasset habebit.
- 91. Nam sortis mirae videntur fata venire
- 92. Et princeps nescit quod nova potentia crescit.

«Смыслъ ожидаютъ дни благоденствія. Онъ будетъ владѣть тѣмъ, о чемъ по смѣлу никогда и мечтать. Я вижу при близжающемся времени, въ теченіи котораго произойдутъ поразительно-счастливыя для него случаи. Самъ принцъ не представляетъ себѣ расширенія предѣловъ, котораго достигнетъ новая держава».

Но и конецъ Гогенцоллерновъ предсказанъ также весьма ясно. Вильгельмъ II изображенъ въ этихъ предсказаніяхъ, какъ послѣдній государь германской расы.

- 93. Tandem scepra gerit qui stemmatis ultimus erit.
- 94. Israel infandum scelus audet morte piandum.

«Наконецъ скипетръ перейдетъ въ руки того, кто будетъ послѣднимъ въ царственномъ спискѣ. Израиль, этотъ великій грѣшникъ, попытается совершить отвратительное злодѣяніе, которое сможетъ искупить только смерть».

Говоря объ этомъ пророчествѣ въ 1896 году, я невольно задавалъ себѣ вопросъ, какъ и другіе, дѣлавшіе это раньше, что за отвратительное преступленіе долженъ будетъ совершить грѣшникъ, названный въ предсказаніи Израилемъ? Въ чемъ выразится злодѣяніе, которое, очевидно, перейдетъ всѣ границы возможнаго? По всей вѣроятности, — въ великомъ всемірномъ нападении, въ гнусномъ предательствѣ, задуманномъ по послѣднему слову науки и техники, послѣдствія котораго отзовутся на народахъ всей вселенной».

Еще болѣе предсказаній монаха Германа характеризуютъ поразительную насъ дѣйствительность пророчества, исходящая изъ Майнца, такъ какъ въ нихъ, помимо судьбы Германіи, разрѣшается вопросъ и о судьбѣ, уготованной Австро-Венгріи.

Это Майнцкое пророчество было извѣстно даже раньше пророчества Германа, и долго сохранялось въ одномъ изъ старыхъ монастырей, основанномъ святой Гильдегардой.

Оно предсказывало войну 1866 года, разгромъ Франціи въ 1871 году и комму-ну. Оно предвидѣло капитуляцію Наполеона III въ окрестностяхъ Chêno-Popu-leux, въ маленькой деревнѣ недалеко отъ Седана, куда отправился несчастный императоръ послѣ своего послѣдняго свиданія съ Вильгельмомъ:

«Несмотря на героическое сопротивле-ніе Французовъ, множество синихъ, жел-тыхъ и черныхъ солдатъ наводняютъ большую часть Франціи».

«Эльзасъ и Лотарингія будутъ отняты отъ Франціи на нѣкоторое время».

Майнцкое пророчество предвидитъ конецъ Вильгельма, какъ послѣдняго короля Пруссіи и императора Германіи. Оно предсказываетъ конецъ Австріи и предвѣщаетъ гигантскій конфликтъ между народами Европы.

«Послѣдняя битва на поляхъ Bouleaux, близъ Шадерберна, въ Вестфалии, соединитъ семь союзныхъ народовъ: Французовъ, Бельгийцевъ, Англичанъ, Голландцевъ, Русскихъ, Японцевъ и Сербовъ противъ трехъ народовъ: Пѣмцевъ, Австрийцевъ и Венгровъ».

«Эта битва продолжится три дня въ дыму пожаровъ».

«Въ концѣ концовъ Пруссія и Австрія будутъ уничтожены. Венгрія отойдетъ къ Дальнему Востоку».

Мелочи.

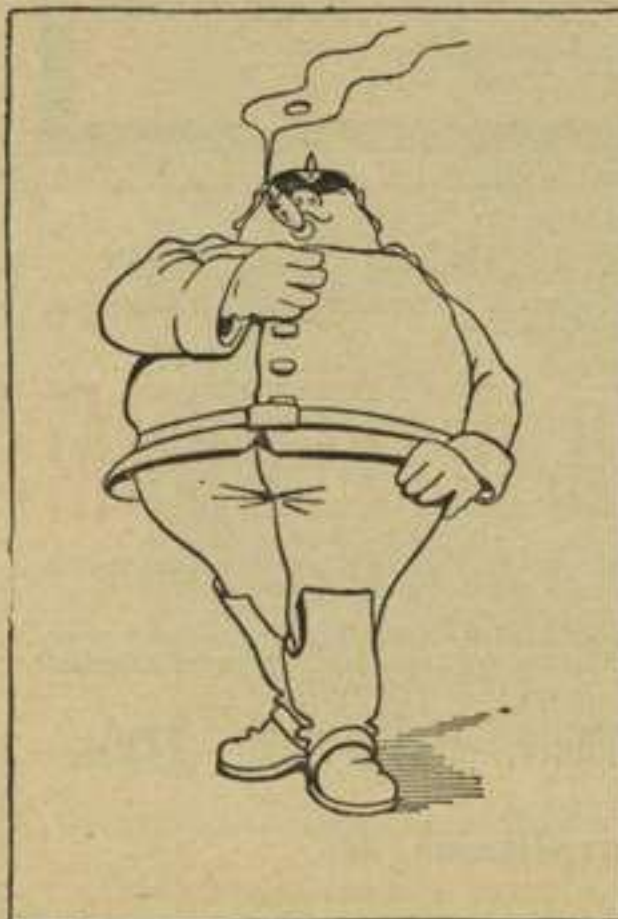
Пророчества о варварахъ.

Французскій писатель Эдуардъ Дрюмонъ, занятый теперь подробнымъ изслѣдованіемъ предсказаній, касающихся Вильгельма II и его имперіи, сообщаетъ на страницахъ парижскихъ журналовъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія.

Нѣкоторые изъ моихъ собратьевъ по перу уже писали о различныхъ пророчествахъ, предвѣщающихъ распаденіе Германской имперіи. Думаю, что я былъ одинъ изъ пер-

ВНИМАНЮ ЖЕЛАЮЩИХЪ ПОХУДѢТЬ.

«Военный» хлѣбъ. — Результатъ ты поразительный!

До употребленія «военнаго» хлѣба

и послѣ.

«Вильгельм II будет последним королем Пруссии. Германия и Австрия составят три государства: Польшу, Ганновер и Саксонию».

Никто не может оспаривать, что страсть к неизвестному, желание приподнять завесу, прикрывающую загадочное «запята», и убеждение в том, что есть исключительные созданные чувства, имеющие способность предвидеть будущия события, не являются чувствами, которые преследуют человечество со дня создания мира.

Приведенныя мною пророчества отличаются серьезными речитативами за достоверность предсказанных фактов, на половину уже сбывшихся. Их интересно перечислить именно теперь, в моменты переживаемых нами грозных столкновений. Они удивительно согласуются с фактами, которые обстоятельства и логика заставляют нас предвидеть. Каковы бы ни были кратковременныя превратности судьбы, которая нам придется перенести, все-таки Германия, окруженная со всех сторон, не сможет набраться участи, на которую сама себя обрекла, точно двинутая неодолимой и роковой силой!

Германия должна быть победена, и она будет победенной!

Долой германскія игрушки.

Какъ извѣстно, на основаніи франкфуртскаго договора, заключеннаго Французами въ 1871 г. послѣ ужаснаго разгрома, германскіе товары получили крупныя преимущества при ввозѣ ихъ во Францію. Льготный таможенный тарифъ сдѣлалъ то, что въ нѣсколько лѣтъ Германия наводнила французскій рынокъ своими дешевыми издѣліями. Особенно пострадала игрушечная промышленность.

Въ 1900 году на всемирную выставку въ Парижѣ было ввезено изъ Германии свыше 956,000 килограммовъ игрушекъ, причемъ даже по льготному таможенному тарифу сборъ на таможнѣ достигъ 8,400,102 франковъ. Въ 1909 году сумма эта возросла до 9,786,050 франковъ; въ 1910 г.—13,338,200 франковъ; въ 1912 году цифра эта дошла почти до 15 миллионовъ франковъ. Такимъ образомъ въ двѣнадцать лѣтъ количество ввозимыхъ во Францію игрушекъ со штемпелемъ «Made in Germany» почти удвоилось.

Въ чемъ лежитъ залогъ этого изумительнаго успѣха германской игрушечной промышленности? Ужъ, конечно, не въ ху-

Въ дѣйствующей арміи въ минуту отдыха.

«Вильгельмъ и его солдаты». — Работа изъ снѣга армейскихъ «скульпторовъ».

дожественности работы: германскія издѣлія обыкновенно грубы и аляповаты. Но... подкупала дешевизна! Издѣлія «Made in Germany» продавались на 10, 15, даже 20% ниже издѣлій французской промышленности. А покупатель обыкновенно предпочиталъ дешевую дорогую. Съ другой стороны, французскіе торговцы сами охотливе вели дѣло съ Нѣмцами, нежели со своими соотечественниками!

Французскіе фабриканты даютъ кредитъ на одинъ мѣсяцъ, а германскіе на восемь, иногда 12 мѣсяцевъ.

Это непонятное съ перваго взгляда об-

стоятельство объясняется системой банковскаго кредита фабрикантамъ. Представляя въ банкъ вексель французскаго магазина, фабрикантъ получаетъ подъ него до 30% его стоимости, а остальное до-получаетъ по истеченіи срока векселя.

Но чѣмъ объяснить изумительную дешевизну германскихъ товаровъ? Политико-экономы давно интересовались этимъ вопросомъ и выяснили, что въ Германіи ручной трудъ оплачивается несравненно ниже, нежели во Франціи, ибо и жизнь въ Германіи значительно дешевле. Во Франціи рабочіе получаютъ 8, 9 и 10

франковъ въ день, а женщины отъ 3 фр. 50 до 6 франковъ. Въ Германіи мужчины получаютъ за тотъ же трудъ отъ 3 до 4 марокъ въ день, а женщины только отъ 2 до 2½ марокъ.

Помимо этихъ рабочихъ въ Германіи зимою въ окрестностяхъ Нюрнберга и Зоннеберга работаютъ у себя на дому тысячи кустарей за счетъ большихъ фабрикъ. Здѣсь вознагражденіе по-истинѣ нищенское. Такъ, напримѣръ, баварская семья кустарей, состоящая изъ отца, матери и двухъ дѣтей, при упорной работѣ съ 6 ч. утра до 7 ч. вечера вырабатываетъ не болѣе 20 марокъ въ недѣлю! При такихъ условіяхъ понятна дешевизна германскихъ игрушекъ.

Перечислимъ наиболѣе характерныя игрушки, доставляемыя изъ Германіи. Во-первыхъ, плюшевые медвѣди и деревянныя стада съ пастушками. Они идутъ почти исключительно изъ Нюрнберга. Оттуда же поставляются и куклы, а также кукольныя фарфоровыя головки.

Прежде въ Парижѣ существовало нѣсколько фабрикъ, специально выдѣлывавшихъ кукольныя фарфоровыя головки, но съ основаніемъ въ Германіи нѣсколькихъ колоссальныхъ фабрикъ, французскія обанкротились въ нѣсколько лѣтъ.

Въ настоящую минуту всѣ германскія игрушки подвергаются самому строгому бойкоту даже со стороны дѣтей, а правительство вырабатываетъ проектъ учрежденія кооперативныхъ обществъ во Франціи, которыя займались бы устройствомъ огромныхъ фабрикъ игрушекъ.

Имѣется въ виду привлечь къ работѣ сельское населеніе въ качествѣ кустарей, свободныхъ въ долгие зимніе мѣсяцы, а кромѣ того война даетъ огромное количество увѣчныхъ и неспособныхъ къ тяжелой работѣ вояковъ.

Эти вояки, послѣ небольшой подготовки, легко смогутъ составить могучую армію рабочихъ, которая сдѣлаетъ окончательный «матъ» германской промышленности.

Редакторъ М. А. Суворинъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время».

БИБЛІЯ
Полная на рус. яз. съ параллель. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи иллюстрирована **208 КАРТИНАМИ**.
въ текстѣ. Иллюстраціи, кн. 6 X 4 верст., 2 толщ., вѣс. 9 ф. 1550 стр., въ прощ. красн. тисн. золотомъ полукожан. переп. съ кол. футл. в. 5 р., съ перес. Евр. Рос. 5 р. 85 к., улан. 20 к. Первая и единствен. въ Россіи иллюстрир. Библия. Эту великую книгу книгъ долженъ имѣть каждый.
Адр: Петроградъ, Невскій, 153/1.
Е. П. Масленникову.
Тел. 90-86.

Вышелъ и поступилъ въ продажу
Альбомъ монограммъ
для мѣтн бѣлыя гладью, крестомъ и строчной. Въ новомъ стилѣ.
Изданіе П. Вышиной. Съ перес. нал. пл. 2 р. 85 к. Адр: Петроградъ, 10-я Рождественская № 9, кв. 14. П. Вышиной.

„СПИРИТИЗМЪ“
передъ судомъ науки, общества и религіи“
518 стр., 155 фотогр. и рис. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 8 руб.
МОСКВА, у Храма Спасителя, д. Ковригина, В. П. Выковъ; во всѣхъ маг. „Новаго Времени“ и у Тулова—въ Петроградѣ.

ЛЕПЕШКИ ДЛЯ ГОРЛА
КОКАФОРМИНЪ КРЕПСА
дезинфицируютъ, уничтожаютъ боль, предохраняютъ отъ заболѣванія горла и носоглотку. Отпускаются изъ аптекъ по рецептамъ врачей. Дено: Петрогр., Магистръ Кренсъ.

Въ февральскихъ номерахъ **„ВѢСТНИКА МОДЫ“** помещено: 170 рис. дамскаго и дѣтскаго туалета; 84 выкройки; 38 рис. рукодѣлій въ натуральную величину. Парижскія хроника съ рис. Сигаретск. Раа. Ж. Кларес. Какъ умыть и накоротить тяжело раненаго. Сидѣльи. Сидѣльи сестрамъ военнаго времени. Мыслал или растительная пища. Ш. Рише—Уходъ за лицомъ. Какъ женщины работаютъ кусокъ хлѣба (съ рис.). Какъ надо чистить одежду (съ рис.). Постный столъ. Полынные сонеты и т. д. Цѣна въ годъ 6 рублей. Петроградъ. Итальянская, 16.

пятьдесятъ третій годъ изданія.
РУССКІЙ АРХИВЪ
издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).
Открыта подписка на 1915 годъ. Годовая цѣна девять рублей.
Подписка въ Москвѣ (Арбатъ, Денежный, 3) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.—Вышелъ и разосланъ подписчикамъ первый январскій выпускъ.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина «Новое Время» Петроградъ, Невскій, 40, Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (на Дону) и Саратовъ, ПРОДАЮТСЯ
СОЧИНЕНІЯ В. П. БУРЕНИНА:
Т. I. МЕРТВАЯ НОГА. Таинственный процессъ. Романъ въ Нисловодскѣ. Повѣсть. Изданіе 7-е, съ портретомъ автора. Ц. 1 р.
Т. II. СТИХОТВОРЕНІЯ-ПЕРЕВОДЫ: изъ Барбье, Альфреда де-Мюссе, В. Гюго, Ариосто, О. Мередита, Альфреда де-Винья, Том. Гуда, Байрона, Чаттертона и Мейснера. Изданіе 3-е. Ц. 1 р.
Т. III. ВОЕННО-ПОЭТИЧЕСКІЕ ОТГОЛОСКИ.—ПѢСНИ ДНЯ.—ДУМЫ.—ПОЭМЫ.—БЫЛИНЫ. Изданіе 8-е. Ц. 1 р.
Петроград. магазинъ, Невскій, 40.

УКРѢПЛЯТЕ ДѢТЕЙ И МАЛОКРОВНЫХЪ
давайте Екорифосфитъ Кресса
незамѣнимое питательное средство также для **выздоровливающихъ раненыхъ.**
Дено: Петроградъ, Магистръ Кренсъ.

РЕВМАТИЧЕСКІЯ ПРОСТУДНЫЯ БОЛИ, инелуэнца, жаръ и головная боль быстро прекращаются таблетками
КЕФАЛДОЛЬ
Дра СТОРЪ
который можно принимать безъ опасенія повредить себѣ и безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. Таблетки Кефалдоля дѣйствуютъ быстро и надежно. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Не принимайте поддѣлокъ.

Поступило въ книж. магазинъ „Новаго Времени“ (Петроградъ, Невскій, 40)
5-е изданіе **„ГИГИЕНА БРАКА“.**
Женщ.-врача Волковой. Ц. 50 к.
Содержаніе: Нужно ли бракъ. Воспитаніе дѣтей. Воспитаніе дѣвушекъ. Выборъ мужа. Воспитаніе юношей. Проституція. Выборъ жены. Женское общество. Вступленіе въ бракъ. Гигіена брачной жизни. Искусственное оплодотвореніе. Равнозвѣ. Переходный возрастъ. Бездѣтныя браки и т. д.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 13990

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 21-го ФЕВРАЛЯ (6-го МАРТА) 1915 ГОДА.

№ 13990

Безумецъ.

Я—Бога избраниль, я—воля и мечъ
Предвѣтнаго, властнаго рока...
Часы наступили завѣтнаго срока,
И слушайте всѣ вдохновенную рѣчь:
Германцы! Я вижу вашу жребій великій,—
Дрожите передъ вами испуганный миръ!
Я слышу побѣдные, гордые клики:
Справляетъ триумфъ императоръ-кумиръ...
Кругомъ безоглядные ужасы сѣя,
Я съ вами, я съ вами, какъ тыль Моисея...
Глаголы священныя чуетъ мой слухъ
Вскликаетъ въ груди вдохновенной тревога:
Сквозь слово мое говорить съ вами духъ
Германскаго стараго Бога...
Во мнѣ сокровенное пламя горитъ,—
Я рыцарь священный, я воинъ Зигфридъ...
Мы силы сокровенныя грозно раскроемъ,
Раздвинемъ границы для новыхъ путей:
Въ молитвенныхъ гимнахъ и въ сказкахъ
Дѣтей
Я стану народнымъ героемъ...
Потомству я имя великое дамъ,
Я власти всемирной открою истоки,—
Какъ древнѣ зѣвры, отважно жестоки
Пойдемъ мы по вразумльмъ садамъ—
На западъ талльскомъ, на русскомъ
востокъ...
И горе, и смерть заклятому врагу!
Внимайте мнѣ, люди, какъ слово пророка:
Я воля и мечъ всемогущаго рока,—
Настали мгновенья завѣтнаго срока,
Я часъ этотъ вѣщій давно стерегу...
Земля содрогнется отъ страшнаго стона,
По знамя побѣды—въ рукахъ у Тевтона!...

Кто смѣетъ перечить? Кто борется съ нами?
Я требую новыхъ и новыхъ побѣдъ!
Разсѣйте, вѣщныя призраки бѣды,
Развейся скорѣе побѣдное знамя!
Тѣснить насъ? Неправда! Мы сами
тѣснимъ!
Такъ Богъ мнѣ повѣдалъ—я видѣлся съ
Нимъ,
Наши вызовъ врагу освѣщенъ небесами...
Блокада и голодъ? Неправда! Мы сами
Объшлемъ блокаду... у ихъ береговъ
Мы будемъ топить ненавистныхъ враговъ...
Мы всѣхъ уничтожимъ,—вѣрите ли въ
этомъ!
Недаромъ я избралъ предвѣтвой судьбой...
Пусть всѣ противъ насъ,—выступаю на
бой
Я съ цѣлымъ подвизшимся свѣтомъ...
Я имя свое завѣщаю вѣкамъ,
Прославленъ, какъ гений, я буду въ
наукъ,—
И, въ страхъ внимая сѣдлымъ старикамъ,
Молитесь мнѣ стануть послушныя внуки...
Безумецъ!.. Недологъ кровавый твой пиръ,
Ты понять уже, императоръ-вампиръ,
И гибнешь, несчастный, съ Германіей
вмѣстѣ...
Спасенья не будетъ отъ праведной мести,
Колѣблется твой королевскій вѣнецъ,—
Тебѣ уготованъ беззлавыи копецъ:
Охватятъ безумца желѣзныя сѣти,
И прокляты ты будешь во вѣки вѣковъ,—
Святое проклятыя сѣдлыхъ стариковъ
Повторять послушныя дѣти...
В. Опочининъ.

Ген.-лейт. Павелъ Ильичъ БУЛГАНОВЪ,
доблестный командиръ доблестнаго 20-го корпуса.

На крестѣ.

Разсказы.

I.

— Да, глубоко ненавиждь этого чело-
вѣка; ненавиждь какой-то жгучей, звѣ-
ривой ненавистью...
Не очень молодой раненый офицеръ,
домъ, лежало двое.

съ худощавымъ смуглымъ лицомъ, об-
росшимъ сѣдьющей бородой, приподнялся
на койкѣ и, нервно нашаривъ на столѣ
папиросы, закурилъ, жадно затягиваясь,
точно сѣбша.

Собѣдникъ его, совсѣмъ юный пра-
порщикъ, смахивающій немного на астера,
слушалъ, курилъ, добродушный и спокойный
Въ небольшой комнатѣ лазарета, по-
мѣщавшагося въ старинномъ барскомъ

Командиръ полка, флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества,
полк. М. Н. СНАЛОНЪ.

Въ русско-японскую войну за боевые подвиги награжденъ
орденомъ Св. Георгія 4 ст. и Георгиевскимъ оружіемъ. На-
стоящую войну началъ въ чинѣ полковника, а затѣмъ былъ
назначенъ командиромъ полка, команду котораго отличилъ
въ бояхъ на р. Санъ и при занятіи укрѣпленной позиціи
у села Вржостень.

Быль девятый часъ вечера.

И штабсъ-капитанъ Петръ Михайло-
вичъ Кановичъ, и прапорщикъ Григорій
Ивановичъ Лухановъ были одиоки, зна-
комыхъ не было, и они коротали дни
вдвоемъ, изрѣдка выползая въ собесѣдныя
комнаты; тяжело раненымъ было не до
разговоровъ, а изъ сравнительно легкихъ
остались только они.

Сегодня тоска чувствовалась тяжелою
оболемъ.

— Такъ чѣмъ же все это кончилось?—
началь прерванную бесѣду Лухановъ,
укладываясь удобнѣе.

Разсказы Кановича отвлекали его
отъ грустныхъ мыслей о домѣ, матери—
одиокой старухѣ.

— Для того, чтобы знать, чѣмъ кончи-
лось, надо прежде выслушать, чѣмъ нача-
лось...—отвѣтилъ капитанъ и раздраженно
отвѣтилъ.—Вы и не слушаете, навѣрное.

— Что—вы, Петръ Михайловичъ! Да
я безъ вашихъ разсказовъ съ тоски бы
пропалъ... Слушаю съ огромнымъ вни-
маніемъ...

Прапорщикъ даже приподнялся и съѣлъ,
съ трудомъ поворачивая забинтованную
ногу.

Кановичъ успокоился и, закуривъ
новую папиросу, началъ прерванную
разсказъ.

Въ лазаретѣ было тихо; почти всѣ уже
спали. Сестра вошла, поглядѣла и вышла
въ тяжелую палату.

— Я оставилъ на томъ, какую
ненависть питалъ я тогда къ этому чело-
вѣку... Звали его Горьевъ. Онъ былъ кра-
савецъ, студентъ-медикъ.

Впрочемъ началъ съ самаго начала.
Знакомство мое съ Горьевымъ и съ этой
женщиной сошло съ момѣ переводомъ
изъ К—а, гдѣ я раньше служилъ.

Познакомился въ ресторани при гости-
ницѣ, гдѣ я остановился и разомъ,
какъ говорятъ, потерялъ себя; влюбился
безумно, какъ мальчишка. Началось,—какъ
это ни страшно,—съ ревности, глупой, ни
на чемъ не основанной.

Звали ее Еленой Михайловной Колчи-
нской.

Какъ сейчасъ помню наше первое
знакомство. Я сидѣлъ въ ресторани за
завтракомъ.

Весна была ранняя, грязь на улицахъ,
свѣтъ—точно кофе съ молокомъ.

Воробья щебечуть на бульварѣ, шумъ
колесъ, красныя шары у торговцевъ и
солнце, солнце...

Въ воздухѣ и въ крови что-то пьяное,
раздраженное.

Я сидѣлъ, кончалъ завтракъ, за стака-
номъ вина, когда она вошла, высокая,
тонкая, гибкая; волосы изъ-подъ бархат-
ной шляпки,—знаете, какъ шапочка у
Ромео. Смуглая, красивая, глаза бархат-
ныя, зубы сверкали жемчугомъ.

Кругомъ оглядывалась. За ней шелъ
онъ, высокій, стройный, странно схожій
съ ней. Только сѣдлости не было въ немъ,
наоборотъ, что-то грустное, почти вислое.

Онъ спросилъ кофе и сѣлъ у окна.

Они сидѣли рядомъ, разговаривая не-
громко; особенно онъ все наклонился къ
ней совсѣмъ близко, казался ея малень-
каго разгорѣшагося ушка своими тем-
ными вьющимися волосами.

И это сейчасъ же сдѣлалось мнѣ не-
пріятно, почти мучительно.

Должно быть дѣйствительно судьба
играетъ главную роль въ жизни человека.
Судьбѣ угодно было свести меня съ этими
людьми.

Началось съ пустяковъ. Она уронила
журналъ, я поднялъ и подаль ей. Случи-

лось так, что после этого уже она обратилась ко мне с каким-то пустым вопросом. Я ответил, и скоро они ушли.

На другой день я снова встретил обоих в ресторане у того же столика. Студент поклонился первый, я тоже. Она мило кивнула головой, и знакомство завязалось. Я узнал, что ее зовут Еленой Михайловной Колчинской, его — Николаем Николаевичем Горьевым.

Через неделю я пришел в номер Елены Михайловны и стал ходить часто.

Долгое время я никак не мог понять, в каких отношениях между собой были они. Горьев бывал у Колчинской каждый день, иногда не оставаясь поздне 12 часов. Что он также был влюблен в эту женщину, было несомненно.

Колчинская была вдова какого-то банковского чиновника, оставившего ей порядочный средства.

Она и жила на них, ничего не делая, занимая дорогой номер, одеваясь оригинально и не дешево, бывая везде.

Горьев также имел что-то определенное от богатых родителей.

Он кончал курсы на медицинском факультете. Занимался, — по его собственным словам, с ленью. Да и любовь, очевидно, мешала.

И ни одним словом не обмолвился Еленой Михайловной о своем чувстве, но она скоро поняла его.

Пошло сравнение игры кошки с мышкой, но здесь оно невольно просится на язык.

Вызывая в памяти эту женщину, — я не могу не сравнить ее с рыбой кошечкой, играющей со мной, замученной жалкой мышью.

Я не долго оставался в сомнении относительно отношений Колчинской к Горьеву: случай открыл мне глаза.

Подойдя как-то к номеру Елены Михайловны, я нашел дверь открытой, толкнув ее, я вошел и, пораженный неожиданностью, остановился на пороге.

Они сидели на диване, обнявшись. Помню выражение ее лица, — особенное, тугое; полузакрытые глаза, развинутая прядь волос на разгоряченной щеке...

Меня они не видали. Вернувшись к себе, я устал на постель и — вриете ли? — зарыдал злыми, жадными рыданиями. Никогда еще я не ненавидел так ее, но больше его, этого красавца с его мечтательным взглядом и белыми женскими руками, так близко охватывающими ее стая...

Безумно ненавидел. Так я пролежал долго, придумывая способ отомстить ему и ей.

Я великолепно стрелял и решил, найдя предлог, вызвать и убить Горьева. Мне было известно от него самого, как плохо владеть он оружием, но даже подлость убить человека при таких обстоятельствах не останавливала меня.

Вот в каком тумане я находился. Особенно казалось приятным будет увидеть после его смерти ее заплаканное лицо, отчаяние о потерю любовника.

II.

Совсем стемнело, когда постучались в мою дверь. Это были они, — пришли звать в театр, куда у Колчинской была ложа.

Я встал, зажег электричество и впустил обоих.

Я отговаривался ехать, но она настаивала, и пришлось согласиться.

Необыкновенно хороша была она в этот вечер. Что-то черное и блое, легкое как воздух, просвечивающее на груди и плечах.

Алая роза у корсажа... Мы поехали.

Мужчины особенно смотрели на Елену Михайловну, и я мучительно подмечал эти взгляды; подмечал его гордость при

в ЛАЗАРЕТЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» И «ВЕЧЕРНЕГО ВРЕМЕНИ»

Посреди группы — врач лазарета, А. П. ФИНИНОВЪ. Справа, на переднем плане консультантъ лазарета, хирургъ д-ръ Ив. Ив. ГРЕКОЗЪ.

них... Да, этот имел право гордиться обычной силой. Быть может, причиной тому было отчасти вынужденное временное бездействие; я — рвался воевать.

Я вернулся домой пьяный от злости, но бездействие; я — рвался воевать. Встретились мы, как старые знакомые. В особенности Горьев, как казался, искренне мне обрадовался.

Но сделать этого не пришлось. Он неожиданно уехал к родным, а затѣм скоро началась война, и уже некогда было думать о женщине.

Я уехал в действующую армию, и если не забыл Елену Михайловну, то временно успокоился, отвлекся.

Судьба угодно было столкнуть нас опять. В армии я встретил ее в косынке сестры милосердия и его, ненавистного мне человека.

Случилось это месяца три спустя в нег от меня. Какой-то разоренной польской деревни или мѣстечкѣ, гдѣ тогда находился их лазаретъ и наш полкъ, остановившийся в резервѣ.

И встретил их обоих неожиданно, узнав, что Горьев находится при раненыхъ въ качествѣ санитаря.

Оба они казались, особенно она, непривычно сдержанными. Другими, чѣмъ то у этого самого доктора, вмѣстѣ съ ней тамъ въ Москвѣ, работали, не покладая и Горьевымъ, и глядя на ея нѣжное красивое лицо, окруженное блдой косынкой, я почувствовалъ невыносимую тоскливую муку, сжавшую сердце злобой.

ПОСЛЕ ОБѢДА ВЪ ЛАЗАРЕТѢ.

Уголокъ офицерскаго лазарета имени Государыни Императрицы Маріи Вѣдоровны (Литейный, 56). Раненые офицеры, протоіер. К. И. Знаменскій, надзирательница, г-жа Е. Есаулова и сестра милосердія.

Не помню теперь, по какому поводу, только я придрался к Горьеву и сказал что-то оскорбительное.

Он не сразу понял, что со мной, но весь поблѣднѣлъ, какъ полотно.

Елена Михайловна и докторъ, занятые разговоромъ, не слышали и скоро ушли къ раненымъ.

Мы остались одни.

— Я вызываю васъ потому, что ненавижу, — сказалъ я, съ трудомъ сдерживая лихорадочную, бившую меня дрожь.

Я одного боялся, что Горьевъ изъ трусости обратитъ все въ шутку, но ошибся.

— Здѣсь не мѣсто и не время вообще для объяснений, но я, конечно, принимаю вызовъ... Потрудитесь назначить мѣсто и устроить все остальное, — тихо сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты, вѣжливо поклонившись мнѣ.

Я успокоился. Теперь оставалось найти секунданта.

Я вспомнилъ о своемъ сожителѣ и приятелѣ, поручикѣ Мальковѣ, и, вернувшись въ нашъ сарай, гдѣ мы помѣщались, — обратился къ нему.

Мальковъ согласился, хотя неохотно.

— Нашелъ время. Не сегодня — завтра въ дѣло идешь, а онъ — дуэль. Впрочем, покалуй.

Мы условились о мѣстѣ и времени, и поручилъ уехать къ Горьеву.

— Все устроено... А жаль, коль подстрѣлишь. — славный, кажется, малый, — сказалъ онъ, вернувшись.

И молчалъ.

Ни сожалѣнія, ни раскаянія я не испытывалъ.

Одно было въ душѣ — уничтожить этого человека. Помните, у Лермонтова Грушницкій говоритъ Печорину: «Намъ на землѣ двойнѣ нѣтъ мѣста».

III.

Поединокъ былъ назначенъ черезъ два дня, и все это время я не видался съ нимъ. Сидѣлъ дома и читалъ какую-то истрепанную книжонку — «Тайны Краснаго замка», чуднѣ необыкновенную.

Наканунѣ дуэли, вечеромъ, — она была назначена на утро въ 7 час. около стараго костела, полуразрушеннаго снарядами врага, — я вышелъ изъ сарая и пошелъ по дорогѣ къ мѣсту поединка.

Была свѣтлая, свѣжая ночь; узкій серпъ мѣсяца свѣтилъ кротко и грустно.

Грустью, заброшенностью дышала окрестность.

Выбитыя снарядами окна смотрѣли злобыщими впадинами.

Почти всѣ дома были пусты, только кое-гдѣ въ уцѣлѣвшихъ лачужкахъ тускло свѣтился огонекъ.

Проходи мимо одной, я заглянулъ: убогая конурка, бѣдная колыбель, надъ ней женщина понурилась въ безнадежной тоскѣ.

Сердце сказало у меня. Я пошелъ дальше; подошелъ къ старому костелу и обошелъ его кругомъ, оглядывая. Стѣны были мѣстами совершенно разрушены, въ окна видѣлся алтарь, поломанный и разбитый.

Фронтонъ остался почти нетронутымъ. Я уже хотѣлъ уходить, какъ спрятавшійся мѣсяцъ выглянулъ изъ-за облаковъ и освѣтилъ... Я не сейчасъ понялъ, что было передо мной, но, меня охватилъ холодъ ужаса... Нѣтъ, не ужаса, — это слово не подходитъ, и я даже не могу ниолнѣ определить чувство, мгновенно овладѣвшее мной.

На сохранившемся какомъ-то случаѣ фронтонѣ воротъ висѣло Распятіе. Прямо передо мною былъ Христосъ, съ Его прекраснымъ страдальческимъ взглядомъ властвующихъ глазъ, худымъ, изможденнымъ тѣломъ, терновымъ вѣнцомъ.

Но самое ужасное, подавляющее, были руки. Обыкновенно прикованнымъ, какъ всегда у Распятія, — эти руки, словно вырванные вбитые въ нихъ гвозди, висѣли по обѣимъ сторонамъ тѣла.

Казалось, онъ безсилно, безпомощно опу- стились въ борьбѣ съ человѣческой зло- бой, кровью залившей мѣръ; упали на подобіе сломленныхъ крыльевъ.

И это поразительное, невиданное мною върѣдце мгновенно потрясло меня всего болѣе, стыдомъ, распяиѣемъ...

Тихо отойди, я вернулась къ себѣ и легъ.

Я думалъ о видѣнномъ мною. Объяснить странное положеніе рукъ на Распятіи, конечно, было можно тѣмъ, что снарядъ, не тронувъ фронтона, ударилъ прямо въ крестъ и повредилъ руки Спасителя, на- бивъ ихъ изъ свѣта, но дѣло было не въ томъ: послѣ видѣннаго мною, я уже не могъ относиться съ прежней злобой къ моему врагу.

Почему,—не знаю, но это было такъ.

Я не дрался съ Горьевымъ и повторяю: не смогъ драться. Написавъ на утро пись- мо, въ которомъ извинялся,—я послалъ его Горьеву. Я не встрѣчался болѣе ни съ нимъ, ни съ Еленой Михайловной.

Черезъ недѣлю мы ушли въ дѣло, послѣ котораго я случайно узналъ, что Горьевъ былъ убитъ пулей, залетѣвшей въ ла- заретъ.

Что случилось съ ней, не знаю: вѣроят- но, осталась въ отрядѣ.

Теперь, когда прошло время,—я вспо- минаю съ особеннымъ чувствомъ тотъ ве- черъ,—Распятіе Христа съ уявшими, какъ бы въ непосильной борьбѣ, руками, по- мѣшавшее мнѣ сдѣлаться убійцей чело- вѣка.

В. Гриневъ.

Генералъ-квартирмейстеръ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, ген.-отъ-лифтант. Георгій Никифоровичъ ДАНИЛОВЪ.

Съ фот. Доренсъ, съ Петрограда.

Метель.

Сердцу нельзя успокоиться своимъ, Стекла отъ бурь потускнѣли, Грозно и жутко звучать за окномъ Пѣсни сердитой метели. Изъ порождаетъ оружія гнѣвъ, Эхо боевъ отзвучавшихъ, Чтобъ изъ сердецъ всѣхъ людей, накипѣвъ, Мчалось проклятіе начавшимъ. Сердцу нельзя успокоиться сномъ, Мѣснцъ проплынулъ сквозь щели; Въ сумракѣ стали стихать за окномъ Пѣсни сердитой метели; Помнилъ всѣ чтобъ о тѣхъ, кто несетъ Жизнь для отчизны, предъ боемъ Тихо и жалобно вьюга поетъ Вѣчную память героямъ.

Н. Давидовъ.

Злополучный бракъ съ Габсбургомъ.

Однимъ изъ наиболее старыхъ и испы- танныхъ средствъ политической изворотли- вости Габсбургской монархіи, часто помо- гавшей ей небезуспѣшно заглаживать многочисленные грѣхи ея достаточно без- славною военною исторіею, было умѣніе вти- раться въ родно могущественному другу или опасному врагу и извлекать пользу изъ семейныхъ отношеній между пар- ствующими домами, особенно когда пред- усматривалась возможность заманчиваго наследства. Отсюда-то и повелась дыша- щая систѣмъ самодовольствомъ «коммерче- ская» формула австрійской международно- государственной мудрости: «Bella gerant alii, tu, felix Austria, nube!».

Габсбургская семья съ особымъ рвеніемъ и неуклонностью всегда превыше всего ставила узко династическіе интересы, но своимъ традиціямъ тщательно соблюдая культъ ревностнаго служенія такъ называемой въ австрійской исторіо- графій «фамиліальной системѣ», предъ ну- ждами которой всѣ прочія соображенія ча- * Пусть другіе воюютъ, а ты, счастли- вая Австрія, заключай браки!

сто отходили на второй планъ. Иногда котораго—пресловутую габсбургскую ин- Габсбургамъ въ своихъ выгодныхъ «матри- моніальныхъ» воедѣлннхъ приходилось прослѣдите на портретѣ любого изъ потом- даже умышленно закрывать глаза на ковъ графа Рудольфа Габсбурга. Разуше- «мезальянсъ», спускаться съ недосигае- мыхъ родословныхъ высотъ и учитывать область заманчивыхъ воспоминаній, и ее не вернута даже въ ультра-католической Австріи, на весь аппетитъ намъчиваго про- селитизма и нетерпимой подозрительности во всѣмъ схизматикамъ неизбѣжно сохра- нился даже и въ нынѣшней конституціон- ной, парламентской монархіи, съ ея каз- нями православныхъ священниковъ.

Но на Россіи австрійское сватовство, какъ говорится, обожалось. Длинная и сложная цѣль русско-австрійскихъ отно- шеній, чаще всего державшихся въ грани- цахъ худого мира, иногда, въ моменты наи- большей близорукости нашей дипломатіи, запутывалась въ узелъ соглашеній и даже взаимныхъ союзовъ, но и тутъ дѣло не обходилось безъ необходимаго съ нашей стороны холоднаго отчужденія, совершенно исключачаго возможность родственныхъ узъ. Въ нашемъ исконномъ представленіи о «Тайнахъ австрійскаго двора» неизбѣжно выливалась злобнчая иезуитская сутана, своимъ страшнымъ покровомъ обволаки- вающая лабиринты вѣскаго Гоцбурга, этого тардиціоннаго пристанища вѣрныхъ слугъ и искреннихъ почитателей отца Игнатія Лойолы. И дѣйствительно, Габс- бургскій домъ всегда являлся ублажен- нѣйшимъ хранителемъ идей чистого иезуит- скаго католицизма со всѣми его отличи- тельными качествами—особою тяжело- вѣсностью, негибкостью и жестокимъ фа- натизмомъ, лишеннымъ своей искупающей стороны—страстности и восторженности.

Тиничнѣйшимъ представителемъ габс- бургскаго клерикализма, облеченнаго въ уродливыя деспотическія формы, безспор- но можно считать печальной памяти коро- ля Филиппа II Испанскаго, характерную фамиліальную антропометрическую примѣту

какого-то—пресловутую габсбургскую ин- Габсбургамъ въ своихъ выгодныхъ «матри- моніальныхъ» воедѣлннхъ приходилось прослѣдите на портретѣ любого изъ потом- даже умышленно закрывать глаза на ковъ графа Рудольфа Габсбурга. Разуше- «мезальянсъ», спускаться съ недосигае- мыхъ родословныхъ высотъ и учитывать область заманчивыхъ воспоминаній, и ее не вернута даже въ ультра-католической Австріи, на весь аппетитъ намъчиваго про- селитизма и нетерпимой подозрительности во всѣмъ схизматикамъ неизбѣжно сохра- нился даже и въ нынѣшней конституціон- ной, парламентской монархіи, съ ея каз- нями православныхъ священниковъ.

На всемъ протяженіи исторіи двухъ пра- вяннхъ европейскихъ домовъ—Габсбург- ского и нашего—любителямъ и знатокамъ генеалогическихъ сдѣланий, привыкшимъ разбираться въ тонкостяхъ родственныхъ связей, дѣлать совершенно нечего. Они находятъ только одну интересную для нихъ брачную дату—1799 г., и два имени: ве- ликая княжна Александра Павловна, дочь императора Павла I—съ одной стороны, и эрцгерцогъ Юсефъ, палатинъ венгер- ской—съ другой.

Не длинна, но достаточно грустна исто- рія прекрасной, богато одаренной и искрен- но-наивной семнадцатилѣтней женщины, оборвавшей свою жизнь послѣ непрестан- ныхъ огорченій, доставленныхъ ей злопо- лучнымъ австрійскимъ бракомъ, вся дли- тельность котораго не превысила пятнадцати мѣсяцевъ.

Русское общество Павловской эпохи, только что пережившее всю горечь оскор- бительнаго обращенія съ Суворовымъ со стороны спасенныхъ изъ Австрійцевъ, съ особою болезненною чуткостью отзывалось на безвременную кончину любимой внучки Екатерины Великой. «Эродій надъ гробомъ праведницы», устами Державина, разра- зился гнѣвными намеками по адресу Австріи, предвѣщая, что

Какъ урны глиняны, скудельны, На круговратной зидкѣ дѣкъ, И зданы, буйно вознесенны На рыхлосыпчатомъ пескѣ,—

Такъ точно всѣ черезъ коварство Распространившаго царства И кознями славныя страны Въ короткое время разрушатся, Страстями своими сокрушатся — И слѣды ихъ будутъ мѣстомъ тьмы.

Шестнадцати лѣтъ отъ роду великая княжна Александра Павловна, постоянно выказывавшая, по отзыву ея царственной бабки, «необыкновенную кротость харак- тера», уѣхала съ родины въ чужую стра- ну, мечтая встрѣтить тамъ счастье, вмѣ- сто чего ее ожидаетъ перманентный слѣпъ маленькаго венгерскаго горожанина. Съ юною не- вѣстою отправился въ Венгрію ея духов- ный отецъ, достойнѣйшій русскій чело- вѣкъ, священникъ строгой религіозности и большого ума, протоіерей Андрей Аза- насевичъ Самборскій, оставившій намъ длинную скорбную повѣсть о всемъ имъ видѣнномъ и его духовною дочерью испы- танномъ. Тотъ тогдашнему австрійскому двору, «одолжаному гавсбургъ суевѣрїемъ», задавала «порфиросная высочайшая пер- сона, не одаренная природою кра- сотою, а потому сдѣлаемая ревностью и завистью»—императрица Тереза, вто- рая супруга императора Фауца, сразу же возненавидѣвшая свою новую род- ственницу уже потому, что она имѣла желаніе вызвать къ себѣ явнмаго императора, нашедшаго въ ней много об- щаго съ его покойною первою женою, род- ною сестрою императрицы Маріи Теодоров- ны. Ревнивая неаполитанка, женщина властная и до крайности жестокая, задала- цѣлю отравить все существованіе юной супруги венгерскаго палатина (император- ского намѣстника) и въ этомъ отношеніи вполне достигла своей цѣли. Такъ, напри- мѣръ, трудами палатина и протоіерея Сам- борскаго была устроена маленькая право- славная церковь для удовлетворенія духов- ныхъ нуждъ немногихъ Русскихъ, нахо- дившихся въ свитѣ Александры Павловны. Туда стали собираться нѣкоторые право- славные обитатели изъ уцѣлосовъ. По настоянію императрицы, оназдки полиціи ворвалась среди богослуженія въ храмъ и разогнала молящихся палками. Это без- честіе, оказанное русской церкви, до такой степени оскорбило Александру Павловну, что она, обливаясь горькими слезами, хотѣла было немедленно отправить курьера къ императору Павлу и отказалась отъ этого намѣренія только по настоянію про- тоіерея Самборскаго. За Александрою Па- вловною слѣдили со всѣхъ сторонъ, исто- ковыпали каждое ея слово, даже заподо- зрили въ неуваженіи къ католической ре- лигіи,—обвиненіе, ни на чемъ не основан- ное и совершенно ложное. Палатинъ искренно любилъ свою супругу, но, суще- ственно слабозольное и совершенно подавлен- ное суровою семейною дисциплиною, онъ не рѣшался возвысить голоса противъ ежеминутной травли палатини со сторо- ны воспитанной иезуитскимъ патеромъ им- ператрицы.

Александра Павловна почувствовала се- бя матерью. Врачъ, представленный къ ней противъ ея желанія, оказался весьма мало свѣдущимъ въ своемъ дѣлѣ, но зато боль- шимъ интриганомъ и рабомъ императрицы Терезы, старательно слѣдовавшимъ всѣмъ ея внушеніямъ... Роды Александры Пав- ловны оказались неблагополучными, про- текли они въ обстановкѣ, далекой отъ идеальности, и ребенокъ родился мертвымъ. Самборскій совершенно опре- дѣленно утверждаетъ, что император- ская семья съ большимъ трепетомъ ожи- дала появленія на свѣтъ ребенка палати- ны, успѣвшей за короткое время сплести себѣ любовь венгерскаго народа. Въ ав- стрійскихъ высшихъ сферахъ того времени утвердилось глубокое убѣжденіе, что если венгерская палатина разрѣшится сыномъ, то Венгрія непременно отложится отъ Ав- стріи. Но... родилась мертвая дочь, а сама юная мать, начавшая уже было попра- вляться, на девятый день послѣ родовъ предала свою душу Творцу...

Пос- ти.

БОСФОРЪ,—КЛЮЧЪ ОТЪ ВОРОТЪ ЦАРЬГРАДА КЪ ЧЕРКОМУ МОРЮ.

Европейскій берегъ Босфора. Здѣсь множество дворцовъ, старинныхъ построекъ временъ византійскихъ и генуэзцевъ, чередующихся съ домами новаго типа. Азіатскій берегъ менѣе населенъ. На немъ— два форта съ тяжелыми орудіями.

Злостность «австрійской системы», какъ выразился о. Самборскій, не оставила въ покоѣ даже праха нравственно умученной палатины. Для погребенія ея тѣла назначенъ былъ подвалъ подъ капуцинскую церковь; «это былъ малый погребъ, имѣющій входъ съ площади, на которой бабы продавали лукъ, чеснокъ и всякую императора, который, конечно, не могъ какъ выразился о. Самборскій, не оставила въ покоѣ даже праха нравственно умученной палатины. Для погребенія ея тѣла назначенъ былъ подвалъ подъ капуцинскую церковь; «это былъ малый погребъ, имѣющій входъ съ площади, на которой

бабы продавали лукъ, чеснокъ и всякую императора, который, конечно, не могъ какъ выразился о. Самборскій, не оставила въ покоѣ даже праха нравственно умученной палатины. Для погребенія ея тѣла назначенъ былъ подвалъ подъ капуцинскую церковь; «это былъ малый погребъ, имѣющій входъ съ площади, на которой

Въ одномъ изъ уголковъ Павловскаго парка по наши дни сохранился скромный, но идейный памятникъ палатинѣ, работы извѣстнаго въ свое время скульптора Мартоса. Ему посвящено нѣсколько строкъ одного изъ старенькихъ изданій стихотворе-

НА ВОЙНѢ.

Одинъ изъ трехъ рядовъ проволочныхъ загражденій передъ редутомъ у оз. Б.

ГДѢ СРАНАЮТСЯ НАШИ КАВКАЗСКІЯ ВОЙСКА.

Видъ пограничной мѣстности въ юго-западной части Чорохскаго края; турецкая граница проходитъ по снѣжному хребту.

Начальникъ пѣх. дивизіи, ген.-лейт. Пав. Ант. ПАРЧЕВСКІЙ, награжденный орденомъ Св. Георгія 4 ст.

Полк. Ал-дръ Влад. БУРМАНЪ, награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ за то, что 20 августа 1914 г., находясь подъ сильнымъ пушечнымъ и шрапнельнымъ огнемъ противника, быстро занялъ однимъ б. тальнѣмъ лѣсъ, чѣмъ остановилъ охватывавшее движение противника, обезпечилъ успѣхъ боя и занятіе высоты 109,1^н.

Полк. В. В. МАРУШЕВСКІЙ. Въ русско-японскую войну награжденъ золотымъ оружіемъ, теперь полчилъ орденъ Св. Георгія 4 ст.

премьинномъ склепѣ. Такъ какъ изъ австрійскихъ круговъ широко распускались слухи, что палатина передъ смертью перепла будто бы въ лоно католической церкви, то въ опроверженіе подобныхъ розказней, сильно волновавшихъ православное населеніе Австріи, по заказу протоіерея Самборскаго изготовлена была извѣстная гравюра, изображающая отпѣваніе тѣла Александры Павловны, совершенное по чину православной церкви. Гравюра эта, отпечатавшаяся въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, была распространена Самборскимъ по Австріи и Венгрии, какъ доказательство злостности вымысла иезуитскихъ прислѣдниковъ. «Такъ,—заканчиваетъ свою записку этотъ достойный пастырь и патриотъ,—я съ Божіей помощью потщился исполнить долгъ предъ любезнѣйшимъ отечествомъ. Такъ благочестивое изображеніе великой княгини Александры, мною дарованное, посрамилъ вездѣшнее и лживое папское суевѣріе».

КОНФЕРЕНЦИЯ ТРЕХЪ МИНИСТРОВЪ.

Совещаніе министровъ въ кабинетѣ французскаго министра финансовъ Рибо.—Слѣдъ—министръ финансовъ П. Л. БАРИКЪ, въ центрѣ—г. РИГО, с. рава—английскій министръ финансовъ Ллойдъ ДИОРНЪ.

ній В. А. Жуковскаго (1816 г.), подмѣтившаго, что «художникъ успѣлъ въ одно время изобразить и прелестный характеръ, и безвременный конецъ ея: вы видите молодую женщину, существо болѣе небесное, нежели земное. Она готова покинуть міръ, Она еще не улетѣла, но душа Ея смиренно покорилось призывающему Ея гласу, и взоры Ея и рука Ея, поднятые къ небесамъ, какъ будто говорятъ: Да будетъ воля Твоя! Живи, въ видѣ юнаго Гения, простирается у ногъ Ея, и хочетъ удержать летящую, но Она ее не замѣчаетъ, Она повинуется одному небу—и уже надъ головою Ея сіяетъ звезда новой жизни».

В. Анд.—ъ.

ВДАЛИ ОТЪ ШУМА БИТВЪ.

Письмо изъ дѣйствующей арміи.
Рисовъ Ж. Симонъ (J. Simon).

«Призовая» война 1914--1915 года.

Свыше полу столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ европейскіе флоты не принимали горячаго участія въ войнахъ, и можно было подумать, что «призовая» война окончательно исчезла изъ обычаевъ человечества.

Какъ извѣстно, «призовая» война заключается въ томъ, чтобы конфисковать у непріятеля возможно большее количество единицъ его торговаго флота.

Послѣ Крымской кампаніи въ 1856 году парижская декларация высказалась за уничтоженіе призовой войны. Но уничтоженіе это явилось только фиктивнымъ, ибо декретъ, подписанный всеми представителями европейскихъ державъ, отнюдь не провозгласилъ неприкосновенности непріятельскаго имущества на пароходахъ и судахъ, крейсирующихъ по океанамъ, а наложилъ только запретъ на проявленіе личной инициативы въ добываніи «призовъ».

До 1856 года призы представлялись частной предприимчивости: богатые пароходныя общества снаряжали за свой счетъ военныя суда и отиравали ихъ на «охоту» за непріятельскими пароходами; захваченная добыча становилась, за отчисленіемъ законнаго процента въ пользу госу-

дарства, собственностью частнаго предпринимателя.

Декретъ 1856 года монополизировалъ эту привилегію въ пользу государства, но не уничтожилъ этого обычая.

Даже правила при веденіи призовой войны остались тѣми, что были и вѣкогда.

Крейсера воюющихъ державъ имѣютъ право останавливать пароходы и суда всѣхъ національностей для допроса и осмотра ихъ. Выстрѣломъ холостого заряда изъ орудія предупреждаютъ торговое судно, которое обязано остановиться и подождать шлюпку съ досмотрщиками.

При неисполненіи этого требованія крейсеръ имѣетъ право преслѣдовать судно и обстрѣлывать его.

Послѣ осмотра судовыхъ документовъ и груза, если всѣ документы въ порядкѣ и нѣтъ контрабанды, судно имѣетъ право продолжать безпрепятственно свой путь.

Въ случаѣ конфискаціи контрабанды составляется законнымъ порядкомъ протоколъ, а иной разъ весь пароходъ конфискуется и сдается властямъ ближайшаго порта.

Бываютъ случаи, когда является невозможнымъ сохранить судно въ цѣлости, за неимѣніемъ ли своего порта въ данныхъ водахъ или по недостатку собственнаго экипажа: въ такомъ случаѣ разрѣшается обычаемъ потопить захваченное судно, высадить на шлюпки или нейтральное судно или же въ себя на бортъ весь экипажъ потопляемаго парохода.

Захваченные «призы» продаются въ ближайшемъ порту, при участіи властей, съ публичныхъ торговъ.

Полученная сумма распределяется слѣдующимъ образомъ: двѣ трети идутъ для экипажа крейсера, захватившаго добычу, а одна треть—въ кассу инвалиднаго капитала моряковъ.

Такимъ образомъ государство не получаетъ фактически ничего, уступая всю вырученную сумму участникамъ удачной охоты.

Призовая война ведется особымъ способомъ. Здѣсь допускаются многія хитрости и уловки, облегчающія участникамъ дости-

Командир артил. бригады г.-м. И. К. ТЕЛЕШОВЪ за блестящія дѣянія подъ Перемышлемъ представленъ къ ордену Св. Георгія 4 степ.
Рис. П. Шипоев.

женіе своей цѣли, при условіи, чтобы всѣ они не нарушали общихъ правилъ гуманности.

Такъ, перекраска парохода, замаскирование орудій, даже подходъ подъ чужимъ флагомъ, при одномъ условіи, чтобы въ моментъ начала боя были вышнута свой флагъ,—все это вполне допустимо и въ широкихъ размѣрахъ практикуется весьма воюющими сторонами.

Въ области радиотелеграмъ международное право воспрещаетъ только пользоваться сигналами бѣдствія «S. O. S.», какъ хитростью призовой войны.

Въ этой своеобразной войнѣ установилась обычная своя стратегія и своя тактика, и побѣда достается болѣе хитрому, болѣе ловкому, а также и болѣе осторожному изъ противниковъ.

Напримѣръ, рассказываютъ, какъ искусно удалось двумъ французскимъ пароходамъ «Amazone» и «Paul Lecat» ускользнуть отъ разставившаго имъ сѣти «Эмдена».

«Amazone» сообщили по телеграфу, что недалеко замеченъ былъ ночью пассажирскій пароходъ, съ ярко освѣщенными иллюминаторами, и рекомендовалось захватить его.

Но капитанъ крейсера отнесся очень недоверчиво къ этой радиотелеграмѣ о легкомысленномъ и безпечномъ пароходѣ и,

Подполк. А. С. КАХАНОВЪ, награжденный Георгіевскимъ оружіемъ.

наоборотъ, поторонился измѣнить курсъ въ сторону отъ этого сомнительнаго судна, за которымъ, какъ потомъ выяснилось, слѣдовало недалеко «Эмденъ».

Капитанъ «Paul Lecat» получилъ радиотелеграму, исходившую будто отъ англійскаго парохода и любезно соизволившаго ему измѣнить курсъ, ибо онъ рискуетъ встрѣтить въ этомъ направленіи «Эмденъ». Кое-какія мелочи въ редакція депеши заставили его отнестись критически къ ней, и онъ не измѣнилъ курса и не встрѣтилъ нигдѣ на своемъ пути «Эмдена».

Германская призовая война была не очень удачной въ эту кампанію, большинство ея крейсеровъ-корсаровъ были захвачены послѣ очень непродолжительной карьеры.

Приведемъ исторію нѣкоторыхъ германскихъ корсаровъ.

Въ моментъ объявленія войны роскошный пароходъ «Кайзеръ Вильгельмъ Великій», дѣлавшій обихую рейсы между Гамбургомъ и Сѣверной Америкой, находился въ гавани Нью-Йорка, готовясь отплыть въ Германию.

Объявленіе войны заставило его отказаться вслѣдъ принятымъ пассажирамъ, но тѣмъ не менѣе въ ту же ночь пароходъ исчезъ изъ гавани и появился 11 дней спустя у Канарскихъ острововъ. Но... уже въ видѣ боевого крейсера. Выкрашенный въ черную краску, онъ злобно сверкалъ шестью большими пушками и 20 маленькими съ палубы, гдѣ такъ недавно еще лѣзно кейфовали богатые туристы въ комфортабельныхъ rocking-chair'ax! Гдѣ ему удалось совершить свой боевой туалетъ, остается тайной, ибо, какъ извѣстно, Германія не владѣетъ въ тѣхъ водахъ ни однимъ портомъ, надъ которымъ развѣвался бы ея флагъ.

Только будущее дастъ намъ возможность разъяснить это любопытное обстоятельство.

2 (15) августа англійскій пароходъ «Галицианъ», возвращавшійся изъ Натала съ 700 пассажирами, былъ неожиданно остановленъ этимъ крейсеромъ, приказавшимъ ему убрать свой приборъ беспроволочнаго телеграфа. Приказъ запоздалъ, впрочемъ, ибо телеграфистъ «Галициана» успѣлъ уже при первой тревогѣ пустить въ воздушное пространство тревожное предупрежденіе о томъ, что германскій корсаръ оперируетъ въ водахъ Антанги-

ки. Германскіе офицеры вошли на бортъ парохода, арестовали двухъ англійскихъ зашасныхъ офицеровъ, возвращавшихся въ армию и уничтожили приборъ беспроволочнаго телеграфа.

Затѣмъ «Галициану» приказано было слѣдовать за крейсеромъ, причемъ велѣно было потушить всѣ огни и держать готовь спасательныя шлюпки съ съестными припасами. Можно себѣ представить, какую тревожную ночь провели всѣ пассажиры парохода, имѣя въ виду перспективу быть высаженными въ шлюпки въ открытомъ морѣ!

Но, повидимому, капитанъ корсара удовлетворился этой 12-часовой моральной пыткой, ибо на разсвѣтъ пришла резолюція: «Я шаку пароходъ ради дѣтей и женщинъ, каходящихся на его борту. Вы свободны. Прощайте».

Въ тотъ же день «Кайзеръ Вильгельмъ» пустилъ ко дну 2 англійскихъ грузовыхъ парохода «Кайпара» и «Нанца» и вновь остановилъ, на подобіе «Галициана», пассажирскій пароходъ «Арманга», шедшій съ мыса Доброй Надежды въ Ливерпуль съ 1,000 пассажирами и 352 матросами.

«Арманга» тоже успѣла телеграфировать о своемъ задержаніи. Эти тревожныя телеграммы были приняты англійскимъ крейсеромъ «Highflier», который немедленно пустился въ погоню за «Кайзеромъ Вильгельмомъ».

Въ водахъ Ріо Оро (Золотого берега) искуснымъ маневромъ англійскій крейсеръ заставилъ противника повернуться къ нему флангомъ и потопилъ его послѣ сорокаминутнаго боя.

Только половиной экипажа удалось спастись. Такъ неудачно закончилась кратковременная карьера перваго германскаго крейсера-корсара.

Участъ втораго корсара Атлантики «Канъ Трафальгаръ» была еще печальнѣе, ибо ему не удалось даже начать своей карьеры: англійскій крейсеръ «Караманія», приведенный изъ пассажирскаго парохода въ боевую готовность, настигъ его во время погрузки угля, заставилъ принять бой и потопилъ послѣ 25-минутнаго боя. Кстати, этотъ «Караманія» уже имѣлъ свою исторію во время ужасной катастрофы «Титаника»: онъ былъ однимъ изъ первыхъ пароходовъ, подошедшимъ на выручку его несчастнымъ жертвамъ.

Самымъ удачнымъ изъ германскихъ крейсеровъ былъ «Эмденъ», получившій названіе «чумы Индійскаго океана». Съ 14 сентября по 9 ноября (нов. ст.) онъ вывелъ изъ строя 19 пароходовъ союзниковъ, въ томъ числѣ нашъ «Жемчугъ» и французскую миноноску «Mousquet», по

Полк. Серг. Конст. ВОЙНА-ПАЧЕГНО, награжденный орденомъ Св. Георгія 4 ст.

9 ноября, во время экспедиціи на Кокосовые острова, близъ Явы, гдѣ онъ задумалъ цѣлью уничтожить англійскую станцію радиотелеграфа, онъ былъ настигнутъ австрайлійскимъ крейсеромъ «Сидней» и потопленъ, причемъ только третья часть экипажа спаслась.

Карьера этихъ трехъ германскихъ крейсеровъ вызываетъ интересный вопросъ: гдѣ они могли вооружиться и пополучать все необходимое для плаванія?

Пока этотъ вопросъ остается безъ отвѣта, но, несомнѣнно, послѣ войны онъ пролетѣтъ новый свѣтъ на исторію германскаго усовершенствованнаго шпионажа.

Ген.-лейт. Г. О. РАУХЪ. За боевыя отличія награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

РАБОТЫ ВЪ ЯПОНСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ КРАСНАГО КРЕСТА.

Председательница японскаго патриотическаго общества, принцеса КАНЪ-ИНЪ (X), и японскія женщины за работой.

Новости иностранной литературы.

У союзников.

Литературные заметки.

Эрнест Ренан: «Fragments intimes et romanesques».

Вышел новый том посмертных произведений Эрнеста Ренана. И в противоположность тому, что обыкновенно случается с посмертными изданиями, куда включается всякий хлам и юношеские пробы пера, отброшенные самим автором, все, что собрано в этом томе, представляет необыкновенно большой интерес. Обязательная личность Ренана, красота его души, с ее мучительными метаниями из стороны в сторону в боевую эпоху его жизни, ярко и выпукло выступают из этих страниц, заставляя читателей присутствовать при глубокой и сильной душевной драме, вместе с автором переживать все ее пережитки.

Этот юный семинарист, почти отрок, с пылкой и любящей душой, который с таким лирическим восторгом бросается в лучины богословских наук, который ищет с наивной искренностью задушевного брестца, воспитанного набожной, обожавшей мать, начинает томиться сомнениями. Как капли, доводящая камень, они подтачивают его веру и мало по малу нарушают его душевное равновесие. Блудными устами он все еще продолжает шептать слова молитвы, но уже смысл их для него исчез. И это такая ужасающая, такое безвыходное горе, которая потрясает все его молодое существо. Долгое время он себя не хочет признавать в том, что с ним происходит. В письмах к своему другу, тоже семинаристу, и потому аббату Лиару, он жалуется на свои глубокие душевные страдания, не называя их причины. Потом идут намеки, которые становятся все ясней, и они переходят вскоре в патетические крики, полные ужаса и отчаяния. Наступает торжественная минута, когда молодой семинарист должен принять чинь пострижения. Но буря происходит в его душе. Он чувствует себя недостойным приступать к великому таинству, и чистый сердцем, неспособный хитрить и вилать, он доверяет своему духовнику свои сомнения и муки. Опытный старик мягко и ласково принимает эти признания. Он понимает душевное состояние юноши. Он, быть может, сам когда-то их переживал. Он советует подождать, отложить на неопределенное время обряд пострижения. Ренан счастлив. Его благодарность к доброму пастырю не знает границ, теперь ему начинают казаться, что его сомнения,—только испытание, посланное ему провидицею, и что он выйдет из него еще более достойным и чистым для служения церкви.

Тем временем новые восторги овладевают душой молодого семинариста. Ему дозволено посещать лекции в Сорбонне и в Collège de France. Он с упоением бросается в науку, изучает сирийский и древне-еврейский языки. Его путь в Дамаск найден: он будет ученым. Но горечь сомнений продолжает мучить его. Он пишет Лиару: «Ничего не доставало бы для моего счастья, если бы прискорбные мысли, которые ты знаешь, не терзали непрерывно мою душу, и это в ужасающей прогрессии возрастания. Я твердо решил не принимать чина инокства при ближайшем рукоположении. Это никому не должно показаться странным, так как возраст все равно заставит меня впасть промежутки между получением моих духовных санов. Впрочем, что значить для меня чужое мнение? Я должен привыкнуть бравировать его, чтобы быть готовым ко всякой жертве. Я переживаю очень тяжелые минуты. Нынешняя Святая неделя была для меня особенно мучительна, потому что всякое обстоятельство, которое отря-

Отправка во французскую армию отряда санитарных собак, предназначенных для розыска раненых на полях сражений.

жает меня от моей обычной жизни, по своей гордости. Но его сердце обливаётся кровью при мысли: «что было, уж шаю себя, думая о Христе, который так не будет вновь», что он не преклонит прекрасней, так чистый, такой страдающе-молитвенно колён перед статуей Мадонны, чтобы ни случилось, и доныне, в старой церкви родного городка, вместе с другими, простосердечно вбруносятся, что его вера ушла, оставивши его своим другом детства. Из примечаний с душой, расколотой надвое.

Эта душевная борьба проходит красной нитью в течение всей жизни Ренана. Он его уже ничто в течение всей жизни Ренана не мог прочитать. Из некоторых Ньсколмо раз, и в разные эпохи жизни, что он приступал к изображению ее в самых мучительных формах, в стихах и в прозе, с единственной целью—излить душу, потому что эти произведения не предназначались для печати. Они появлялись только теперь, в первый раз.

Томы проходили. Воспитанник семинарии Saint-Sulpice превратился в знаменитого ученого. Его сочинения вызывали восторги одних, проклятия и скрежет зубовных других. Это—настоящая слава, со всеми ее атрибутами, с розами и шипами. Но то состояние, которое причинило ему столько терзаний и мук в дни юности, оставило в нем неизгладимый след. Можно думать, что оно никогда не оставляло его совсем. Он вспоминает то время, когда сохранял свою наивную веру, как о потерянном рабе. Ум убеждает его, что он прав, и диктует ему страницы, полные сатанин-

И. Яковлев.

Артистка Н. В. ПЛЕВЦКАЯ, снятая на театр военных действий, куда она поехала сестрой милосердия.

Чарская для взрослых.

С первых строк романа г-жи Л. Варикс «Муза Барковская» читатель уже подготовлен к тому, что героиня его—существо необыкновенное, удивительное, полное неотразимого очарования, над которым, однако, тяготеет какой-то злой рок. Она «красива, как в сказке»,—утверждает один из удостоившихся счастья ее лицезреть. От автора мы узнаем, что у нее «бездонные синие глаза», «небольшой, точно выточенный из мрамора, нос с горбинкой», черные волосы, которые «небрежными локонами окаймляли чертания бледного лица»; ее одяние—«легкая ткань цвета морской воды, небрежными волнами спускающаяся с ее красивых плеч и облегающая стройную фигуру». Несмотря на такую умопомрачительную вышность, она несчастна.—«О, Боже, какая ужасная тоска!»—шепчет она, направляясь «к своей любимой скамье, стоящей в тени плачущей ивы и густо заросшей белыми розами». Трагедия ее существования в том, что она художница, а ее учитель живописи, «могучими потоками вливавший в ее душу сознание о великом предназначении, ниспосланном ей судьбой», перед смертью завещал ей бжгать чарь любви, так как он гибельно могут повлечь на ее творчество. Она оказалась послушной завтву своего учителя,—который, пока был жив, оказывал на нее влияние, изрекая «вдохновенным голосом» такие, напр., высокие истины: «Великая вещь—это искусство!» «Искусство ошмцает людские нравы», и т. п. Один поклонник, отвергнутый музой Барковской во имя искусства, молодой норвежский поэт Роланд, застрелился почти на ее глазах,—«и она, как подкошенная, упала на кровавую грудь Роланда». Общ части романа посвящены перипетиям борьбы за ее сердце, которую повел другой, не так скоро впадающий в уныние, поклонник, русский помещик Сергей Волошинов. У него «могучая грудь, сильные руки, цветущее лицо», «выпущенные белокурые волосы», «прямой красивый нос и изящно подвитые темно-русые усы»,—словом, неотразимость его выв всяких сомнений. Увидев Музу, он воскликнул: «Как дьявольски хороша эта женщина!» и понял, что ее любовь «или даст сказочное счастье, или наполнит ужасом всю жизнь». Мы не будем слбдить за тем, как он «страстно ласкал атлас ее кожи», как «черная страшная ночь заволокла его душу», послб того, как она, вспомнив завтты учителя, рбшила бжгать от цбней любви, как вслбд засим он постиг ее и опять, «смбло обняв ее сильными руками, впился в ее губы обжигающим все ее тбло поцбдуем», и т. д. Если мы заняли внимание читателей выдержками из этого романа, то потому лишь, что он не лишент некоторого симптоматического значения. До сих пор такими пригорно-сентиментальными историями, разукрашенными дешевой романтикой, угощали читателей и читательниц, пребывающих в школьном возрасте, г-жа Л. Чарская и ее последовательницы. Г-жа Л. Варикс сбдзала попытку прижвять нехитрые приемы творчества этого рода к роману, предназначенному для взрослых читателей. Но едва ли эта наивная попытка будет сопровождаться успбхом, так как для уловения тбх из читателей этой категории, которые могли бы попасться на приманку, имеются гораздо более опытные и искусные повествовательницы, в родб г-ж Вербной или Нагродской, умбюция при том внести в свои произведения нб-

* Лариса Варикс. Муза Барковская. Роман. Ч. I. Стр. 177. Ц. 1 р. 10 к. Ч. II. Стр. 212. Ц. 90 к. Новгород. 1915 г.

ПЕРВЫЕ УЧАСТНИКИ ОБЩЕСТВА ПЕРЕДВИЖНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВОКЪ.

Когда душа страданіемъ великимъ,
 Какъ пыткой злой, томима день за днемъ—
 Настанетъ мигъ, съ порывомъ къ волѣ
 дикимъ
 Въ ней вспыхнетъ гнѣвъ бушующимъ
 огнемъ,
 И въ томъ огнѣ сгорятъ ея святыни,
 Ея молитвы покорная печаль,
 И будетъ въ ней, какъ на пескахъ
 пустыни,
 Нѣмой просторъ, нѣмая даль.

Вѣра Рудичъ.

Современный рецептикъ.

Изъ лѣтописей нашихъ дней.

I.

Къ великому Вертодубову пришло двое молодыхъ литераторовъ: Упыринъ и Дудикъ.

Упыринъ былъ длинень и тощъ. На годовъ у него кое-гдѣ была растительность: онъ увѣрялъ, что потерялъ волосы еще въ семилѣтнемъ возрастѣ. Все лицо его густо было покрыто прыщами, которые напоминали красную смородину. Уши у него были тонкія, точно ося были сдѣланы изъ картона, а руки всегда холодныя и влажныя. Это не мѣшало ему ехидно улыбаться, и считать весь міръ достойнымъ глубокаго сожалѣнія.

Дудикъ былъ совсѣмъ другого склада: онъ былъ полонъ, почти толстъ, но на щекахъ у него изъ только не пламенныя розы, но онѣ были какого-то пенельнаго цвѣта, какъ у хорошо сохранившихся покойниковъ, пролежавшихъ лѣтъ пять-десять въ сухой почвѣ. Глазки у него были подслѣповаты и близорукі, смотрѣли черезъ пенс-не. Видъ у него вообще былъ такой, точно онъ хотѣлъ броситься на дыма въ комнату, точно онъ хотѣлъ броситься на шею своему собесѣднику и излить передъ нимъ свое горе. Онъ всегда былъ немного грустенъ, и потому склонялъ голову на бочокъ и слегка пожевывалъ губами.

Самъ Вертодубовъ былъ монументаленъ. И не потому монументаленъ, что великъ ростомъ и широкъ въ плечахъ. Нѣтъ, онъ былъ умѣреннаго роста, плечи у него были самыя обыкновенныя. Но монументаленъ онъ былъ, потому, что на лицѣ его ничего не отражалось. Онъ былъ похожъ на замороженнаго сига. У мороженой рыбы бываетъ зачастую такое странное выраженіе, точно она знаетъ какую-то глубокую тайну, и не можетъ повѣдать ее человѣку.

Упыринъ и Дудикъ пришли къ нему за тѣмъ же, за чѣмъ древніе Элліны ходили къ Дельфійскому оракулу. Они хотѣли узнать, чего, по его мнѣнію, можно ожидать отъ ближайшаго будущаго, — а вѣстатъ они хотѣли пожаловаться на редакторовъ Доича и Оношко, которые рѣшительно отказывались отъ приема ихъ рукописей.

Что касается перваго вопроса, то Вертодубовъ грубо ихъ отвѣтилъ:

— А кто же это знаетъ? Развѣ можно знать, что будетъ завтра или послѣзавтра? Да и не все ли вѣтъ равно? Что за любопытство? Мы—дѣти рока. Предотератить теченіе событій мы не можемъ. Мы можемъ говорить, жидаться, но вѣчно должны помнить, что мы пигмеи, и не нашими человѣческими соломенкамя-копьями замѣнить ходъ событій.

Илья Ефим. РѢПИНЪ.—Портретъ работы художн. И. А. Гринмана. Съ фот. Ксен. Глибовской.

Онъ вынулъ изъ рта мундштукъ съ дые мои колеги,—такихъ вопросовъ зада толстой папирсой и пустилъ такой клубъ ватъ нельзя.

Молодые колеги извинились, причѣмъ Дудикъ еще больше склонялъ голову на бочокъ.

Упыринъ клянуль своимъ тонкимъ блѣ- нымъ носомъ воздухъ, а Дудикъ еще больше склонялъ голову на бочокъ.

— А мы думали, глубоководный, вы стяннимъ носомъ воздухъ, а Дудикъ еще больше склонялъ голову на бочокъ.

— И совсѣмъ напрасно, —отозвался — Я приношу Оношко рукопись, —на- чаль густымъ басомъ Упыринъ.—Разказы- ния на бочокъ головку, сказалъ Дудикъ. Они перешли къ другому вопросу.

— Я приношу Оношко рукопись, —на- чаль густымъ басомъ Упыринъ.—Разказы- ния на бочокъ головку, сказалъ Дудикъ. Они перешли къ другому вопросу.

— Ну, я, конечно, взялъ рукопись и сказалъ Оношко, что спешу ее въ редакцію «Верхогляда», —а онъ опять, нисколько не смущаясь, говоритъ: «Предупреждаю, тамъ не заплатятъ. Тамъ денегъ нѣтъ. Не сегодня-завтра ихъ прихлопнутъ». Я не поддаюсь.—Такъ я, —пугаю Оношко,—обращусь въ «Прекраснѣйшій Вѣстникъ».— «Тамъ, замѣчаетъ, деньги есть, —а только они просто не платятъ».—«Почему?»— «Почемъ я знаю: не платятъ, и все тутъ».

— По-товарищески, —сказалъ хозяинъ.

— Что по-товарищески? — удивился Упыринъ.

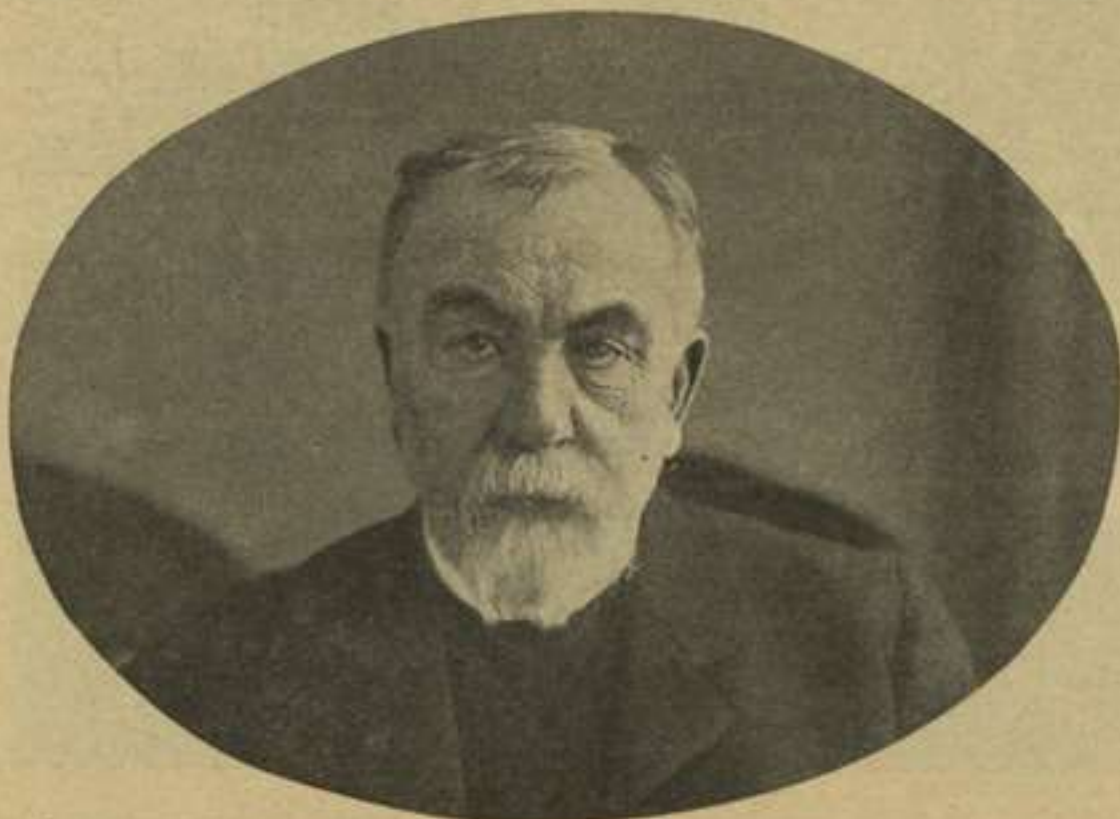
— Предупредишь Оношко васъ по-товарищески. Это нехорошо, когда не платятъ. Надо всегда предупреждать.

Дудикъ вздохнулъ.

— Да, высокоотный, —тамъ не платятъ, —подтвердилъ онъ.

— Ты вся въ мать, —раздался голосъ въ сосѣдней комнатѣ. —Я помню, какъ она въ Кисловодскѣ произвела скандалъ, объявивъ на двѣ недѣли въ аулъ съ кабардинцемъ...

Вертодубовъ всталъ, приперъ плотнѣе двери и, воротившись къ столу, началъ раскуривать новую папиросу.

Вас. Дм. ПОЛКОВЪ. Къ 50-лѣтію его художественной дѣятельности.

мѣсть. Онъ вдругъ говоритъ мнѣ, совершенно спокойно глядя на меня: «Я и читать его не буду, если въ немъ нѣтъ современности». — Какое гусь? Я ему на это возражаю: «Я пишу внѣ времени и пространства. То, что создаю я, — не имѣетъ эпохи. Оно захватывало людей пятьсотъ лѣтъ назадъ, и захватитъ человечество черезъ пятьсотъ лѣтъ». Онъ мнѣ еще спокойно рѣшается замѣтить: «А вотъ подписчиковъ нашихъ это не захватываетъ». Я возбѣлся. Вѣдь это каждого возбѣсить можетъ! И говорю: «Почему вы знаете, что правится вашимъ подписчикамъ, что не правится?»

Упыринъ остановился. — Ну что-жъ онъ? — подбодрилъ его Вертодубовъ, строго смотря на кончикъ папирсы.

— Онъ говоритъ: «Кому же и знать, какъ не мнѣ? Не тому же извозчику, что стоитъ на той сторонѣ улицы у фонарнаго столба?»

— Онъ правъ, —сказалъ Вертодубовъ.—Дальше.

— А потомъ онъ сказалъ, что вообще ихъ редакція такъ сыта рукописями, такое отъ нихъ чувствуется переполненіе, что онъ готовъ кинуться головой внизъ въ прорубь. Онъ при этомъ вскользь замѣтилъ, что лежатъ еще три неопечатанныхъ моихъ вещи.

— А онѣ лежатъ? — поинтересовался хозяинъ.

— Лежатъ, —подтвердилъ гость.

— Затѣмъ же вы ему потащили четвертую?

— Да вѣдь развѣ я написать, должна же вещь быть напечатана?

— Вы правы! —согласился съ нимъ Вертодубовъ.

II.

— Этакая дрянь! —раздалось въ сосѣдней комнатѣ, и другой голосъ отвѣтилъ:

— Сама дрянь!

— Ты на моихъ хлѣбахъ сидишь, и меня же ругаешь? —удивился первый голосъ.

Упыринъ остановился и, слегка повернувъ голову къ двери, ждалъ конца этого разговора. У Дудика сбѣжала улыбка съ устъ, и одна печаль осталась на лицѣ.

— Это моя жена съ двоюродной сестрой, —спокойно объяснилъ хозяинъ.— Это ничего не значитъ: продолжайте.

Упыринъ продолжалъ.

— Ну, я, конечно, взялъ рукопись и сказалъ Оношко, что спешу ее въ редакцію «Верхогляда», —а онъ опять, нисколько не смущаясь, говоритъ: «Предупреждаю, тамъ не заплатятъ. Тамъ денегъ нѣтъ. Не сегодня-завтра ихъ прихлопнутъ». Я не поддаюсь.—Такъ я, —пугаю Оношко,—обращусь въ «Прекраснѣйшій Вѣстникъ».— «Тамъ, замѣчаетъ, деньги есть, —а только они просто не платятъ».—«Почему?»— «Почемъ я знаю: не платятъ, и все тутъ».

— По-товарищески, —сказалъ хозяинъ.

— Что по-товарищески? — удивился Упыринъ.

— Предупредишь Оношко васъ по-товарищески. Это нехорошо, когда не платятъ. Надо всегда предупреждать.

Дудикъ вздохнулъ.

— Да, высокоотный, —тамъ не платятъ, —подтвердилъ онъ.

— Ты вся въ мать, —раздался голосъ въ сосѣдней комнатѣ. —Я помню, какъ она въ Кисловодскѣ произвела скандалъ, объявивъ на двѣ недѣли въ аулъ съ кабардинцемъ...

Вертодубовъ всталъ, приперъ плотнѣе двери и, воротившись къ столу, началъ раскуривать новую папиросу.

— И у вас не берут то же рукописи?—спросил от Дудика.

Тот подтвердил.

— Да, и у меня не берут рукописей. И не потому, что они не современны. Мое тоскливое переживание безвременья гораздо глубже уныришского.

— Почему ты думаешь?—презрительно спросил Упыринь.

— Не думаю,—я никогда не думаю, а запечатываю словами сущность бытия той или другой идеи. То, что скажу я,—ужаснее того, что сказал Ошоно. Он требует только злободневной фельетонности. Пройдут эти дни с их прокисью тумана, и снова улыбнется солнце. Но то, чем ударил меня Дониц,—это как ужасно, так захватывает изобретением дьявольской зыбности, что его угрозу нельзя игнорировать отпечатком только текущих идей. Нет, этот спрут протирает свои щупальцы к будущему.

— Не тлите, а изложите,—посоветывал хозяин.

Дудик прокашлялся. Дверь почему-то ускользнула и образовалась щель. Через щель послышался голос:

— И ты способна разводить такую же грязь!

Вертодубов опять встал и, нажав сильно половнику двери ладонью, заставить щель затворить ручку. Слова съез в кресло, он весело проговорил:

— Ну, я вас слушаю.

— Вы, уважаемый, знаете, что я первым делом стилист,—рассказывал Дудик.—Для стиля я иногда ломаю мысль. Я выработал манеру письма особую. Меня узнать можно по той экзотике, которая вбьет от каждой строки. Я иногда целую ночь сижу над двумя строчками: я их притачиваю, расцвачиваю, стараюсь вдунуть в них аромат вневременных призывов.

— Знаю,—дальше!

— Не торопитесь, почтеннейший. Я излагаю все в достоятельном порядке. Написал я новую грёзу—«Алая бирюза».

— «Алая бирюза»?—повторил хозяин.—Это хорошо. «Алая бирюза»—хорошо.

— А бывает алая бирюза?—спросил Упыринь.

— Это грёза, милый,—напомнил ему товарищ.

— Виновать!—кривя рот в умишку, проговорил Упыринь.

— В этой «Алой бирюзе» я совмещаю весь фокус моего творчества. Сравнения смелы, образы, красочны, певучи и сильны. Обрывок грозовой тучи я сравниваю с сбродом цыган, что распласталась по небосводу; груди Азры напоминают мне две фарфоровые крышки от маленьких супниц.

— Супниц?—нахмури брови, спросил Вертодубов.

— Мисок для супа,—объяснил Дудик.—Есть такая маленькая порционная супница. Подают их в ресторанах и в иных захолустных трактирах. Потом живую мысль я сравниваю с моллю. Сидишь у лампы. Вдруг из мрака летит золотистая точка. Она кружится, вьется, и когда протягиваешь к ней руку, вдруг она разсыпается во мрак, исчезает, точно бьется, который глест от знамени креста...

— Путаный образ,—замечил «великий».

— Уважаемый, по разв тут нет достижения глубины? Важно схватить из обычного нашего мирозерцания мимолетные ощущения и чувства, которые до сих пор ускользали от сфтой писателя-аналитика. И я старался их уловить. Улавливал во всем: в звздочке, что играла отражением от электрической лампочки на крышке чернильницы; в винтик с медной шляпкой, что лежал боком на сукне моего стола и напоминал задремавший кубарь, что забыли дети, побжавши на зов матери

ПЕРВЫЕ УЧАСТНИКИ ОБЩЕСТВА ПЕРЕДВИЖНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК.

Профессор живописи Влад. Ег. МАКОЕСКИЙ.

К 50-летию его художественной деятельности. В. Е. большой любитель музыки, сам играет на скрипке; ему принадлежит редкий экземпляр Гварнери, оцениваемый в несколько тысяч рублей.

к обденному столу; в шум приближалась залпса самым обиженным лаем сожвшагося за окном автомобиля я чувбачючка.

— Это платяная щетка?—спросил ствоваль гигантского майского жука: он пролетел мимо, оставив за собою волну Упыринь.

— Почему щетка?—удивился хозяин. гулдшаго воздуха...

— Выдра, выдра, выдра!—раздалось за стьной, и какой-то твердый, но небольшой предмет гулко ударился в закрытую дверь и, отскочив, упал на пол. Отче-спросил Дудик.

Профес. живописи. Еф. Еф. СОЛКОВСКИЙ.—Портрет работы проф. А. В. Мановского.

К 50-летию художественной деятельности.

Съ фот. Ксен. Гамбовской.

— Да, это собака. Вы не обращайтесь на них внимания и продолжайте.

— И так, уважаемый, вы видите, как продуктивны и углубленно-жизненны были мои изыскания. Вдруг Дониц морщится, морщится так, как будто подавился ржавым шкворнем. Он говорит мне: «Тут слишком много вывертов».

— Но ведь он сам, кроме векселей, ничего не пишет,—замечил Вертодубов.

— Тем более резона для него молчать! Заткнуться, как пузырек с водородом, и скромно покрыться пылью. А вдруг он смеет рассуждать! Он говорит: «Прошло время дутых возможностей и idiotских вывихов. Теперь наступило реальное время,—и вся эта балаганная фольга свалилась...»

Дудик поднялся со стула, подобно тому, как тень Банко подымается на шире Макбета, и страшно посмотрел на хозяина.

— Он обрывает все то лучшее,—продолжал он,—что зацвело и распустилось за последние годы. Он дбляет поворот к академической сухости и провозглашает неприличности лапейской литературы. И он, совершая это преступление, так спокоен и неуязвим, так недвижно сидит на своем редакторском тронь,—как будто он прав, а заблуждаемся несчастные мы.

Дудик снова опустился на свое место. — Уважаемый! Но ведь вы же хвалили мои новыя словообразования, сочетания моих красок, вы же поощрили меня к способствованию литературь теч по новому руслу—великому и прекрасному? Скажите, ужели Дониц прав? Ужели наши цвты—достояние бездны, и никогда никто не будет любоваться ими? Никогда и никто?

Вертодубов вдруг подошел к двери, приоткрыл ее и заорал во всю глотку: — Вошь!

Кто-то шарахнулся при звукь этой ериховской трубы,—не то собаки, не то женщины. Послышались топот и шлепанье многих ног. Гд-то захлопали двери,—и все утихло.

Он повернулся к гостям. Лицо его было спокойно, только несколько покраснело от напряжения, и на лбу налилась жила. И он опять съел на свое председательское место.

III.

— Вот что скажу я вам, молодые мои други!—начал он.—Я согласен с редакторами.

Оба писателя выразили на лицах изумление, смъшанное с ужасом.

— Согласны?—удивился Упыринь.

— Согласен. Чем мы живем теперь? Текущим днем, которому довлест злоба его.

— Не о едином хлббь человек жив будет,—мрачно проговорил Дудик.

— Не о едином,—подтвердил великий метрь.—Нужен кайенский перец, который обжигал бы и язык, и горло, и желудок. Пусть он подготавливает рак.—все одно умирать—от рака или от жабы. В настоящее время самым специфическим снадобием являются события дня. А вы льзете с своим прбсным травоядением! Жуйте сами вашу жвачку,—но позвольте другим требовать больше забираемых продуктов.

— Но то, что предлагаем и вырабатываем мы,—это идет вглубь вьков,—проговорил дрожащим голосом Дудик.

Вертодубов потряс отрицательно головой.

— Не такое время, чтоб теперь думать о вьках. Всякому овощу своя пора,—сказал великий мудрец,—а, может быть, это был и не великий мудрец. Как вы хотите заставить человека интересоваться тем, чем он не хо-

М. Г. СТАНИШЕВСКАЯ, назначенная приват-доцентом Императорского Новороссийского университета, по кафедре паталогии. Она первая женщина, получившая это звание в русском университете. В 1899 г. она окончила медицинский факультет в Нанси, в 1900 г. выдержала государственные экзамены при Московском университете, а в 1913 г. защитила диссертацию на степень доктора медицины.

центрик современного творчества, высокоуважаемый cher-maitre! — сказал, склонив голову на другой бок, Дудикъ. — Не то что рецептник, а самый приемъ приготовления по рецептику, — поправилъ его хозяинъ.

— Слушаемъ, многоуважаемый. — Я не знаю темъ и фабулъ вашихъ произведений, — началъ cher-maitre. — Да и не хочу знать: это не важно, это стоить на заднемъ планѣ. Но задача писателя — ошарашить читателя сразу по лбу, съ первыхъ же строкъ произведения. Пусть онъ пойметъ, что ему нужно прочесть во что бы то ни стало вашу вещь. Не насильемъ надо дѣйствовать, а...

— Обманомъ? — подсказалъ Упыринъ. Хозяинъ посмотрѣлъ на него строго. — Зачѣмъ обманомъ? Что за глупое слово! Надо сразу запустить крючокъ въ самую сокровенную его чувствозаня, затронуть его больную струну. А когда эта больная струна зазвучитъ, — разыгрывайте какую-нибудь какофонию. Ну, я поставилъ не то слово, что надлежитъ, — да вы меня понимаете... Начните рассказъ такъ: «Пушки грохотали». Или: «Перестрѣлка затихла». Или: «Чемоданы рвались». Уши у читателя заходятъ. Онъ настрожится. Онъ прижметъ къ груди печатный листъ — и не дастъ его никому.

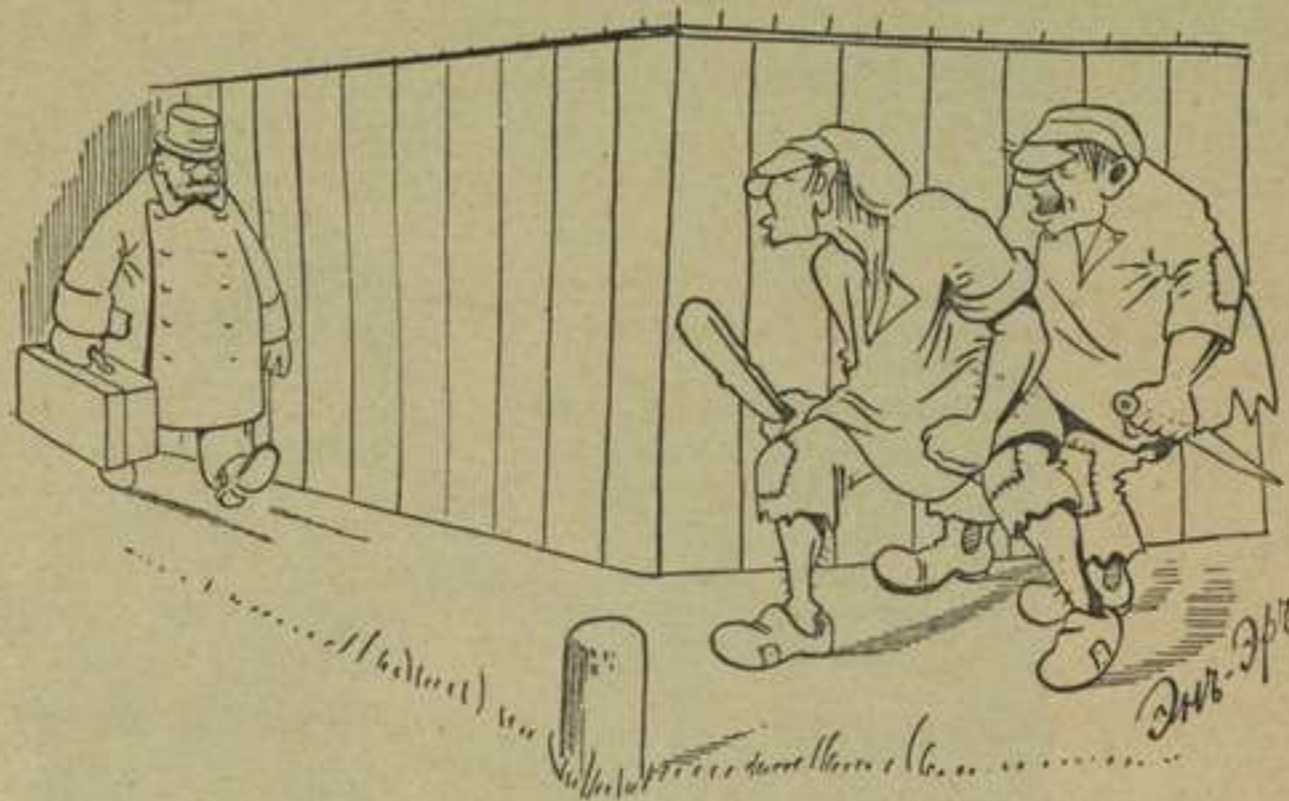
— Я пишу то, что прочувствовалъ и видѣлъ, — сурово проговорилъ Упыринъ.

— Дайте мнѣ кончить! — крикнулъ Вертодубовъ. — Кто къ кому пришелъ — вы ко мнѣ, или я къ вамъ? Меня вы хотите слушать, или я васъ?

— Продолжайте, многоуважаемый, — успокоилъ его Дудикъ. — Наше вниманіе виситъ на медоточивыхъ устахъ вашихъ.

— Итакъ, исполнилось то пожеланіе, которое сейчасъ высказалъ Упыринъ, — продолжалъ Вертодубовъ, — вы взяли читателя за шиворотъ и ткнули его въ самую кишку. «А! — думаетъ онъ, — коли рвутся чемоданы, — значитъ дѣло серьезное». Теперь надо воспользоваться тѣмъ, что онъ оглушенъ.

СОПЕРНИКИ НѢМЦЕВЪ.

Наглядное изображеніе блокады въ толѣ озабоченія нѣмцами знатоками международнаго права.

— Какимъ образомъ? — залепеталъ Дудикъ.

— Тотъ рассказъ, что написанъ вами, остается неприкосновеннымъ — и начало, и середина, и конецъ. Важны только десять строкъ, что помѣстите вы для связи между фразой: «Пушки грохотали» и началомъ рассказа.

— Какія же эти десять строкъ, многоуважаемый?

— А не знаю. Это дѣло таланта. Надо поймать что-то за хвостъ, — какую-то невидимую нить. Не знаю, совѣ ли это въ окопахъ, воспоминаніе прошлаго, письмо ли, но что-нибудь въ этомъ родѣ. Положимъ, у васъ начинается рассказъ словами: «Она бѣжала. Когда я проснулся утромъ, ее уже не было. Горничная сказала: «Барыня уѣхала съ черной кардонкой». Но теперь вы начали рассказъ фразой: «Стрѣльба затихла». Надо свести оба начала. Вы пишете съ новой строки: «Накрапывалъ дождикъ. Усталые, въ пыли и осадинахъ, солдаты устранились на ночь въ окопахъ. Уже разносили что-то дымившееся, пахшее и телятиной, и канустой. Но Семень Игнатьевичъ ѣсть не могъ. Онъ прислонился ноющей спиной къ цѣтовъ влажнымъ шелковистымъ коконопу и полудежалъ въ какомъ-то неяс-

номъ состояніи. Не то явь, не то бредъ крутились надъ нимъ, и вокругъ него... Картины прошлаго и настоящаго...»

— Понимаю! — вдругъ радостно зашепталъ Дудикъ.

— Поняли? Теперь поняли? — ехидно спросилъ Вертодубовъ.

— Все понялъ!

— И я, — пробасилъ Упыринъ.

— Ага! Надо быть остолопомъ, чтобы не понять.

— Геніально!

— Ну, а потомъ, — продолжалъ cher-maitre, — вы кинете двѣ-три брызги, чтобы чувствовалось наше время... Я не знаю, какъ это сдѣлать, — это ваше дѣло. И когда вы поставили точку... У васъ чѣмъ кончается вашъ рассказъ, Дудикъ?

Дудикъ сдернулъ перевочку съ трубка, завернутой въ восковую бумагу, точно это было пѣчю жирное, что могло просохнуть и засалить все вокругъ. Онъ, не торопясь, отвернулъ послѣднюю страницу, досталъ изъ кармана другое перо-не, и началъ читать:

«... Свѣтло-сиреневыя грозды росистыхъ цвѣтовъ влажнымъ шелковистымъ коконопу и полудежалъ въ какомъ-то неяс-

четь интересоваться? Онъ хочетъ спрашивать, — а вы говорите о зеленыхъ грезахъ зимняго утра, о красной бирюзѣ. Ну, что вы станете дѣлать, если онъ этого читать не желаетъ?

— Заставить!

— Какимъ способомъ?

— Взять за шиворотъ, ткнуть носомъ въ печатное слово, и держать такъ, пока онъ не прочтетъ.

— А не похоже это на насиліе воли?

— Пусть! — свирѣпо сказалъ Упыринъ.

— Такъ вы сообщите намъ новый ре-

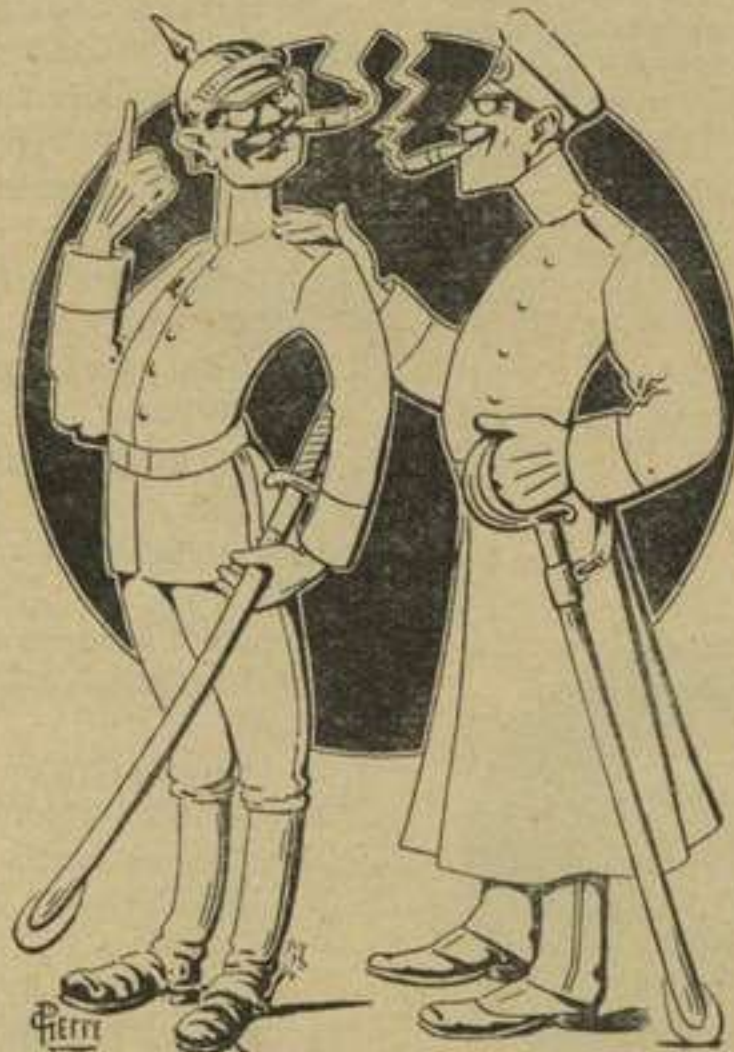
Германскіе солдаты отправляютъ на родину значительныя суммы своимъ семьямъ — сбереженія отъ получаемого ими жалованья.

— Дай Богъ ему здоровья! Онъ посылаетъ намъ свои карманныя деньги.

«Le Rire».

ВѢРНЫ СЕБѢ.

— Ну, Французъ, ты все-таки не передумалъ отправиться въ Парижъ? — Непремѣнно, послѣ войны! Возьму французскую фамилію, американскій паспортъ и буду комисіонеромъ по продажѣ китайскихъ надѣлій.

Пограничники на Цихидзире сторожатъ «Гебенъ».

Анат. Влад. ХРОСТИЦКІЙ, командиръ пѣхотнаго полка. Награжденъ за отличіе чинамъ ген.-майора, орденами Станислава 1 ст. и Св. Георгія 4 ст.

оставляли холодные, мокрые слѣды отъ поцѣлуевъ»...

— Все?

— Все.

— Чудесно. Проведите подъ этимъ черту, небольшую черту, и продолжайте:

Поруч. А. М. ВОЙКОВЪ.
Награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 ст.

«Бумъ—тра-рахъ!—разорвался чемоданъ. Василій Петровичъ,—или тамъ Чортъ Иванычъ,—очнулся. Онъ тупо посмотрѣлъ вокругъ. Иванъ Оглобля бѣжалъ, какъ-то прискакивая, мимо него, и кричалъ: «Начали, начали!» И, въ самомъ дѣлѣ начали: «Брумъ-бахъ! брумъ-бахъ!»—лопалась снаряды...

— Вы были когда военнымъ? — спросилъ Упыринъ.

— Никогда не былъ. Я былъ единственнымъ при престарѣлыхъ предкахъ. Ну-съ, и вы думаете такого разсказа не помѣтать? Съ руками оторвать...

— А не подо это?

Вертодубовъ подумалъ.

— Едва ли, отвѣтилъ онъ.

Вертодубовъ никогда никому не предлагалъ чаю. Онъ даже объяснялъ, почему:

— Это длинная процедура. Разговоры съ женой, съ прислугой. Лучше не надо.

— Не надо,—соглашались и гости.

Поэтому и Дудикъ съ Упыринимъ долго не сидѣли. Они выкурили по три вапирасы и встали.

— Очень вамъ признательны,—пробасилъ Упыринъ.

— Да, очень,—подтвердилъ Дудикъ.

— Радъ, весьма радъ,—сказалъ хозяинъ, и вышло такъ, что онъ радъ уходу гостей.

Когда они были въ прихожей, маленькой темной комнаткѣ, гдѣ пахло мышами, онъ оказалъ:

— Передѣлите по моему рецептику, и такъ все лихо пойдетъ...

А когда они отворили двери на лестницу, опять откуда-то изъ глубины квартиры донеслось:

— Ты—выдра! Я тебѣ говорю—выдра! А chef-maitre улыбнулся и повторилъ:
— Это жена съ кухни!

П. Габдикъ.

Литературныя замѣтки.

Жена декабриста И. А. Анненкова.

«Русскія женщины»,—княгиня Волконская, княгиня Трубецкая,—послѣдовавшія за своими мужьями въ ссылку и раздѣлившія съ ними всѣ тягости ихъ безрадостнаго существованія, увлечены русской литературой, и невозможно представить себѣ человека, вдумавшаго хотя бы о ихъ драматической судьбѣ. Менѣе участъ, выпавшую на долю любимаго человека, съ которымъ притомъ же она въ

ста П. А. Анненкова. Между тѣмъ ея участъ заслуживаетъ не меньшаго вниманія, а ея нравственный обликъ таковъ, что ее можно смѣло поставить наряду съ женами кн. С. Г. Волконскаго и кн. С. П. Трубецкаго. Замѣчательно уже то, что она—Француженка, которой совершенно были чужды условія русской жизни и мало понятны тѣ побужденія, которыми руководились заговорщики, задумавшіе осуществить государственныя перевороты,—проявила твердою рѣшимостью раздѣлить участь, выпавшую на долю любимаго человека, съ которымъ притомъ же она въ

НА ВОЙНѢ.

Въ минуту затишья. Письмо на родину.

НА ЗАПАДНОМЪ ФРОНТѢ.

Въ траншеѣ французскихъ солдатъ въ Вогезахъ.

Ген.-майоръ Анаст. Ива. МАРТЫНОВЪ. Тяжело раненъ во время атаки нашихъ гусаръ на германскую пехоту.

Есаулъ И. Ф. БЫКАДОРОВЪ, былъ раненъ, но вновь вернулся въ строй. За боевыя заслуги награжденъ Георгиевскимъ оружіемъ, орденомъ св. Георгія 4 ст. и чиномъ есаула.

Команд. полка полк. И. Н. КОНОНОВИЧЪ, за отличие въ дѣлахъ противъ непріятеля произведенъ въ генералъ-майоры.

то время, когда надъ нимъ разразилась гроза, не была еще и обвѣщена. Для того, чтобы осуществить свое намереніе, — отправиться вслѣдъ за нимъ въ ссылку, — ей пришлось преодолѣть не мало препятствій, но ея рѣшимость была такъ велика, что ничто не могло остановить ее. Изданныя въ настоящее время ея «записки» * представляютъ интересъ, и помимо ея прижизненности къ одному изъ характерныхъ эпизодовъ исторіи русскаго общественнаго развитія. Одаренная живымъ умомъ и наблюдательностью, она, въ воспоминаніяхъ о дѣтскихъ годахъ, проведенныхъ ею во Франціи, застаетъ не мало любопытныхъ подробностей, характеризующихъ наполеоновскую эпоху и самого ея героя, котораго, будучи маленькой дѣвочкой, она нерѣдко близко видѣла. Любопытно отмѣтить, между прочимъ, что передъ походомъ 1812 года одинъ изъ дядей П. Е. Анненковой, который долженъ былъ принять въ этомъ походѣ участіе, прощаясь съ родными, сказалъ:

«Dieu sait, si je reviendrai; nous allons nous battre contre les premiers soldats du monde; les russes ne reculent pas».

Кромѣ этой характеристики Русскихъ, какъ «первыхъ въ мѣрѣ солдатъ», мы находимъ въ запискахъ еще интересное указаніе, относящееся къ 1814 году, по поводу вступленія во Францію иноземныхъ войскъ; оказывается, что русскими войскамъ «были рады: они были очень тихи и кѣсисательны и удивляли своею кротостью и вѣжливостью». Зато «самые опасные и дерзкіе были Австрійцы, — ихъ мы терпѣть не могли». Живо очерчено въ запискахъ и многое изъ русскихъ нравовъ, поразившее молодую дѣвушку при прѣѣздѣ въ незнакомую страну. Особенно яркимъ въ ея изображеніи вышель портретъ матери ея мужа, Анны Ивановны Анненковой, окружавшей себя сказочною роскошью и отличающейся множествомъ причудъ. Изъ относящагося непосредственно къ «декабристскимъ» событіямъ приведемъ изъ записокъ знаменательную фразу Императора Николая I, сказанную во время допроса Анненкова и, можетъ быть, являющуюся ключомъ къ уразумѣнію «Николаевской эпохи»: «Вы заботились о судьбахъ народовъ, а связали государю руки въ его благихъ намѣреніяхъ на 50 лѣтъ».

Паданы записки Анненковой очень небрежно: множество опечатокъ, въ особенности въ цитируемыхъ въ подлинникѣ французскихъ фразахъ. «C'est à ton désavantage que tu l'es trompé», — значитъ, напр., въ одномъ изъ приводимыхъ разговоровъ. По смыслу разказа видно, что здѣсь слѣдуетъ читать: «tu t'es trompé». Но редакторы изданія, ничтоже сумняшеся, переводятъ: «ты обманываешь изъ на свою же голову». Неблагополучно и съ

* Записки жены декабриста П. Е. Анненковой (Pauline Gueble). Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Петроградъ. 1915 г. Стр. 166. Ц. 1 р. 50 к.

МОРСКАЯ БОЙНА.

Англійскія суда идутъ въ Дарданеллы. Впереди—дредноутъ «Triumph».

именами собственными: фигурируетъ, напр., въ дневникѣ пѣкѣй «Рошефукельдъ», въ которомъ хотя и не безъ нѣкотораго затрудненія, можно, конечно, узнать «La Rochefoucauld»!!

Б-ть.

Чеховъ. Книга 90-хъ годовъ *.

Переписка Чехова выходитъ томъ за томомъ. Задержанный войной, вышель наконецъ ея пятый томъ за 1897—1899 гг. Надо сознаться, что впечатлѣніе отъ него не на уровнѣ прошлыхъ томовъ. Я думаю, для этого—много причинъ. Прежде всего самыя письма стали какъ-то тусклѣе, мелочнѣе, пожалуй, субъективнѣе. Огромное большинство ихъ читается безъ всякаго

интереса. Итъ ли прежнихъ широкихъ сужденій о литературѣ и о многомъ, ни даже того искрящагося юмора, который такъ оживлялъ переписку раннихъ годовъ. Точно печать какого-то увяданія легла на жизнь и личность писателя—совершенно параллельно тому увяданію, которое чувствуется и въ его творчествѣ этихъ годовъ. Ибо если повѣсти Чехова второй половины 90-хъ годовъ выросли въ объемѣ и, можетъ быть, въ психологической зрѣлости, онѣ потеряли за то ту свѣжесть таланта, ту милую непосредственность творчества, которой онѣ блистали въ первыя 10—12 лѣтъ его писательской карьеры, когда эти повѣсти были еще только разсказами, «пестрыми» и всякими другими.

Что-то «нудное» (говоря этимъ характерно-чеховскимъ концомъ 90-хъ годовъ словечкомъ) сквозитъ въ безлестрическихъ

* Письма А. П. Чехова. Томъ V. Стр. XV+495. М. 1915. Ц. 2 р.

Полковникъ А. А. ВЕВЕРЪ. Раненъ, награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степ.

Рис. П. Шипоев.

Павшие смертью храбрыхъ.

Ген.-лейт. В. Н. БЕЛЬГАРДЪ,
сконч. отъ ранъ. Награжденъ
орденомъ Св. Георгия 4 степ.

Кап. С. Ф. ГОИЧАРОВЪ,

Ротм. В. Н. СЛЪЗЧЕВСКІЙ,
скончался отъ ранъ.

Полк. П. П. ФОТІЕВЪ.

Полк. М. А. ДОМЕРОВСКІЙ, скончался отъ
ранъ. Наград. Георгиевскимъ оружіемъ.

Кап. М. И. ДВОРНИЦІЙ.

Подпор. Н. П. РЮМИНЪ.

Поруч. В. М. БОЕИКОЕЪ.

Прап. И. К. ПОКРОЕСКІЙ.

Мичманъ БИКОЛАЕВЪ.

Поруч. И. Н. КУРБАТОВЪ.

Ротм. В. Д. ПРАЕДИНЪ,
скончался отъ ранъ.

Ротм. А. Н. ПЕТРИШЕВИЧЪ, скончался отъ
ранъ. Награжденъ золотымъ оружіемъ.

Поруч. А. И. ЛИДЕРСЪ.

Прап. А. Р. РЕПШЪ.

Прап. А. С. МЕДОВИКОВЪ.

А. М. ДЕСЛЕННИКОВЪ, наград.
двумя Георг., 3 и 4 степ. крест.,
произведенъ въ прапорщ. Убитъ.

Подпоруч. И. П. МАКСИМОВЪ.

Мичм. Г. Н. ФОНЪ-ФИНГЕЙХЪ,
убитъ въ морскомъ бою

Поруч.
П. А. РЫБАЛЬСКИЙ-БУТЕВИЧЪ.

Принц ЛЕОПОЛЬДЪ Бельгийскій, герцогъ Брабантскій. 13-лѣтній сынъ короля Альберта находится теперь въ арміи съ своимъ отцомъ.

его вещахъ, такъ же, какъ въ пьесахъ. Теперь переписка даетъ съ несомнѣнностью почувствовать то же и въ личной жизни писателя.

Между тѣмъ по внѣшности эта жизнь именно тогда вступила въ періодъ окончательной обезпеченности и увѣренности положенія. Чеховъ уже широко извѣстенъ, почти знаменитъ; онъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ вліятельнѣйшими литературными и общественными кругами. Въ легкости его житейскихъ рѣшеній того времени (строить домъ въ Ялтѣ, покупать имѣніе въ Крыму) и въ легкости востановленныхъ разѣздовъ по Европѣ и Россіи видна «праздничная» судьба «избранника» («Потемкинъ») — какъ его шута звалъ старый пріятель, покойный Щегловъ-Леонтьевъ). Между тѣмъ «внутри» именно въ это время все покрывается какою-то туманомъ.

Какъ первое объясненіе этого, представляется болѣзнь. Чеховъ пятого тома своихъ писемъ — уже большой Чеховъ. Въ самомъ началѣ мы читаемъ о первомъ рѣзкомъ проявленіи болѣзненнаго процесса, повидимому, гнѣздившагося въ Чеховѣ съ очень давнихъ поръ (едва ли не съ начала 80-хъ годовъ). Онъ садился за столъ съ А. С. Сувориннымъ (повидается съ которымъ пріѣхалъ изъ деревни) въ московскомъ «Эрмитажѣ», какъ вдругъ у него слышала горлохъ кровъ. Кровотеченіе было остановлено съ большимъ трудомъ, и писатель пролежалъ въ постели. Оправившись, онъ уѣхалъ въ свое Мелихово и на зиму за границу. Тамъ лѣтняя зима Ривьеры создавала ему временами иллюзію выздоровленія, но уже малѣйшее упорство дурной погоды разрушало ее. Съ этой поры въ письмахъ постоянно мелькаетъ эта зависимость, и связь надежды и унынія съ неизлечимой ранѣю метеорологической волной. Грустная перемена, слизающаяся съ общимъ «хмурымъ» тономъ переписки.

Но все-таки одна болѣзнь врядъ ли все объясняетъ. «Хмурость» психологически у Чехова во всякомъ случаѣ предшествуетъ развитію болѣзни. Уже въ томъ же 1897 году, когда онъ еще сравнительно бодро смотрѣлъ на будущее, одна его корреспондентка помѣтила «мрачность» его измѣнившагося творчества, и онъ защищается отъ этого упрека: «Вы стѣдуете, что героини мрачны. Увы, не мой въ томъ вина! У меня выходитъ это неволью, и, когда я пишу, то мнѣ не кажется, что я пишу мрачно (NB: Характерное признаніе!)... Кажется, что мрачные люди, меланхолики пишутъ всегда весело, а жизнерадостные своими писаніями нагоняютъ тоску. А я человекъ жизнерадостный...» (изъ г-жѣ Авидовой).

Въ справедливости этого афоризма о неселости меланхоликовъ и мрачности «жизнерадостныхъ» можно очень усомниться. Первый Чеховъ представляетъ самъ его наглядное опроверженіе. Если дѣйствительно онъ «первыя 30 лѣтъ своей жизни прожилъ, какъ говорится, въ свое удо-

вольствіе» (id.), то какъ разъ за этотъ промежутокъ онъ и писалъ, можно сказать, въ свое и наше удовольствіе. Но менѣе всего «жизнерадостностью» вѣетъ отъ этого пятого его тома...

Мнѣ кажется, съ Чеховымъ произошелъ процессъ, отчасти напоминающій (въ смягченномъ видѣ) пережитое Гоголемъ. Оба эти писателя едва ли не самые «веселые» въ нашей литературѣ при своемъ выступленіи и въ первой полусѣ дѣятельности. Это настоящіе «хохотуны», всѣхъ заражающіе своимъ смѣхомъ. Но вотъ постепенно надвигается какая-то «хмара», и тѣ, кто больше всѣхъ смѣялся, становятся всего утѣмъ. Гоголь гораздо болѣе глубокой, чѣмъ Чеховъ, пережилъ этотъ переломъ какъ релігіозный кризисъ и полюбилъ въ немъ отъ какого-то страшнаго раздвоенія. Чеховъ — дитя позитивнаго времени, — лишень далекихъ горизонтовъ, и кризисъ его обратился въ неопредѣленную «мрачность», которой надвигавшаяся чашотка придавала внѣшнюю видимость единственно болѣзни, принесла съ собой слишкомъ скорый и недоговоренный внутренней конецъ...

П. Перцовъ.

ВЪ ВОЙНѢ СЪ ТУРЦІЕЙ.

Англійскія торговыя суда въ Суэцкомъ каналѣ.

Мелочи.

Пророческій романъ Жюль-Верна.

Весь міръ призналъ уже теперь, что почти всѣ фантастическіе романы Ж.-Верна явились пророческими, предсказавъ за много лѣтъ новое въ области техники,

появившееся болѣею частью уже послѣ смерти Ж.-Верна.

Такъ, въ «20,000 лѣтъ подъ водой» онъ предсказалъ появленіе подводныхъ лодокъ, въ «Робюръ-Завоеватель» и «Пять недѣль на воздушномъ шарѣ» — быстрые усѣхы авіаціи, въ «Паровомъ домѣ» — изобрѣтеніе автомобилей.

Но настоящая война дала доказатель-

† Александръ Степ. ПАСНИНЪ. Членъ Г. Думы 3—4 созыва, извѣстный земскій дѣятель. См. № 13923 «Нов. Вр.»

НЕДАВНО ОРГАНИЗОВАННЫЙ СТРУННЫЙ КВАРТЕТЪ ИМЕНИ ГРАФА А. Д. ШЕРЕМЕТЕВА.

Дирижеръ оркестра гр. А. Д. Шереметева А. Б. ХЕССИНЪ (посреди); А. А. БЕРЛИНЪ (1-я скрипка), А. С. ДИПАНСІЙ (2-я скрипка), А. М. ЦЕЙТЛИНЪ (альтъ), Д. З. ЗИССЕРМАНЪ (виолончель).

ство, что Ж.-Вернъ былъ пророкомъ не только въ области науки, но также и въ области международной политики.

Не предсказалъ ли онъ 35 лѣтъ назадъ то явленіе, которое вызвало настоящую войну: все возрастающій духъ милитаризма Германіи, явившагося въ концѣ концовъ угрозой для всего культурнаго міра? Въ этомъ отношеніи представляетъ огромный интересъ появившійся въ 1879 году романъ «500 миллионовъ Бегумы», гдѣ описаны съ изумительной точностью всѣ событія, развернувшіяся столь неожиданно въ 1914 году.

Въ основу своего романа Ж.-Вернъ взялъ Германію, хищную, алчную, движимую чувствомъ паживы, непомѣрной гордости и тщеславія, убѣжденную въ томъ, что она призвана стать выше всѣхъ націй, зачисленныхъ ею въ разрядъ низшихъ или упадочныхъ! Въ 1879 году подобная Германія только нарождалась и ничто не раскрывало еще ея мечты о всемірномъ владычествѣ. Ж.-Вернъ изобразилъ въ своемъ романѣ всѣ тѣ принципы, которыми должна была руководствоваться подобная Германія при зарожденіи европейскаго конфликта: отсутствіе всякихъ угрызений совѣсти, всякихъ чувствъ гуманности и человѣчности, презрѣніе всѣхъ человеческихъ правъ, а также методическое зѣбрство по отношенію къ противнику, имѣющее единственной цѣлью — терроризовать населеніе.

Превосходно, напримѣръ, характеризуется въ романѣ «Старый городъ», Stahlstadt. Не являются ли точнымъ сколкомъ съ него огромные заводы Круппа въ Вестфалии?

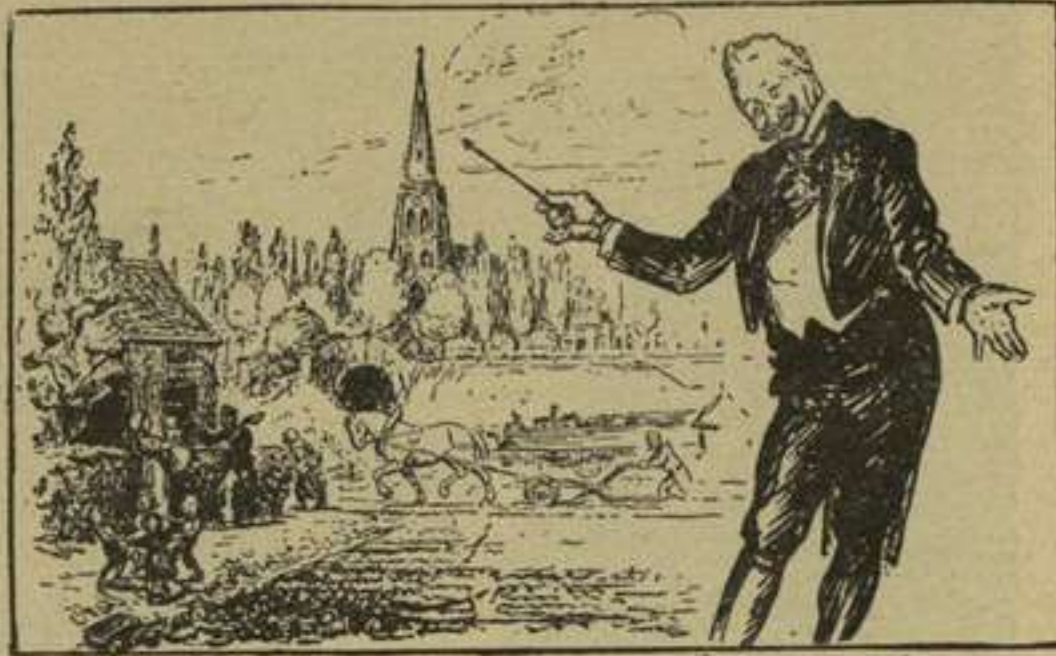
Романъ Ж.-Верна теперь, послѣ зѣбрствъ въ Лувенѣ, Термондѣ, избиеній въ Динанѣ и Жервилье, разрушенія Санаи и Реймса, пріобрѣтаетъ совѣмъ новое значеніе въ глазахъ читателя, и забываемъ, что читаемъ старую книгу, книгу одного изъ любимыхъ друзей юношескихъ лѣтъ.

Еще разъ приходится согласиться съ тѣмъ, что Ж.-Вернъ обладалъ по-истинѣ пророческимъ даромъ, дававшимъ ему возможность приподнимать завѣсу будущаго, скрытаго отъ простыхъ смертныхъ.

Прочтите еще разъ внимательно этотъ захватывающій по интересу романъ Ж.-Верна, и несомнѣнно вы увидите въ немъ яркое и живое изображеніе переживаемой нами дѣйствительности.

Редакторъ М. А. Суворинъ. Изданіе Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время».

ФОКУСНИКЪ.

— Вотъ передъ вами Бельгiя!

— Разъ, два, три... Бельгiя нѣтъ!

Life.

НОВЫЕ ИЗЯЩНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ДЕШЕВЫЕ АЛЬБОМЫ.

Стори, Вл. Мотивы отдѣлки комнаты: гостиныхъ, столовыхъ, кабинетовъ, спальни и т. д. Въ 2-хъ вып. Ц. по 1 р. 60 к. 110 мотивовъ оконъ, дверей, балконовъ, оградъ, бесѣдокъ въ разныхъ стиляхъ. Ц. 2 р.
Тилинский, А. И. Современный стиль, 20 проектовъ загородныхъ, съ разраб. план.: домовъ, бесѣдокъ, воротъ. Ц. 2 р.
Вл. ДѢШЕВЫЯ ПОСТРОЙКИ Проекты бревенчатыхъ, камен. и бетон. дачъ, домовъ и садовыхъ построекъ со смѣтами. Вып. 1-й, и д. 2-е. Вып. Ц. 1 р. 60 к. Вып. 2-й и 3-й. Ц. 2 р. Вып. 4-й новѣйшие проекты. Ц. 2 р. Каталогъ бесплатн. Складъ изданiя М. Г. Стракуна, Петроградъ, Невскiй, 32.

Гг. Архитект., инженер., земскимъ и городск. упр., помѣщ. и др. строит. АРХИТЕКТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДIЯ Г. В. БАРАНОВСКАГО

Форм. in folio 48x31 с. на слен. б. Обществен. зданiя въ 2 т. т. 1 а. б. 3000 черт. и рис. 25 р. т. 2 с. д. 3091 ч. и р. 25 р. Городъ. (Благоустройство городовъ). 2067 ч. и р. 25 р. Жилище. Дворы, замки, обшач. и доходи. д. Виллы, дачи и мн. друг. и 3610 ч. и р. 50 р. Элементы зодчества 2 т. т. 1-й 2677 ч. и р. 25 р. т. 2-й 3099 ч. и р. 25 р. Въ кн. въ ро кош. полукож. перепл. при заказе 10%, остальн. налож. плат. перес. за счетъ по-уш. выд. образц. листы за 1 р. 50 коп. съ перес. Проту общищ.: Петроградъ, Литейный, 25. Книжки. матад. Ф. Я. Москвитина.

БИБЛIЯ

Полная на рус. яз. съ параллел. мѣст. и указател., печатъ Синодальной типографiи иллюстрирована 208 картинами. Ц. 2 р. 1550 стр. въ прочн. красн. тн. золотомъ полукожан. переп. съ кол. футл. ц. 5 р., съ перес. Евр. Рос. 5 р. 65 к., ушак. 20 к. Первая и единствен. въ Россiи иллюстрир. Библия. Эту великую книгу книгъ долженъ имѣть каждый.
Адр: Петроградъ, Невскiй, 153/1.
Е. П. Масленникову.
Тел. 90-86.

И. ВИНЮКОВЪ и Н. СИНЦОВЪ Садовая 29. Гостиница Дюль (у Главъ вѣж) первый прудъ №15. ТРЕБУЕТЪ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕСЪ-КУРАНТЫ съ иллюстрациею всѣхъ музыкальн. инструм. и граммофонн. ЦѢНООПТОВЫЙ ВСЕМЪ

ПРЕВОСХОДНЫЙ для цвѣта лица

освѣжающiй кожу элегантнiй кремъ Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ имѣетъ очаровательный ароматъ цвѣтушихъ розъ. Онъ является гордостью женщинъ, желающихъ сохранить свой молодой видъ. Дермозонъ продается во всѣхъ аптекахъ, въ банкахъ по 30 граммъ. Остерегайтесь поддѣлокъ. Слѣдите, чтобы имя Д-ра Антона Мейеръ, Екатеринбург. кан., 29, были напечатаны полностью.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“, Петроградъ, Невскiй, 40, Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (на Дону) и Саратовъ,

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ УЧЕБНЫЯ КНИГИ:

- Солосинъ, И. И. Начальный курсъ исторiи русскаго языка въ свѣтъ церковно-славянскому. Учебникъ по русскому языку для IV класса среднихъ учебныхъ заведенiй. Уч. Ком. М. И. Пр. удостоенъ именiя Императора Петра Великаго. Петроградъ. 1915 г. Ц. 50 к.
Каблуковъ, С. П. и Нэймаркъ. Учебникъ математики. Курсъ 7-го класса реальн. училищъ. Петроградъ. 1915 г. Ц. 8 р. 25 к., въ перепл. 8 р. 50 к. Съ приближенiемъ очерка ПО-ТАННЕРИ „ОСНОВНЫЯ СВѢДѢНIЯ ИЗЪ ИСТОРIИ МАТЕМАТИКИ“. Переводъ съ французскаго Н. ЕВРЕЙНОВА. Съ 184 чертежами въ текстѣ. Петроградъ. 1914 г. Ц. 8 р.
Лезанъ, Ш. Обученiе счисленiю. Сочиненiе преподавателя. Переводъ съ франц. и. ЕВРЕЙНОВА. съ 27 рисунками въ текстѣ. Петроградъ. 1914 г. Ц. 40 к.
Игнатьевъ, Е. И. Начатки ариометики. Концентрическое руководство для обученiя и самообученiя ЧАСТЬ I. АРИОМЕТИКА ЦѢЛЫХЪ ЧИСЕЛЪ. Подготовительная часть о дробяхъ. Съ рисунками и таблицами. Петроградъ. 1914 г. Ц. 60 к.
Игнатьевъ, Е. И. Задачникъ по ариометикѣ для подготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведенiй. Ч. I. Первый десятокъ. Ч. II. Первая сотня. Ч. III. Счисленiя и дѣленiя нацѣлыми числами любой величины. Съ рисунками. Петроградъ. 1915 г. Ц. 50 к.
Нивинскiй, Д. I. Народная словесность. Пособiе для учащихся при изученiи русской литературы. Петроградъ. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.
Каменьщикъ, Н. Сокращенный курсъ космографiи. Съ 88 рис. и приложенiемъ статей: „Что мы наблюдаемъ на небѣ“, „Простѣйшия наблюденiя“ и звѣздной карты. Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведенiй. Петроградъ. 1914 г. Ц. 70 к.
Каменьщикъ, Н. Сборникъ задачъ по космографiи (начальной астрономiи). Съ приложенiемъ звѣздной карты, небесной планисферы и четырехъ таблицъ. Петроградъ. 1913 г. Ц. 75 к.
Боргманъ, А. И. Отечественная исторiя для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведенiй. Съ 48 рисунками, родословной и хронологической таблицами. (Примѣнительно къ программамъ 13 июля 1913 г.) Уч. Ком. М. И. Пр. допущена въ нач. учебн. по-бiю для младш. классовъ мужскихъ ср. уч. заведенiй, въ качествѣ учебн. руководствъ для III класса женскихъ гимназiй и въ классн. употребленiю въ высшихъ начальныхъ училищъ. Петроградъ. 1914 г. Ц. 75 к.
Боргманъ, А. И. Учебная книга по русской исторiи Въ 2 частяхъ. Ч. I. До Петра Великаго. Ч. II. Съ Петра Великаго. Ц. 75 к. Уч. Ком. М. И. Пр. допущена, а Учбн. Ком. Вѣдомствъ Императрицы Марiи одобрена въ качествѣ учебн. руководствъ для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведенiй.

Въ магазинахъ Т-ва имѣются учебники, принятые во всѣхъ учебныхъ заведенiяхъ низшихъ, среднихъ и высшихъ, — географическiе атласы и карты.
Исполняются заказы на всѣ книги учебныя, народныя, дѣтскiя, книги для легкаго чтенiя, справочныя и проч.

САМОКРАСЯЩIЯ ГРЕБЕНКИ.

Электрич., безъ красокъ, 10 р. СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНIЙ Петроградъ, Морская, 33.

М. Н. ВОЛКОНСКIЙ

МАЛЬТИЙСКАЯ ЦѢПЬ

ИСТОРИЧЕСКIЙ РОМАНЪ

Цѣна 50 коп.

Г. В. МИТТОНЪ

ЗВѢЗДНОЕ НЕБО

КНИГА ДЛЯ ДѢТЕЙ

Съ 18 отдѣльными рисунками и чертежами въ текстѣ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛIЙСКАГО

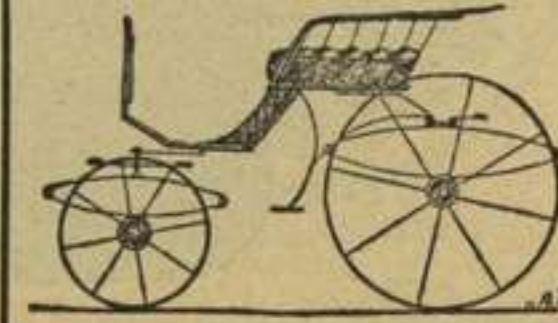
Е. КИТТЕЛЬ

Цѣна въ колескор. переплетѣ 2 руб.

Изданiе А. С. Суворина.

НОВАЯ КНИГА: Галичина

Н. М. ЛАГОВЪ. ея исторiя, природа, населенiе, богатства, достопримѣчательности. Изд. Н. П. КАРБАСНИКОВА. 1915 г. Цѣна 80 коп., съ перес. налож. платеж. 1 р. 15 к. СОДЕРЖАНIЕ: 1. Далекое прошлое; 2. До нашихъ дней; 3. Природа; 4. Населенiе; 5. Бытъ и хозяйство; 6. Стольный гор. Львовъ; 7. Краковъ; 8. Другiе города Складъ: Т-во „Н. П. КАРБАСНИКОВЪ“, Петроградъ, Гостиный дв. № 19.

Ярошевская Экипажная фабрика

Ст. Чолово Моск.-Винд.-Рыб. ж. д. Изготавливаетъ экипажи сельскiе, сельско-хозяйственныя и городскiе. Специальность: экипажи на резиновыхъ буферахъ (рессорсахъ) по системѣ А. П. Энгельгардта. Фабрика существуетъ 30 лѣтъ. Преподать на днѣ 7 коп. марш. Адресъ для писемъ: ст. Чолово Моск.-Винд.-Рыб. ж. д., для Петроградскихъ заказчиковъ Невскiй 10/2, кв. 8.

Рисунок из книги «Королева земли Франкской».

Королева земли Франкской. Исторический романъ. Орландова-Кострицкого. Ц. 2 р.
На землѣ. Разказы. С. Городецкого. Ц. 1 р.
Дни любви. Разказы. С. Городецкого. Ц. 1 р. 25 к.
Старья гнѣзда. Повѣсти и разказы. С. Городецкого. Ц. 1 р.
Великій романтикъ. Викторъ Гюго, его жизнь и труды. А. Турчиновича. Ц. 75 к.
Дочь Петра Великаго Елизавета I, Императрица Всероссійская. К. Валишевскаго. Ц. 5 р.
Сынъ Великой Екатерины. Императоръ Павелъ I, его жизнь, царствованіе и смерть. К. Валишевскаго. Ц. 6 р.
Русскія повѣсти. XVII и XVIII вв., подъ редакціей и съ предисловіемъ В. В. Сиповскаго. Ц. 2 р. 50 к.
Годъ русской славы. Незабвенный 1812 годъ. О. А. Тарапанина. Ц. 75 к.
Братъ на брата. Историческая повѣсть для юношества. Г. Т. Свверцева-Полилова. Ц. 1 р. 75 к.
Подъ удѣльною властью. Историческая повѣсть для юношества. Г. Т. Свверцева-Полилова. Ц. 1 р. 75 к.
Чужое счастье. Историческій разказъ. В. П. Андреевской. Съ рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к.
Чудище. Повѣсть. Несбита. Перев. съ англ. А. Гвоздева. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

ЭТИ КНИГИ ПРОДАЮТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
 Т-ВА А. С. СУВОРИНА «НОВОЕ ВРЕМЯ» И ВЪ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫХЪ КІОСКАХЪ.

Изъ пещеръ и дебрей Индостана. Е. П. Блаватской. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.
Въ лѣсныхъ дебряхъ. Разказы. Ч. Роберта. Перев. съ англійскаго Волошинова. Съ рис. Пюшинскаго. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
Въ царствѣ смекалки или ариеметика для всѣхъ. Книга для семьи и школы. Е. И. Игнатъева. Опытъ математической хрестоматіи. Въ трехъ книгахъ съ рис. и чертежами. Задачи съ ршеніями. Кн. I цѣна 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к., кн. II цѣна 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 50 к., кн. III цѣна 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 50 к.
Чудеса растительнаго царства. Популярныя очерки изъ жизни растеній. П. Е. Васильковскаго. Съ 161 рис. Пгр. 1912 г. Ц. 2 р. 60 к. въ переплетѣ 3 р. 35 к.

Рисунок изъ книги «Изъ пещеръ и дебрей Индостана».